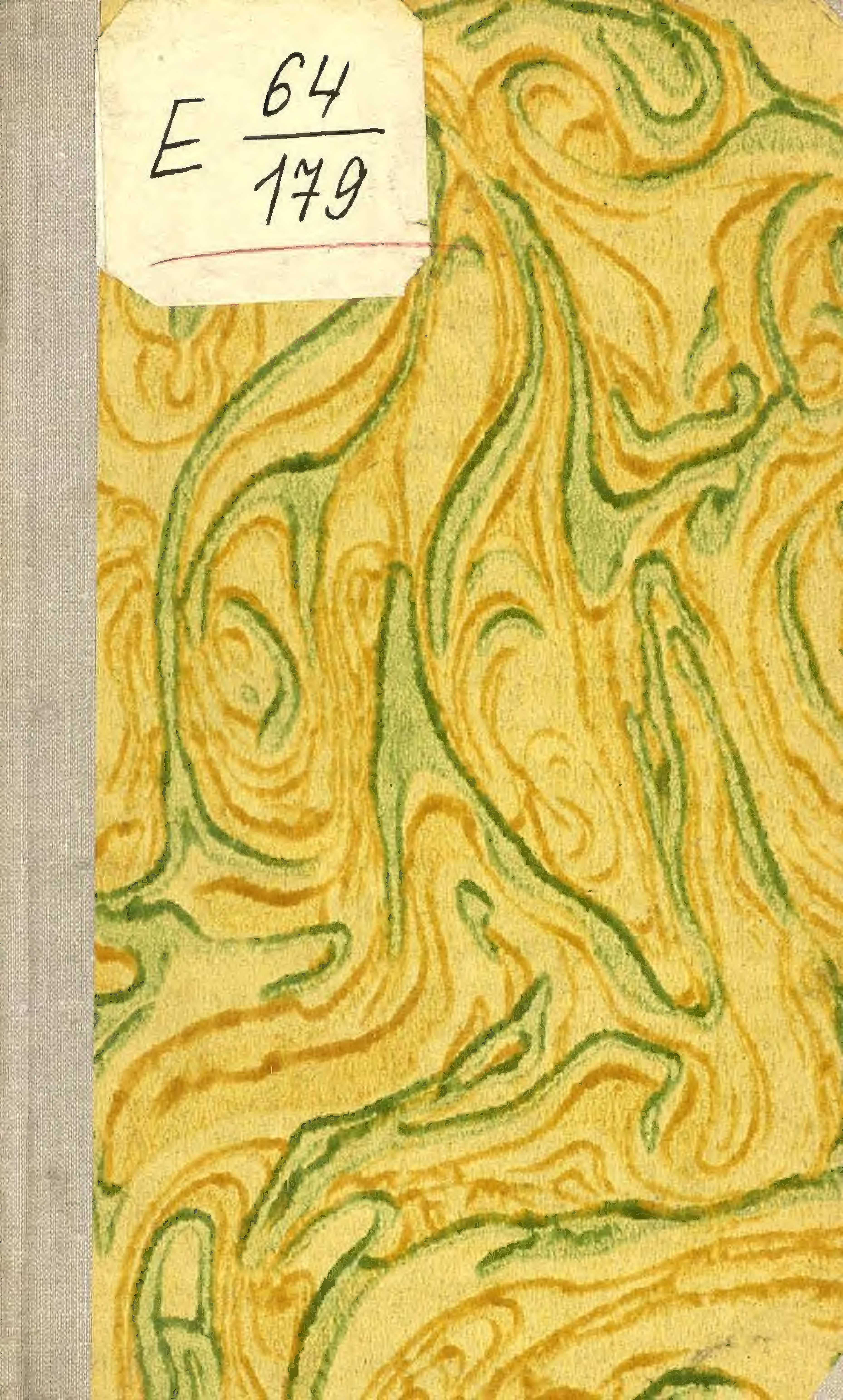

ОТЕЦЪ ІОАННЪ

Ильичъ Сергіевъ

КРОНШТАДТСКІЙ,

протоіерей Андреевскаго собора.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Н. Н. Животова.

ОДЕРЖАНІЕ:

Четвертое изданіе, значительно дополненное.

МОСКВА.
Типографія Высоч. утв. Т-ва И. Д. Сытина. Валовая ул., свой домъ.
1894.

ОТЕЦЪ ІОАННЪ

Ильичъ Сергіевъ

КРОНШТАДТСКІЙ,

протоіерей Андреевскаго собора.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Н. Н. Животова.

Четвертое изданіе, значительно дополненное.

МОСКВА.
Типогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Д. Сытина, Валовая улица, свой д.
1894.

От Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва, декабря 20 дня 1893 года.

Цензоръ священникъ *Григорій Дьяченко.*

ОТЕЦЪ ІОАННЪ

КРОНШТАДТСКІИ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Въ нашей русской исторіи есть много прославившихся людей: великіе полководцы, геніальные государственные сановники и законодатели, поэты, художники, писатели... Есть имена, которыя знакомы каждому русскому человѣку и ребенку, отъ дворцовыхъ палатъ до курной хаты мужичка... Но если мы ближе разсмотримъ біографію всѣхъ этихъ лицъ, то окажется, что они обязаны своей славой или природному генію или крупному таланту, совершенно исключительному, безъ котораго они ничего не могли бы сдѣлать, или, наконецъ, благодаря извѣстному положенію отъ рожденія, счастливому случаю и т. п.

Слава отца Іоанна не меньше славы великаго полководца, министра, ученаго мужа или поэта. А между тѣмъ слава эта, оставляя послѣ себя яркій и долгій слѣдъ въ человѣчествѣ, не зависитъ ни отъ случая ни отъ таланта. Каждый простой смертный можетъ получить эту славу подобно о. Іоанну, если только онъ будетъ слѣдовать примѣру кронштадтскаго пастыря и отдавать всю жизнь, всю душу свою во славу Божію и на благо человѣчества.

* * *

Едва ли на святой Руси найдется православный, который не слыхалъ бы объ отцѣ Іоаннѣ кронштадтскомъ. Около тысячи ежедневныхъ писемъ, получаемыхъ почтеннымъ протоіереемъ, и

1*

многія тысячи богомольцевъ, стекающихся со всей Россіи, не исключая Урала, Сибири, Каспія, Волги и Кавказа, свидѣтельствуютъ о громадной популярности этого, выдающагося изъ ряда обыкновенныхъ, служителя алтаря. Великимъ постомъ о. Іоанну приходится исповѣдывать являющихся къ нему съ 6—7 часовъ вечера и до 2-хъ часовъ ночи; тутъ одинаково приходится удивляться какъ неутомимой энергіи о. Іоанна, такъ и терпѣнію богомольцевъ, изъ которыхъ многіе, прождавъ до ночи очереди и оставаясь безъ исповѣди, являются на завтра съ утра и снова стоятъ у иконы Божіей Матери до поздняго вечера, пока, наконецъ, и до нихъ дойдетъ очередь.

Наглядныхъ примѣровъ огромной, выдающейся популярности о. Іоанна много. Очень часто вокзалъ желѣзной дороги осаждается тысячной толпой; а иногда у воротъ дома въ нѣсколько минутъ группируется густая толпа; бываетъ, на улицахъ приходится даже остановить движеніе экипажей въ виду чрезмѣрнаго скопленія публики...

— Что же это, откуда столько публики? чего она ждетъ?—спрашиваютъ прохожіе.

— Отецъ Іоаннъ здѣсь,—лаконически отвѣчаютъ изъ толпы, и скопленіе публики для всѣхъ понятно; никто не спроситъ, что это за отецъ Іоаннъ, почему имъ интересуются и т. п.

— Отецъ Іоаннъ здѣсь!

Откуда толпа узнала такъ быстро, что здѣсь о. Іоаннъ, и почему она молча ждетъ цѣлые часы? И что это за толпа? Тутъ и военные, и чиновники, и женщины, и дѣти, купцы и торговцы, интеллигенты и простой народъ—всѣ столпились въ группу, ждутъ и знаютъ только, что

— Отецъ Іоаннъ здѣсь!

Никого даже не интересуетъ, скоро ли выйдетъ о. Іоаннъ, давно ли онъ здѣсь, у кого, по какому случаю и т. д.

— Подождемъ, выйдетъ.

И ждутъ; нерѣдко долго ждутъ, а только вышелъ кронштадтскій пастырь, ему болѣе часа придется благословлять, пока провожающимъ не удастся впихнуть его насильно въ карету и крикнуть кучеру: „пошелъ!“ Сначала бѣгутъ за каретой, заглядываютъ въ окно и, когда карета умчится, стоятъ еще и смотрятъ вдаль...

— Уѣхалъ!..

А тамъ, гдѣ карета снова остановится, толпа уже стоитъ и ждетъ. Точно объявленія или аншлаги какіе распубликованы съ указаніемъ дня и числа. Нѣтъ, просто чутьемъ какимъ-то узнаютъ, собираются и терпѣливо ждутъ. То же самое повторяется, гдѣ бы о. Іоаннъ ни былъ: въ Петербургѣ, Москвѣ, Новгородѣ, Харьковѣ... О Кронштадтѣ нечего, конечно, и говорить: тамъ, около домика о. Іоанна, толпа не расходится весь день и всю ночь; одни приходятъ, другіе уходятъ,—и такъ изо дня въ день, изъ года въ годъ, съ возрастающей пропорціей численности толпы.

Есть и еще много примѣровъ популярности кронштадтскаго протоіерея, хотя и приведенныхъ нами было бы достаточно.

Послѣдніе годы, въ какомъ бы семействѣ ни произошло большое несчастіе или ни оказался бы смертельно больной, взоры всѣхъ обращаются къ о. Іоанну. Мы знаемъ примѣры, когда даже евреи прибѣгали къ молитвѣ нашего пастыря, получали облегченіе и, конечно, немедленно послѣ исцѣленія принимали православіе. Знаемъ мы одного купца, который изъ далекой Сибири пріѣхалъ спеціально помолиться съ о. Іоанномъ, и примѣръ этого купца вовсе не единичный. Многіе знаютъ одно очень высокопоставленное лицо, которое въ критическую минуту своей болѣзни, когда доктора отказались помочь, приказало пригласить къ себѣ о. Іоанна и получило исцѣленіе. Сотни, чтобы не сказать тысячи, подобныхъ случаевъ исцѣленія переходятъ изъ устъ въ уста и слагаются въ цѣлыя повѣствованія...

Такова популярность нашего выдающагося современнаго пастыря, жизнь котораго представляетъ сплошной примѣръ христіанской любви, смиренія и высокаго самоотверженія. Популярность эта не даромъ досталась о. Іоанну; не реклама или случай выдвинули его и сдѣлали всероссійски извѣстнымъ и высокочтимымъ. Нѣтъ, любовь и уваженіе всей Россіи о. Іоаннъ стяжалъ своею праведною жизнью и своими молитвами.

Въ предлагаемомъ читателямъ очеркѣ собраны по возможности полные матеріалы о 35-ти-лѣтней дѣятельности о. Іоанна. До сихъ поръ нѣтъ еще подобнаго изданія, и хотя нашъ очеркъ не претендуетъ на окончательную полную біографію о. Іоанна, но думаемъ, что онъ будетъ далеко не излишнимъ.

Біографія о. Іоанна кронштадтскаго.

Самъ о. Іоаннъ сообщилъ подробную свою автобіографію издателю журнала „Сѣверъ“, гдѣ она и была напечатана въ 1888 году, а оттуда заимствуемъ ее и мы.

„ Я—сынъ причетника Архангельской губерніи, села Сурскаго, и родился въ 1829 году. Вотъ, нисколько не подготовленный къ школѣ, едва умѣвшій читать по складамъ, я поступилъ въ архангельское приходское училище своекоштнымъ воспитанникомъ въ 1839 году, на десятомъ году возраста. Туго давалась мнѣ грамота: руководителей ближайшихъ не было, до всего долженъ былъ доходить самъ. Нималая скорбь была у меня по поводу моей непонятливости. Но съ дѣтства, будучи пріученъ примѣромъ отца и матери къ молитвѣ, я былъ благочестиво настроеннымъ мальчикомъ и любилъ молитву и богослуженіе, особенно—хорошее пѣніе. Скорбя о неуспѣхахъ ученія, я горячо молился Богу, чтобы Онъ далъ мнѣ разумъ, — и я помню, какъ вдругъ спала точно завѣса съ моего ума, и я сталъ хорошо понимать ученіе. Чѣмъ больше я возрасталъ, тѣмъ лучше и лучше успѣвалъ въ наукахъ, такъ что почти изъ послѣднихъ возвысился до перваго изъ учениковъ, особенно въ семинаріи, въ которой окончилъ курсъ первымъ студентомъ въ 1851 году, и былъ посланъ въ Петербургскую духовную академію на казенный счетъ. Въ академическомъ правленіи тогда занимали мѣста письмоводителей студенты, за самую ничтожную плату (около 10 р. въ мѣсяцъ), и я, имѣя мать, бѣдную вдову, нуждавшуюся въ моей помощи, на предложеніе секретаря академическаго правленія, съ радостью согласился занять это мѣсто. Окончивъ курсъ кандидатомъ богословія въ 1855 году, я поѣхалъ священникомъ въ Кронштадтъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, женившись на дочери мѣстнаго протоіерея, К. П. Несвицкаго, Елизаветѣ, находящейся въ живыхъ и доселѣ; дѣтей у меня нѣтъ и не было. Съ первыхъ же дней своего высокаго служенія Церкви, я поставилъ себѣ за правило: сколь возможно искреннѣе относиться къ своему дѣлу,

пастырству и священнослуженію, строго слѣдить за собою, за своею внутреннею жизнью. Съ этою цѣлью прежде всего я принялся за чтеніе священнаго писанія ветхаго и новаго завѣта, извлекая изъ него назидательное для себя, какъ для человѣка, священника и члена общества. Потомъ я сталъ вести дневникъ, въ которомъ записывалъ свою борьбу съ помыслами и страстями, свои покаянныя чувства, свои тайныя молитвы ко Господу и свои благодарныя чувства за избавленіе отъ искушеній, скорбей и напастей. Въ каждый воскресный и праздничный день я произносилъ въ церкви слова и бесѣды или собственнаго сочиненія или проповѣди митрополита Григорія. Нѣкоторыя изъ моихъ бесѣдъ изданы, а весьма много осталось въ рукописи. Изданы: бесѣда „О Пресвятой Троицѣ", „О сотвореніи міра", „О Промыслѣ Божіемъ", „О мірѣ" и „О блаженствахъ Евангельскихъ". Кромѣ проповѣдничества, съ самаго начала священничества я возымѣлъ попеченіе о бѣдныхъ, какъ и самъ бывшій бѣднякомъ,— и лѣтъ около двадцати назадъ провелъ мысль объ устройствѣ въ Кронштадтѣ „Дома Трудолюбія" для бѣдныхъ, который и помогъ Господь устроить лѣтъ 15 тому назадъ. И все".

Вотъ вся автобіографія высокаго пастыря, но мы многое имѣемъ къ ней прибавить.

Пастырь-учитель свыше тридцати лѣтъ является какъ по своему положенію, такъ и по личнымъ своимъ достоинствамъ выдающимся представителемъ православной Церкви, съ неутомимою ревностью проповѣдующимъ „благовременно и безвременно", обличающимъ, запрещающимъ, умоляющимъ со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ...

Наша Церковь нашла въ этомъ скромномъ служителѣ алтаря живую силу и ревностнаго борца противъ всѣхъ нападокъ иновѣрія и безвѣрія. Преисполненное любовью и твердостью слово о. Іоанна, простая, мягкая и задушевная рѣчь, сила его молитвъ производятъ властное, неотразимое впечатлѣніе и не только оставляютъ глубокій слѣдъ въ слушателяхъ или очевидцахъ, но заканчиваются часто полнымъ нравственнымъ перерожденіемъ. Яркую черту на всю жизнь и нравственный образъ кронштадтскаго пастыря налагаютъ милосердіе и состраданіе его къ страждущей братіи, доступное, почти нѣжное, отеческое обращеніе съ людьми разныхъ положеній, внимательное отношеніе къ человѣ-

ческой совѣсти и проникновеніе въ глубочайшіе тайники людского сердца.

По происхожденію о. Іоаннъ — уроженецъ суровой холодной Архангельской губерніи и первые годы своей жизни провелъ въ не менѣе суровой обстановкѣ, въ многочисленной семьѣ его отца, заурядняго бѣднаго причетника. Здѣсь ему приходилось видѣть сцены безвыходной нищеты, почти голода, и въ душѣ ребенка остались одни мрачныя впечатлѣнія человѣческой жизни, одни страданія, картины горя и отчаянія. Представленія о другой, болѣе привольной, житейской обстановкѣ ребенокъ нигдѣ не видалъ и не встрѣчалъ. Отсюда становится понятнымъ, почему о. Іоаннъ на всю жизнь сохранилъ глубокую любовь къ людямъ и состраданіе къ человѣческимъ невзгодамъ, а съ другой стороны— болѣе чѣмъ скромная обстановка его собственной жизни. 9-ти-лѣтнимъ мальчикомъ о. Іоанна отвезли въ Архангельскъ въ приходское духовное училище; его родители, несмотря на крайнюю бѣдность, придавали образованію дѣтей значеніе первостепенной важности, хорошо понимая, что только образованіе можетъ вывести человѣка изъ печальной обстановки архангельскаго причетника.

Жизнь въ училищѣ не представляла для мальчика какихъ-либо особенностей; онъ хорошо учился, еще лучше велъ себя, и поэтому, когда окончилъ курсъ, начальство само хлопотало о переводѣ его въ семинарію, а потомъ въ С.-Петербургскую духовную академію.

Изъ мальчика сложился уже юноша съ высокими идеалами, пылкими стремленіями, широкими планами посвятить себя на дѣло служенія Церкви и отечеству. О. Іоаннъ, 17-ти-лѣтнимъ юношей, готовился пойти въ монахи, миссіонеры дальнихъ странъ и распространить свѣтъ православія далеко за предѣлы нашего отечества. Судьба, однако, рѣшила иначе, и ему пришлось впослѣдствіи всю жизнь провести у моря... а ни разу не выѣзжать за предѣлы Россіи...

Время, проведенное въ академіи, повліяло на о. Іоанна, такъ сказать, охлаждающе... Онъ увидѣлъ, что вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Японію или Китай, надо въ самомъ Петербургѣ распространять и насаждать православіе. Поприще для борьбы съ безвѣріемъ и иновѣріемъ было огромно; всѣ окрестности столицы

заражены расколомъ, а въ столицѣ свило гнѣздо безвѣріе и сектантство. О. Іоаннъ окончательно рѣшилъ остаться въ бѣломъ духовенствѣ, поселиться въ окрестностяхъ столицы и всѣмъ существомъ отдаться своей пастырской миссіи. Въ 1855 г. отецъ Іоаннъ окончилъ курсъ духовной академіи со степенью кандидата богословія и въ томъ же году принялъ первую открывшуюся вакансію въ окрестностяхъ Петербурга. Случай выпалъ въ Кронштадтъ, въ соборъ св. Андрея Первозваннаго, и съ 1855 года до настоящихъ дней о. Іоаннъ остается въ томъ же самомъ храмѣ, на томъ же самомъ мѣстѣ, рѣшительно отклоняя всѣ предлагавшіеся ему перемѣщенія и переводы.

* * *

Отецъ Іоаннъ выдается изъ толпы прочихъ современниковъ тѣмъ, что біографическій очеркъ его дѣятельности не укладывается въ обычныя рамки ординарныхъ біографій. Хотя я, кажется, передалъ *всѣ* біографическія свѣдѣнія, но, въ сущности, я еще очень мало сказалъ, и читатель далеко не получилъ полнаго представленія о личности скромнаго священника, слава о которомъ прошла по всему нашему обширному отечеству и проникла въ каждую деревушку. Гдѣ же особенно яркая черта всей жизни и нравственнаго образа отца Іоанна? Гдѣ та магическая сила, которою покоряетъ онъ себѣ сердца людей и привлекаетъ вокругъ себя тысячныя толпы? Вѣдь, ни проповѣдями, ни священнослуженіемъ, ни уроками закона Божія, ни подаяніями, нѣтъ! Все это имѣютъ и другіе служители алтаря, возвышающіеся до святительскаго сана, однако, народъ не бѣжитъ за ними толпою, не ищетъ годами ихъ благословенія и молитвъ, не готовъ вѣрить каждому ихъ слову, приказанію, совѣту...

Гдѣ же „секретъ" популярности отца Іоанна? Вотъ здѣсь начинается главная и самая существенная часть біографіи отца Іоанна — та часть, которая совершенно отсутствуетъ у всѣхъ другихъ знаменитостей. Обыкновенно, мы беремъ того или другого современника и разсматриваемъ его общественную дѣятельность съ точки зрѣнія „славы", какъ высшей награды стремленій человѣческаго духа, насколько дѣятельность эта есть подобіе, образъ вѣчности и безсмертія человѣческихъ подвиговъ. Мы знакомимся съ „дѣяніями" воина, адвоката, министра, профессора—

на выбранномъ ими пути, и въ качествѣ біографовъ или историковъ отмѣчаемъ „славу“ ихъ подвиговъ.

Никому и никогда не приходило въ голову заглядывать въ частную жизнь знаменитаго современника и тамъ дѣлать какія-либо характеристики, искать біографическихъ фактовъ. Пожалуй, мы на это и права не имѣемъ. Къ тому же государственные люди или свѣтила наукъ и искусствъ сказываются въ своихъ общественныхъ дѣяніяхъ настолько полно, что безполезно было бы и рыться въ ихъ домашней жизни.

А отецъ Іоаннъ? Приложите къ нему эту общую мѣрку — и вы ровно ничего не получаете. Всякій изъ читателей понимаетъ сердцемъ и умомъ, что о. Іоанну принадлежитъ дивная, чудно-прекрасная слава, сливающая его воедино со всей православной Русью; къ нему рвутся мысли милліоннаго населенія, многіе не довольствуются „мыслью“ и идутъ за тысячи верстъ въ Кронштадтъ, чтобы осязательнѣе удовлетворить свое рвеніе, и однако мы подробно разсмотрѣли всю 35-лѣтнюю *общественную* дѣятельность скромнаго священника и не нашли въ ней ничего экстраординарнаго, выдающагося.

Что же это?

Постараемся, насколько хватитъ нашего умѣнья, дать очеркъ *внутренней жизни* отца Іоанна, его *нравственный образъ*, и тогда, быть-можетъ, мы найдемъ ключъ къ разгадкѣ...

Дѣло въ томъ, что жизнь отца Іоанна не дѣлится вовсе на общественную и частную, какъ у всѣхъ вообще другихъ людей. У него нѣтъ частной *своей* жизни. Онъ весь принадлежитъ своему долгу и служенію, а потому въ его біографическомъ очеркѣ нельзя и ограничиваться одними внѣшними фактами. Генералъ или министръ, ученый или ораторъ, вернувшись домой, перестаетъ быть генераломъ, министромъ, ученымъ, ораторомъ; онъ отдается семьѣ, знакомымъ, ѣдетъ въ театръ, играетъ въ карты, пируетъ съ пріятелями. У отца Іоанна этого не случалось за всѣ 35 лѣтъ *ни разу*; онъ возвращался домой, находилъ сотни народа, десятки неотложныхъ приглашеній, тысячи писемъ, просьбъ и т. п. Наскоро удовлетворивъ голодъ, а иногда и не ѣвши, онъ спѣшитъ удовлетворить по возможности всѣхъ, не взирая на утомленіе, голодъ... Даже 3—4 часа въ сутки для сна не при-

надлежатъ всецѣло о. Іоанну: онъ проводитъ ихъ нерѣдко въ вагонѣ, каретѣ, а то и вовсе не спитъ...

Непреоборимая вѣра и пламенная любовь къ Богу, правдѣ и человѣку, пропитывающая каждый атомъ существа отца Іоанна и заставляющая его совершенно забывать свое „я"—вотъ та сила, которая создала скромному священнику *славу*, это Сократъ или Пиѳагоръ новѣйшаго времени, съ тою только разницею, что древніе философы и мудрецы жили для другихъ по собственному высоконравственному ученію, а кронштадтскій пастырь не имѣетъ нужды въ собственномъ ученіи и живетъ для другихъ по заповѣди Христа, подражая примѣру Божественнаго Учителя.

Не стану утверждать, справедливы ли слухи, что о. Іоаннъ носитъ вериги, но я могу удостовѣрить, что онъ на примѣрѣ странника Александра Михайлова не считалъ вериги чѣмъ-либо противоестественнымъ, а, напротивъ, говорилъ, что это орудіе есть самый легкій способъ для обузданія плоти, и человѣкъ, который не въ состояніи обуздать своего тѣла, пріучить его къ лишеніямъ, бороться съ его страстями, можетъ одѣть на себя вериги...

О. Іоаннъ, положимъ, не нуждается въ желѣзныхъ веригахъ, потому что его желѣзная воля крѣпче всякихъ веригъ сковываетъ тѣло со всѣми его страстями и слабостями.

Итакъ уничтоженіе собственной частной жизни и своего „я", поглощаемаго самоотверженной любовью, составляетъ силу и славу подвижнической жизни о. Іоанна. На примѣрахъ древнихъ христіанъ и греческихъ или римскихъ мудрецовъ мы видимъ, что во всѣ времена человѣчества для самоотверженной любви былъ путь къ той славѣ, которую стяжалъ себѣ о. Іоаннъ. Для этой славы не нужно ни богатства, ни знатнаго происхожденія, ни громкихъ побѣдъ или изданія мудрыхъ законовъ. Сократъ не имѣлъ ничего, кромѣ свѣтлаго разума и любви, а между тѣмъ имя его живетъ донынѣ.

День о. Іоанна кронштадтскаго.

На приморской окраинѣ города Кронштадта, на углу двухъ отдаленныхъ улицъ, въ полуверстѣ отъ Андреевскаго собора, стоитъ небольшой сѣрый домикъ, скрытый отъ глазъ прохожихъ довольно высокимъ заборомъ и густою растительностію. Домикъ раздѣленъ на двѣ половины, и въ меньшей части, состоящей всего изъ трехъ низенькихъ комнатокъ, проживаетъ чтимый Россіею протоіерей о. Іоаннъ Сергіевъ, одинъ изъ трехъ священниковъ Андреевскаго собора въ Кронштадтѣ.

Обстановка столько же чиста, уютна, сколько и скромна, почти бѣдна: кровать съ жесткимъ матрацомъ, простой столъ, нѣсколько стульевъ, два-три шкафа—вотъ вся меблировка квартиры кронштадтскаго протоіерея, раздающаго ежегодно сотни тысячъ рублей пособій, подаяній и Христовой милостыни бѣднякамъ.

* * *

Посмотримъ, *какъ* проводитъ свой трудовой день кронштадтскій пастырь. Лѣтомъ еще чуть загорается востокъ и солнышка не видно, а зимою ночь темная и непроглядная, когда о. Іоаннъ просыпается; бодрый и, какъ всегда, серьезный и сосредоточенный, онъ, умывшись, становится передъ своими иконами и приноситъ утреннія молитвы... Если бы въ эту минуту раздался крикъ: „пожаръ", „наводненіе", „непріятель" и т. п., по всей вѣроятности, о. Іоаннъ не услышалъ бы ихъ или, вѣрнѣе, не обратилъ бы на нихъ вниманія, потому что онъ весь ушелъ въ молитву, перенесся въ другой міръ, забылъ о всемъ земномъ...

Съ полчаса приблизительно длится молитва, послѣ чего о. Іоаннъ принимаетъ еще болѣе свѣжій и бодрый видъ; во всей его фигурѣ видна желѣзная энергія, несокрушимая твердость и въ то же время въ глазахъ свѣтится необыкновенная доброта...

Вотъ о. Іоаннъ одѣлся и направился къ церкви, но не такъ ему легко достигнуть цѣли, хотя храмъ всего въ полуверстѣ. Ворота его дома окружены толпой, совершенно непроницаемой; здѣсь половина богомольцевъ, накунунѣ прибывшихъ „со своими немощами" къ о. Іоанну за чудотворной молитвой, половина же

ждетъ милостыни. Многимъ приходило въ голову, что о. Іоаннъ дѣлается жертвой профессіональныхъ нищихъ, эксплуатирующихъ его щедрость и доброту. Я имѣю положительные факты и на основаніи множества примѣровъ утверждаю, что этого нѣтъ, да и быть не можетъ.

Обладаетъ ли о. Іоаннъ необыкновенной памятью, чтобы запомнить каждаго просителя, или онъ принадлежитъ къ числу необыкновенныхъ физіономистовъ, чтобы по выраженію лица читать мысли и заглядывать въ душу, или же, наконецъ, какъ утверждаютъ многіе, это особый даръ свыше, откровеніе, но только о. Іоаннъ *знаетъ*, кому подаетъ и безошибочно помогаетъ истинной нуждѣ. Эта классификація такъ вѣрна и мѣтка, что профессіональные кронштадтскіе нищіе не дерзаютъ даже на дорогѣ попадаться о. Іоанну; они обходятъ кривыми дорогами, чтобы случайно даже не попасть на глаза добраго, но зато и строгаго пастыря. Конечно, возможны случаи, что какому-нибудь проходимцу удастся незамѣтно урвать подаяніе или обмануть пастыря, но такихъ случаевъ, вѣроятно, очень мало, потому что объ нихъ почти не приходится слышать. Напротивъ, почти ежедневно встрѣчается какой-либо субъектъ, заливающійся горькими слезами...

— Меня *прогналъ* батюшка, — отвѣчалъ онъ, всхлипывая на вопросы.

Прогналъ! И это „прогналъ“ не только величайшее наказаніе для оборванца, но оно страшитъ его за будущее, ужасаетъ его во много разъ больше всякаго судебнаго приговора. И никто не можетъ утѣшить „прогнаннаго“, главнымъ образомъ потому, что каждый понимаетъ всю важность такого „прогналъ“ и невольно самъ страшится за судьбу прогнаннаго, если ему не удастся вымолить прощеніе о. Іоанна. Одѣливъ собравшуюся толпу нищихъ, раздѣляя ихъ на „овецъ и козлищъ“, на правую и лѣвую, т. е. однимъ подавая, а другихъ отстраняя, о. Іоаннъ благословилъ кого успѣлъ, а, можетъ-быть, кого „хотѣлъ“ и садится на извозчика. Хоть до собора не больше полуверсты, но о. Іоаннъ всегда *ѣздитъ*, потому что иначе онъ только къ вечеру добрался бы до собора... На паперти снова толпа и опять то же подаяніе и благословеніе...

Наконецъ, пастырь въ алтарѣ. Часовъ 6—6½ утра. Въ Андреевскомъ соборѣ три протоіерея, и потому о. Іоанну не каждый

день приходится отправлять службу; если очередь не его, то онъ становится на клиросъ вмѣсто дьячка и читаетъ Апостолъ, молитвы, поетъ... Громко, внятно, отчетливо и съ какимъ-то особымъ благоговѣніемъ звучитъ его пріятный и сильный голосъ, въ которомъ нѣтъ и признака старческой дряблости.

— Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу,—раздается въ храмѣ чтеніе о. Іоанна, и полная народомъ церковь падаетъ на колѣни.

Кончена служба (заутреня или ранняя обѣдня). У отца Іоанна 10—15 визитовъ въ Кронштадтѣ, нѣсколько уроковъ; потомъ 10—15 молебновъ, поѣздка въ Петербургъ; нѣсколько исповѣдниковъ, нѣсколько десятковъ визитеровъ, сотни двѣ писемъ, которыя надо всѣ прочитать, а на нѣкоторыя отвѣтить, сотни двѣ „поминаній“ о страдающихъ и больныхъ, просящихъ молитвъ о. Іоанна... А завтра опять то же и т. д. и т. д. изо дня въ день, изъ года въ годъ.

Внѣшность о. Іоанна за всѣ 35 лѣтъ осталась неизмѣнно та же. Никогда не казался онъ молодымъ человѣкомъ, но и теперь на 61 году отъ роду, онъ не только не похожъ на старика, но ему никто и не дастъ болѣе 35—40 лѣтъ, такъ онъ моложавъ, свѣжъ и бодръ. А между тѣмъ ему рѣдко удается спать болѣе 3—4 часовъ въ сутки; у него нѣтъ, да и не можетъ быть, опредѣленнаго времени для принятія пищи — онъ питается всегда наскоро тѣмъ, что предложатъ; не зная устали, по 5-ти и болѣе часовъ кряду онъ, какъ мы сказали, находится на ногахъ, служа въ церкви, исповѣдуя и пріобщая св. таинъ сотни людей. Ежедневно онъ ѣздитъ въ Ораніенбаумъ, Петербургъ, а то и Москву...

Лицо отца Іоанна не изъ тѣхъ, которое можно рисовать. Мнѣ приходилось десятки разъ видѣть уважаемаго пастыря, сличать потомъ разныя фотографіи и литографіи... Какая разница! Ничего похожаго!.. Понятно, никакая фотографія и никакая гравюра не могутъ передать этого нервно-подвижного лица, озаряемаго ясными голубыми глазами, полными глубокаго выраженія.

Лицо отца Іоанна вовсе не похоже на древне-патріаршій ликъ, изображаемый на памятникахъ старины или на иконахъ: его борода не большая и не окладистая, не густая и не сѣдая. Морщинъ на лицѣ не только глубокихъ и широкихъ, какъ многіе себѣ представляютъ, мысленно рисуя видъ о. Іоанна, но никакихъ нѣтъ, хотя цвѣтъ кожи, конечно, пересталъ быть бѣлымъ

съ широкимъ румянцемъ, какъ сорокъ лѣтъ тому назадъ. Борода сливается съ усами и обрисовываетъ очертаніе небольшого рта. Лобъ большой, высокій, съ двумя складками посрединѣ. Волосы лежатъ на плечахъ, гладко расчесанные, съ проборомъ по срединѣ лба. Рясу о. Іоаннъ носитъ много лѣтъ одну и ту же и на шеѣ два креста.

Выраженіе лица отца Іоанна въ обыкновенное время серьезное, но когда онъ священнодѣйствуетъ, поучаетъ или ведетъ бесѣду съ ищущими вѣры, къ этой серьезности прибавляется отраженіе такой любви и радости, такой несокрушимой вѣры и готовности на всякое самопожертвованіе, что сразу видно человѣка незауряднаго и ординарнаго; на губахъ его появляется улыбка, которая влечетъ къ себѣ толпу; свѣтлые и лучистые глаза полны добротой и любовью, за которыми исчезаетъ совершенно серьезность общаго выраженія лица отца Іоанна.

Но иногда это самое лицо можетъ быть грознымъ и гнѣвнымъ, заставляя трепетать людей далеко нетрусливыхъ. Тогда серьезное выраженіе лица принимаетъ видъ безпощадной строгости, а глаза мечутъ молніи. Впрочемъ, о. Іоаннъ принимаетъ такой видъ только исключительно противъ наглыхъ хулителей Бога, помня заповѣдь Спасителя, что всякая хула простится человѣку, но хула на Св. Духа не простится и лучше бы тому человѣку не родиться...

* *

Много лѣтъ уже батюшку ловятъ въ Кронштадтѣ или Петербургѣ, вручаютъ ему записку и просятъ помолиться или заѣхать; тѣ, кто можетъ—ѣдутъ сами въ Кронштадтъ, а живущіе далеко—списываются почтой или телеграфомъ. О. Іоаннъ ежедневно получаетъ спеціальную почту, которую возятъ изъ почтамта на квартиру секретаря (флотскаго офицера) *платяными корзинами*. Телеграммы и денежныя письма имѣютъ преимущество; ихъ распечатываютъ сейчасъ же, и секретарь выписываетъ имена на особую лентообразную бумагу, которую и вручаетъ о. Іоанну передъ совершеніемъ литургіи для поминанія за вынутіемъ просфоръ. На другую лентообразную бумагу выписываются адреса просящихъ посѣщенія, которые подносятся батюшкѣ послѣ богослуженія и просматриваются имъ въ алтарѣ, прежде начала посѣщеній; тяжко больные и умирающіе получаютъ при этомъ

предпочтеніе. Послѣ телеграммъ и денежной почты, секретарь и его помощники приступаютъ къ платяной корзинѣ простыхъ писемъ, изъ которыхъ дѣлаются новыя выборки на бумагу въ последовательномъ порядкѣ. Если не хватаетъ физическихъ силъ справиться со всей почтой, то послѣднія пачки писемъ называются лишь счетомъ.

— Столько-то нераспечатанныхъ!

Лично пріѣзжающіе къ отцу Іоанну въ Кронштадтъ для исповѣди или молитвы прежде имѣли совершенно свободный и легкій доступъ, потому что батюшка принималъ вездѣ, гдѣ приходилось его встрѣтить: на улицѣ, въ храмѣ, у себя дома; мало того, о. Іоаннъ самъ приходилъ въ общія квартиры, гдѣ останавливались пріѣзжающіе къ нему труждающіеся и обремененные, и здѣсь, по возможности, удовлетворялъ всѣ просьбы и нужды „дѣтей“ своихъ.

Но съ годами росла популярность скромнаго кронштадтскаго пастыря, увеличивались толпы его почитателей, и постепенно становилось все труднѣе добиться личнаго свиданія. Явились посредники между батюшкой и желающими его видѣть, преслѣдующіе въ большинствѣ личныя матеріальныя цѣли.

Мнѣ приходилось слышать негодующіе протесты:

— Какъ это позволяетъ о. Іоаннъ торговлю своею личностью и своими услугами? вѣдь, знаетъ же онъ о гешефтахъ окружающихъ лицъ?!..

Да, *знаетъ*. Знаетъ все это кронштадтскій пастырь и ведетъ постоянную борьбу со зломъ, но физическихъ силъ не хватаетъ справиться со всѣми окружающими хищниками, которымъ прежде всего помогаютъ сами же почитатели батюшки. Былъ, напримѣръ, случай, когда о. Іоаннъ объявилъ, что онъ не станетъ посѣщать одного страннопріимнаго дома. И между тѣмъ ежедневно нѣсколько десятковъ пріѣзжихъ ждали его въ этомъ домѣ, умоляя пріѣхать. Прогонитъ онъ какого-нибудь хищника, и затѣмъ десятки почитателей неотступно начинаютъ просить за прогнаннаго, а послѣдніе бѣгаютъ за батюшкой, на колѣняхъ заливаясь слезами.

* * *

Послѣднія 5—6 лѣтъ бесѣдовать съ о. Іоанномъ у него на дому стало совершенно невозможно, потому что онъ выходитъ изъ дому въ шестомъ часу утра, а возвращается лишь поздно

ночью, измученный и усталый; завтракать или обѣдать онъ попадаетъ домой, можетъ-быть, въ году нѣсколько разъ; для отдыха же или визитовъ его абсолютно никогда не бываетъ дома. Въ церкви, когда служитъ о. Іоаннъ, бываетъ такая масса народу, что развѣ только въ алтарѣ можно перекинуться нѣсколькими фразами; при выходѣ же приходится думать только, какъ бы добраться до экипажа.

Остаются, слѣдовательно, страннопріимные дома, если нельзя или трудно дождаться посѣщенія батюшки на дому.

Страннопріимныхъ домовъ въ Кронштадтѣ шесть и всѣ болѣе или менѣе тождественны между собою, по одному, такъ сказать, типу. Это большія квартиры съ общими комнатами и отдѣльными номерами; распорядительницами и завѣдующими фигурируютъ женщины, за которыми скрываются настоящіе хозяева; порядокъ и правила въ этихъ пріютахъ напоминаютъ страннопріимные дома при провинціальныхъ монастыряхъ, но, разумѣется, съ внѣшшней только стороны.

Бѣдняки, пріѣзжающіе въ Кронштадтъ, пользуются общими помѣщеніями, гдѣ за 10—15 копеекъ они имѣютъ койку или постель, съ соломеннымъ матрацомъ, и два чайника кипятку; такъ какъ провизія, чай и сахаръ у такихъ богомольцевъ свои, то весь расходъ ихъ и ограничивается платою за ночлегъ съ кипяткомъ да еще 5—10 к. за право присутствовать на молебствіи о. Іоанна и получить его благословеніе. Въ общихъ помѣщеніяхъ не полагается какого-либо комплекта, и мужчины не отдѣляются отъ женщинъ или взрослые отъ дѣтей; всѣ напускаются въ кучу, „сколько пріѣхало“, если не хватаетъ коекъ—стелютъ матрацы на полу. Никакихъ ропотовъ или протестовъ за тѣсноту не бываетъ, потому что богомольцы проводятъ на ночлегѣ всего нѣсколько часовъ, въ пятомъ часу утра всѣ уже отправляются въ церковь.

Лица болѣе состоятельныя занимаютъ отдѣльные номера, съ правомъ „просить батюшку“ войти въ номеръ для бесѣды наединѣ. Содержатели страннопріимныхъ домовъ хорошо понимаютъ, что это „право“, какъ единственная возможность поговорить съ о. Іоанномъ, стоитъ для нѣкоторыхъ большихъ денегъ и еще бо̀льшихъ стараній; иные пріѣзжаютъ за тысячи верстъ только для этого „права“, и имъ, конечно, ничего не значитъ заплатить хотя бы десятки рублей за номеръ. Эти-то богомольцы и соста-

вляютъ главную доходную статью страннопріимныхъ домовъ; опытные содержатели видятъ ихъ сейчасъ же по облику, костюму, разговору, пріемамъ, и случается, что одинъ и тотъ же номеръ мѣняетъ нѣсколько разъ постояльцевъ. Пріѣдетъ, напримѣръ, петербуржецъ, сторгуется, займетъ комнату и только-что прилегъ отдохнуть—стукъ въ дверь.

— Потрудитесь, милый человѣкъ, очистить номеръ.

— Почему?

— Нуженъ номеръ. Не надо и денегъ—уходите скорѣй...

Оказывается—пріѣхалъ харьковецъ. Если же случай принесетъ сибиряка или знакомаго щедростью купца, то харьковецъ выпроваживается съ тою же безцеремонностью.

По таксѣ, отдѣльная комната стоитъ отъ 1 до 5 руб. въ сутки, но постояльцу комната всегда обойдется вдвое или втрое дороже; здѣсь берется за все, кромѣ права дышать спертымъ тяжелымъ воздухомъ, плата за который входитъ уже въ цѣну комнаты.

Куреніе табаку воспрещено въ страннопріимныхъ домахъ безусловно.

Въ домѣ Быкова, спеціально выстроенномъ подъ квартиры для пріѣзжающихъ, устроена наверху большая молельня, вся уставленная иконами съ горящими лампадами и свѣчами; каждый вечеръ здѣсь читаются акаѳисты святымъ угодникамъ.

* * *

Когда заходила рѣчь о безцеремонныхъ поборахъ съ почитателей о. Іоанна, останавливающихся въ страннопріимныхъ домахъ, я всегда удивлялся, почему ни кронштадтская городская дума ни андреевское попечительство не додумались устроить какой-нибудь одинъ общій баракъ для пріѣзжающихъ къ о. Іоанну. У всѣхъ на глазахъ совершается крупнѣйшее поломничество, и никто не хочетъ прійти на помощь нуждѣ. Съ одной стороны, для отца Іоанна слишкомъ затруднительны ежедневные визиты по шести частнымъ пріютамъ, а съ другой — и богомольцамъ приходится слишкомъ дорого платиться за услуги. Почему бы кронштадтской думѣ или андреевскому попечительству не принять на себя, въ данномъ случаѣ, посредничество и не удовлетворить настоятельной потребности *города?* Нечего и говорить, что всѣ затраты и расходы по устройству общаго страннопріимнаго дома окупились

бы съ избыткомъ, такъ что матеріальныхъ жертвъ нести никому не пришлось бы.

* * *

О. Іоаннъ мирится съ грѣховностью христіанъ, съ пороками; онъ молитвой и увѣщаніями старается свести своихъ дѣтей съ грѣховнаго пути, помогаетъ имъ въ этомъ всѣми мѣрами, денно и нощно трудится для нихъ, но когда онъ видитъ „пустоголоваго" субъекта, который нагло лжетъ ему въ глаза, глумится надъ евангельскими завѣтами, надъ вѣрою и Богомъ — онъ приходитъ въ „гнѣвъ" и бѣжитъ отъ этихъ людей.

— Мнѣ здѣсь нечего дѣлать,—говоритъ батюшка.

Смыслъ этой фразы вполнѣ понятенъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ искренняго раскаянія въ своихъ порокахъ, нѣтъ твердаго желанія отрѣшиться отъ грѣховной жизни и слѣдовать по евангельскому пути... тамъ нѣтъ надежды на прощеніе, на помилованіе и, слѣдовательно, нѣтъ мѣста для церковнаго общенія. Вотъ почему добрый и ласковый съ „золоторотцами" о. Іоаннъ дѣлается нервно-раздраженнымъ, „чужимъ" съ лицемѣрами, ханжами и кощунствующими, въ какихъ бы нарядахъ и костюмахъ они ни приходили къ нему.

Дѣтство о. Іоанна Кронштадтскаго.

О первыхъ годахъ своего дѣтства отецъ Іоаннъ самъ передаетъ нѣсколько фактовъ.

Вотъ разсказъ почтеннаго пастыря, записанный съ его словъ авторомъ настоящаго очерка. Я не могу ручаться за буквальную точность изложенія, но ручаюсь за то, что всѣ факты изложены здѣсь безусловно вѣрно.

„Съ ранняго дѣтства, какъ только себя я помню,—говорилъ о. Іоаннъ,—лѣтъ 4—5, а можетъ-быть и меньше, родители пріучили меня къ молитвѣ и своимъ собственнымъ примѣромъ сдѣлали изъ меня религіозно настроеннаго мальчика. Мой отецъ, причетникъ церкви села Сурскаго, Пинежскаго уѣзда, Архангельской губерніи, бралъ меня постоянно въ церковь, и я всею ду-

тою любилъ общественное богослуженіе, особенно хоровое пѣніе. Дома, по шестому году, отецъ купилъ для меня букварь, но туго давалась мнѣ грамота, и много скорбѣлъ я по поводу своей неразвитости и непонятливости. Я не могъ никакъ усвоить тождество между нашею рѣчью и письмомъ или книгою, между звукомъ и буквою. Да это въ то время и не преподавалось съ такою ясностью, какъ теперь; насъ всѣхъ учили: „Азъ, Буки, Вѣди", какъ будто „А" — само по себѣ, „Азъ" само по себѣ; мудрости этой понять я долго не могъ и, когда меня, на десятомъ году, повезли въ архангельское приходское училище, я съ трудомъ разбиралъ по складамъ и то только по печатному. Содержаніе отецъ получалъ, конечно, самое ничтожное, жить было страшно трудно. Я понималъ уже тягостное положеніе своихъ родителей, и поэтому темнота моя въ ученіи явилась для меня особенно тяжкимъ бременемъ. О значеніи ученія для моего будущаго я мало думалъ и скорбѣлъ только о томъ, что отецъ напрасно платилъ свои послѣднія крохи, а учителя тщетно стараются растолковать мнѣ уроки.

„Въ Архангельскѣ, вдали отъ родины и близкихъ, я остался совершенно одинъ, безъ всякихъ руководителей и до всего долженъ былъ доходить самъ. Среди сверстниковъ по классу я ни съ кѣмъ не сходился, не находилъ да и не искалъ поддержки или помощи. Мальчики были гораздо способнѣе меня, но я представлялъ для нихъ мало интереснаго, и помочь мнѣ чѣмъ-нибудь если они и могли, то, вѣроятно, не стали бы: не захотѣли бы возиться съ сыномъ бѣднаго причетника.

„И вотъ, какъ сейчасъ помню, однажды былъ уже вечеръ, всѣ улеглись спать. Не спалось только мнѣ, я попрежнему ничего не могъ уразумѣть изъ пройденнаго, попрежнему плохо читалъ, не понималъ и не запоминалъ ничего изъ разсказаннаго. Такая тоска на меня напала; я упалъ на колѣни и принялся горячо молиться. Не знаю, долго ли пробылъ я въ такомъ положеніи, но вдругъ точно потрясло меня всего... У меня точно завѣса спала съ глазъ, какъ будто раскрылся умъ въ головѣ, и мнѣ ясно представился учитель того дня, его урокъ; я вспомнилъ даже, о чемъ и что онъ говорилъ. И легко, радостно такъ стало на душѣ. Никогда не спалъ я такъ покойно, какъ въ ту ночь. Чуть засвѣтлѣло, я вскочилъ съ постели, схватилъ книги и, — о счастье! — чита-

гораздо легче, понимаю все, а то, что прочиталъ, не только все понялъ, но хоть сейчасъ и разсказать могу. Въ классѣ мнѣ сидѣлось уже не такъ, какъ раньше: все понималъ, все оставалось въ памяти. Далъ учитель задачу по ариѳметикѣ—рѣшилъ, и похвалили меня даже.

„Словомъ, въ короткое время я подвинулся настолько, что пересталъ уже быть послѣднимъ ученикомъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ лучше и лучше успѣвалъ я въ наукахъ, и къ концу курса однимъ изъ первыхъ былъ переведенъ въ семинарію".

Такъ почтенный пастырь характеризуетъ свое дѣтство и отрочество. Я сказалъ, что въ семинаріи о. Іоаннъ былъ первымъ ученикомъ и посланъ былъ затѣмъ на казенный счетъ въ здѣшнюю Петербургскую академію, которую окончилъ въ 1855 году, какъ я говорилъ выше. Еще будучи въ семинаріи, о. Іоаннъ лишился нѣжно любимаго отца, и старушка-мать осталась безъ всякихъ средствъ къ существованію. Онъ хотѣлъ прямо изъ семинаріи искать мѣсто діакона или псаломщика, чтобы содержать свою мать, но послѣдняя не позволила ему этого, и онъ отправился въ академію, тѣмъ болѣе, что это не вызывало никакихъ расходовъ или затратъ. Мысль о матери не покидала его: въ академическомъ правленіи въ тѣ времена письмоводительскія должности занимали студенты академіи, и будущій кронштадтскій пастырь „съ радостью", какъ онъ говоритъ, принялъ мѣсто писца за 9 рублей въ мѣсяцъ, чтобы полностью эти скромныя средства отсылать матери.

* * *

Родина о. Іоанна—село Суры.

Скажу объ немъ нѣсколько словъ.

Еще верстъ за пять до рѣки Суры, при выходѣ изъ одного изъ поворотовъ рѣки, развертывается красивая панорама родины отца Іоанна. Село построено при впаденіи рѣки Суры въ Пинегу, на возвышенности, господствующей надъ всею окрестностью. Оно невелико, и многія изъ крестьянскихъ избъ свидѣтельствуютъ о бѣдности его жителей; но есть и хорошія, красивыя избы. Храмовъ, до построенія новаго, было два, но изъ нихъ теплая церковь, существующая уже двѣсти лѣтъ, пришла въ крайнюю ветхость, такъ что служба въ ней въ непродолжительномъ времени должна была прекратиться; зато холодная, поновленная за-

ботами отца Іоанна, можетъ еще служить не малое время. Но всѣ эти три храма, особенно *вновь созданный* отцомъ Іоанномъ и холодный, своей причудливой архитектурой придаютъ всей мѣстности весьма живописный видъ. Съ юго-западной стороны, гдѣ протекаетъ рѣка Сура, тянется длинная полоса земли, замыкающаяся возвышеніемъ, на которомъ раскинутъ лѣсъ. Съ южной, на самой окраинѣ горизонта, покрытый дымкою тумана, тянется другой лѣсъ, теряющійся въ отдаленіи. На далекомъ разстояніи по этому пространству змѣится рѣчка Сура, сверкая своими струями на ярко-сіяющемъ солнцѣ. Тамъ и сямъ работаютъ крестьяне, плетется телѣга, бѣгаютъ дѣти...

Теперь здѣсь есть домъ сестры отца Іоанна. Домъ этотъ въ сущности такая же крестьянская изба по своему устройству, какъ и прочія избы, но гораздо выше, обширнѣе и помѣстительнѣе послѣднихъ.

* *

Я сказалъ, что въ Сурѣ двѣ древнихъ деревянныхъ церкви— Николаевская и Введенская, изъ которыхъ одной болѣе 300 лѣтъ, а другой около 200 лѣтъ. Въ этихъ церквахъ отецъ Іоаннъ еще ребенкомъ молился и развивалъ тотъ религіозный духъ, который во всей силѣ проявился въ настоящее время. Только-что освященная отцомъ Іоанномъ и выстроенная на его средства новая церковь находится на холмѣ, съ котораго открывается живописный видъ на окрестности. На постройку ея вчернѣ уже израсходовано болѣе 50 тысячъ рублей и, кромѣ того, прислано утвари и облаченій и проч. болѣе чѣмъ на 50 тысячъ рублей. Иконы писаны художникомъ Журавлевымъ по заказу одного высокопоставленнаго лица и обошлись въ 12 тысячъ рублей; словомъ, новый храмъ окажется богатѣйшимъ изъ сельскихъ храмовъ во всей епархіи. Замѣчательно, что онъ возникъ почти изъ крохъ, потомъ уже всякій по силѣ возможности, — отъ лицъ высокопоставленныхъ до послѣдняго бѣдняка, — вносилъ свою лепту на доброе дѣло.

Первые шаги о. Іоанна кронштадтскаго.

Я говорилъ, что съ 1885 г. и до настоящихъ дней отецъ Іоаннъ остается въ одномъ и томъ же соборѣ. Произошло это назначеніе при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Въ нашемъ духовенствѣ, какъ извѣстно, существовалъ да и доселѣ еще въ нѣкоторыхъ епархіяхъ сохраняется обычай, что священникъ уступаетъ свое мѣсто или беретъ въ помощники зятя, то-есть молодого священника, женившагося на его дочери. Отсюда въ нѣкоторомъ смыслѣ потомственная наслѣдственность священническихъ мѣстъ, освященная вѣковыми традиціями. Чтобы быть посвященнымъ во іерея, отецъ Іоаннъ долженъ былъ по каноническимъ правиламъ жениться, и вотъ на одномъ вечерѣ онъ познакомился и тутъ же сдѣлалъ предложеніе дочери протоіерея кронштадтскаго собора К. Н. Несвитскаго. „Свадьбу сыграли" черезъ три или четыре недѣли, и отецъ Іоаннъ былъ рукоположенъ въ кронштадтскій соборъ въ санъ священника.

Популярность кронштадтскаго пастыря основана не на случайности, а складывалась годами на прочномъ фундаментѣ добра, вѣры, любви и тяжелаго труда. Какъ созидается зданіе изъ малыхъ кирпичей, нагроможденныхъ одинъ на другой, и выходитъ пятиэтажный грандіозный домъ: такъ и слава отца Іоанна складывалась медленно и постепенно, шагъ за шагомъ, пока православное населеніе нашего отечества увидѣло величественную фигуру служителя алтаря, покрывшаго свою дѣятельность самоотверженными подвигами.

„Масса" или „публика" обратила свои взоры на Андреевскій соборъ въ Кронштадтѣ только пятнадцать лѣтъ тому назадъ, когда случаи помощи больнымъ черезъ отца Іоанна, выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ, стали повторяться почти ежедневно и сдѣлались достояніемъ печати. „Московскія Вѣдомости", „Петербургскій Листокъ", „С.-Петербургскія Вѣдомости" и нѣкоторыя духовныя изданія помѣстили съ 1875 г. не менѣе 100 описаній разныхъ случаевъ изъ жизни и дѣятельности отца Іоанна, съ указаніемъ и ссылками на живыхъ свидѣтелей. Здѣсь не можетъ

быть мѣста вымысламъ или недоразумѣніямъ, и мы въ правѣ сослаться на такое свидѣтельство свѣтской и духовной печати. Помимо этого, десятки тысячъ очевидцевъ передаютъ изъ устъ въ уста свои собственныя впечатлѣнія и разсказы о разныхъ происшествіяхъ, при которыхъ они сами присутствовали. Если сотни голосовъ разсказываютъ одно и то же со всѣми деталями и мелочами, развѣ не въ правѣ мы не вѣрить имъ и относить всѣ эти разсказы къ области вымысловъ? Съ другой стороны, есть и такіе случаи, которые остаются вѣчнымъ памятникомъ, не нуждаясь въ свидѣтельствахъ человѣческихъ .. Вотъ на нихъ-то мы, главнымъ образомъ, и будемъ останавливаться въ своемъ очеркѣ, передавая читателямъ, по возможности сжато, наиболѣе выдающіеся моменты дѣятельности кронштадтскаго пастыря. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что читатели и сами въ состояніи будутъ подтвердить многое изъ того, что я здѣсь разсказываю; объ этомъ говорили въ свое время много, и разсказчики живы до сихъ поръ. Моя задача состоитъ только въ томъ, чтобы собрать въ одно цѣлое всѣ разбросанные отрывки, выдѣлить наиболѣе характерные эпизоды.

Тотчасъ же по опредѣленіи въ Кронштадтъ у молодого еще священника оказалась масса занятій. И странно! Большинство священниковъ ищутъ работы, занятій, не знаютъ, куда убить время отъ одной церковной службы до другой; развѣ случатся требы, позовутъ къ больному или роженицѣ; нѣкоторые имѣютъ уроки, но все-таки свободнаго времени достаточно даже для картъ, пріема гостей, знакомыхъ и т. д. У отца же Іоанна нѣтъ времени ни пообѣдать, ни поспать, ни провести часъ-другой въ семьѣ.

Откуда это? Никто не зналъ его въ Кронштадтѣ, никогда онъ тамъ не былъ, да и вообще всего годъ онъ священствуетъ, а дѣла у него съ утра до ночи не передѣлаешь.

Съ первыхъ же дней служенія Церкви, отецъ Іоаннъ принялся за чтеніе священнаго писанія ветхаго и новаго завѣта, извлекая изъ него назиданія для себя, какъ человѣка, священника и члена общества. Каждый воскресный или праздничный день произносилъ въ церкви слова и бесѣды. Кромѣ проповѣдничества, съ самыхъ первыхъ шаговъ своихъ возымѣлъ попеченіе о бѣдныхъ, болящихъ и скорбящихъ...

И скоро всѣ его узнали. Вѣсть о молодомъ „необыкновен-

номъ“ священникѣ быстро разнеслась по Кронштадту. Разсказы о подвигахъ милосердія, любви и благотворной молитвѣ новаго пастыря ходили изъ устъ въ уста и стали распространяться далеко за предѣлы Кронштадта. Дворъ маленькаго домика, занимаемаго понынѣ отцомъ Іоанномъ, сталъ наполняться всякимъ народомъ; стекались недугующіе, страждущіе, труждающіеся, обремененные; нищіе шли цѣлыми толпами; приходили съ семейными невзгодами, пьющіе запоемъ, покинутыя жены... Всѣмъ была нужда до „батюшки“. Его звали, приглашали, просили молитвы, благословенія, денежной помощи, открывали свою душу. И онъ никому не отказывалъ, принимая всѣхъ, молился съ ними, утѣшалъ, обнадеживалъ, шелъ по первому зову къ трудно больнымъ, ѣхалъ за десятки верстъ и вездѣ вносилъ миръ, надежду, вѣру, каждый уходилъ отъ него съ облегченнымъ сердцемъ, облегченными тѣлесными страданіями. Прошелъ годъ и оказалось, что у отца Іоанна нѣтъ ни днемъ ни ночью возможности отдохнуть, остаться наединѣ съ самимъ собою: выходя изъ дому, онъ зналъ, что въ садикѣ его ожидаетъ толпа народа; отпустивъ собравшихся, давъ каждому, что тотъ просилъ, по мѣрѣ возможности, отецъ Іоаннъ спѣшилъ съ визитами, въ церковь, сопровождаемый вездѣ толпой. Онъ всегда неизмѣнно бодръ, свѣжъ, точно человѣкъ, только что вышедшій на прогулку послѣ привольнаго обѣда и сна...

Такъ прошли первые два года пастырства отца Іоанна; но молодая жена, какъ бы по обѣту, превратилась въ сестру милосердія, помогавшую своему „глаголемому супругу“ въ его высокомъ служеніи Богу и ближнимъ, совершенно забывая о своемъ супружествѣ; во всѣ два года они видѣлись только на нѣсколько минутъ въ день когда отецъ Іоаннъ появлялся дома поздно вечеромъ или рано утромъ.

— Счастливыхъ семей, Лиза, и безъ насъ довольно, — говорилъ пастырь,—а мы съ тобой всецѣло посвятимъ себя служенію Богу.

Вскорѣ по рукоположеніи въ Андреевскій соборъ въ Кронштадтѣ священникомъ, непосредственно послѣ окончанія академическаго курса, Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ занялъ должность законоучителя въ мѣстномъ городскомъ училищѣ и открылъ духовныя бесѣды для православныхъ, работая неустанно цѣлые дни

на пользу Церкви и своихъ духовныхъ дѣтей. Вслѣдствіе ли усиленныхъ занятій или простуды отецъ Іоаннъ тяжко занемогъ. Дѣло было въ началѣ Великаго поста. Врачи объявили, что больной непремѣнно умретъ, если немедленно не прекратитъ ѣсть постную пищу: питаніе являлось первымъ условіемъ, а между тѣмъ больной не хотѣлъ принимать даже рыбы.

— Вы умрете обязательно, если не станете ѣсть мясо, — говорятъ ему.

— Хорошо, я согласенъ, но только я спрошу сначала позволенія своей матери.

— А гдѣ ваша мать?

— Въ Архангельской губерніи.

— Напишите какъ можно скорѣе.

По просьбѣ отца Іоанна, въ тотъ же день послали письмо матери съ просьбой выслать какъ можно скорѣе свое благословеніе сыну о разрѣшеніи принимать скоромную пищу во время поста.

Прошла недѣля, другая. Больному все хуже. Наконецъ, получается письмо отъ матери:

„Посылаю благословеніе, но скоромной пищи вкушать Великимъ постомъ не разрѣшаю ни въ какомъ случаѣ“.

Отецъ Іоаннъ встрѣтилъ отвѣтъ съ полнымъ равнодушіемъ и даже видимо былъ доволенъ отказомъ.

— Такъ неужели вы не станете ѣсть мясное? — спрашивали его врачи.

— Конечно, не стану,—спокойно отвѣчалъ отецъ Іоаннъ.

— Да, вѣдь, вы умрете!

— Воля Божія. Неужели вы думаете, что я промѣняю жизнь на благословеніе матери, на заповѣдь Господа: „чти отца твоего и матерь твою“...

Несмотря, однако, на пророчество врачей, здоровье о. Іоанна не ухудшилось, и онъ скоро совсѣмъ выздоровѣлъ.

Первые шаги дѣятельности о. Іоанна въ Кронштадтѣ ознаменовались цѣлымъ рядомъ дѣлъ милосердія, о которыхъ до него и слышно не было. Состоя законоучителемъ въ двухъ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ и однимъ изъ трехъ священниковъ Андреевскаго собора, отецъ Іоаннъ находилъ еще время совершать многочисленные подвиги человѣколюбія.

* *

Для человѣка заурядного, человѣка немощнаго духомъ, казалось, не могло быть исхода изъ этой борьбы; но отецъ Іоаннъ, одаренный свыше необычайною силою духа, понялъ свой обычный исходъ—вѣру, и вѣра, въ концѣ-концовъ, привела къ тому, что постепенно совершился благопріятный переворотъ въ общественномъ мнѣніи. Въ молодомъ священникѣ перестали уже видѣть юродиваго; напротивъ, мало-по-малу, всѣмъ стало ясно, что именно таковъ и долженъ быть истинный служитель православной Церкви.

Какъ и все въ жизни начинается съ малаго, такъ и въ этомъ случаѣ начало счастливой перемѣны положили тѣ маленькіе, ничтожные, бѣдные люди, подонки общества, на которыхъ прежде всего обратилъ сердечное вниманіе самъ отецъ Іоаннъ.

Итакъ, путемъ народной молвы, путемъ затеплившейся любви бѣдняковъ, съ теченіемъ времени обрисовался образъ добраго пастыря,—образъ, полный захватывающаго обаянія. И тогда уже не стало разногласія въ разныхъ слояхъ общества, которое съ изумительнымъ единодушіемъ сознало, наконецъ, нравственное превосходство гонимаго и осмѣиваемаго дотолѣ священника.

Такимъ образомъ, у отца Іоанна на первыхъ же порахъ служенія оказалась масса дѣла, и о стремленіи убить время праздно, разумѣется, не могло быть и рѣчи. Шагъ за шагомъ, не спѣша, онъ пріобрѣталъ познанія, которыхъ, по его мнѣнію, ему мало дало академическое образованіе, пріобрѣталъ силу духа и вѣры,—словомъ, шагъ за шагомъ, нравственно совершенствовался.

Ни на одну іоту не отступая отъ слова, имѣя вначалѣ много свободнаго времени, онъ принялся за тщательное и внимательное чтеніе книгъ священнаго писанія ветхаго и новаго завѣта. Насколько было внимательно это чтеніе, насколько глубоко священное писаніе имъ понималось, — лучше всего свидѣтельствуютъ сдѣланныя имъ на поляхъ этихъ книгъ помѣтки, какъ, напримѣръ: „Развѣ легко имѣть совершенную любовь?“ „Любовь—есть Самъ Богъ“. „Считай себя хуже всѣхъ, если хочешь быть совершеннымъ“ и т. п. Такія помѣтки попадаются почти противъ каждаго стиха, съ подчеркиваніемъ мѣстъ, имѣющихъ особенное руководительное значеніе въ дѣлѣ духовнаго совершенства.

Кромѣ того, онъ поставилъ себѣ въ неукоснительную обязан-

ность ежедневно совершать божественную литургію, выражаясь иначе, ежедневно таинственно соединялся съ Господомъ чрезъ сердечное покаяніе и пріобщеніе святыхъ Таинъ, и такимъ образомъ, изо дня въ день, велъ, хотя незамѣтную для другихъ, но полезную, кипучую, одухотворенную дѣятельность, не помышляя объ отдыхѣ.

* * *

Приведу замѣчательную рѣчь, сказанную отцомъ Іоанномъ при окончаніи семинарскаго курса, на публичномъ актѣ, въ 1851 году.

„Преосвященнѣйшій владыко и вы, достопочтеннѣйшіе посѣтители!

„Не много бываетъ для насъ такихъ дней, каковъ нынѣшній, когда для поощренія образующагося здѣсь духовнаго юношества сдѣлано все, что только можетъ дѣйствовать особеннымъ и пріятнымъ образомъ на молодой умъ и сердце юноши, возбуждать, поддерживать и усиливать въ немъ стремленія ко всему доброму и полезному. Вызванные сюда отъ скромной безмолвной жизни ученика, мы считаемъ для себя счастливыми и драгоцѣнными эти часы, въ которые столь несоотвѣтственно нашему прежнему состоянію такъ ярко, разнообразно украсили вы нынѣ это важное для насъ поприще испытанія. Рѣдки въ нашей жизни дни, столько торжественные для насъ; но чѣмъ они рѣже, тѣмъ болѣе увеличиваютъ силу впечатлѣній на наши умы и сердца; тѣмъ сильнѣе пробуждаютъ въ насъ сознаніе собственнаго благополучія; тѣмъ болѣе возбуждаютъ въ насъ чувства живѣйшей признательности къ виновникамъ этого торжества. Нѣтъ нужды говорить, что ваше присутствіе здѣсь, ваше вниманіе къ намъ составляютъ теперь нашу радость, наше удовольствіе, наше торжество.

„Но при этихъ, столько отрадныхъ для сердца, чувствованіяхъ насъ тревожитъ одна мысль, что плоды образованія, нами полученнаго, можетъ-быть, далеко не соотвѣтствуютъ вашимъ ожиданіямъ; даже, можетъ-быть, кажутся очень скудными, мало вознаграждающими труды и заботы попечительнаго начальства. Вполнѣ предоставляя вашему суду наши успѣхи на поприщѣ образованія, мы утѣшаемся съ другой стороны тою мыслью, что ваша глубокая опытность не будетъ судить объ насъ по сравненію съ со-

бою. Нужно было только намъ самимъ содѣйствовать въ нашихъ трудахъ для полнаго успѣха въ дѣлѣ. Ваши заботы, ваши старанія о доставленіи намъ полезныхъ свѣдѣній были очевидны для всякаго изъ насъ. Сколько сокровищъ учености раскрыто было предъ нами, чтобы каждый бралъ изъ нихъ, что хотѣлъ, для обогащенія своего ума! Какъ при наставленіи вы старались доставить рѣчи своей разнообразіе и пріятность, чтобы истины, вами сообщаемыя, легче и удобнѣе были воспринимаемы умомъ и сердцемъ! Мы ощущали въ сердцѣ сладость вашихъ наставленій — и старались запечатлѣть ихъ въ памяти, чтобы потомъ, въ свое время, употребить ихъ съ пользою для себя и для другихъ. Но всего болѣе вы заботились, какъ добрые отцы, о сохраненіи между нами доброй нравственности, для чего съ одной стороны отнимаема была возможность для совершенія пороковъ, могущихъ закрасться въ душу извнѣ; съ другой—постоянно внушаема была необходимость чистоты жизни, какъ самаго вѣрнаго и надежнаго средства—быть счастливыми во всякомъ состояніи и возрастѣ. И мы убѣдились, какъ всегда опасенъ порокъ, и какъ надежна и драгоцѣнна добродѣтель. Послѣ такихъ дѣятельныхъ заботъ о насъ попечительнаго начальства, остается только, при умѣньи пользоваться полученнымъ образованіемъ, быть довольными и счастливыми въ жизни тѣмъ изъ насъ, которые уже совершили теперь трудное поприще просвѣщенія и оканчиваютъ курсъ семинарскихъ наукъ. Сколько разъ мы будемъ обязаны вамъ нѣкогда самыми драгоцѣнными минутами счастія и восторговъ при познаніи тѣхъ благъ, какія доставило и будетъ доставлять намъ просвѣщеніе! „Науки,—говоритъ Цицеронъ,—составляютъ утѣшеніе и счастіе наше во всѣхъ состояніяхъ и возрастахъ“. Да, многократные опыты подтверждаютъ эту истину. Но что всего пріятнѣе и драгоцѣннѣе для насъ въ наукахъ, это—мысль, что онѣ всегда составятъ нашу неотъемлемую собственность, что онѣ достались намъ вслѣдствіе долговременныхъ, усиленныхъ трудовъ, а что добыто трудами, то всегда пріятно и сладко. Для исполненія съ нашей стороны долга справедливости въ отношеніи къ вамъ, для засвидѣтельствованія вамъ глубочайшей благодарности за ваши благодѣянія, у насъ есть только сердце и языкъ. Примите же хотя этотъ плодъ сердечной къ вамъ признательности; вы сами знаете, что воспитанники не могутъ воздать другой благодарно-

сти; какъ любящіе отцы, вы считаете себя довольными, если ваши труды воспитанія не остались напрасными, но принесли хоть сколько-нибудь плода.

„Благослови, преосвященнѣйшій владыко, питомца, который по силамъ старался выполнить священный долгъ справедливости въ отношеніи къ благодѣтелямъ, и архипастырскимъ благословеніемъ запечатлѣй и освяти конецъ образованія двадцати-двухъ человѣкъ.

„Ученикъ богословія Иванъ Сергіевъ".

На подлинникѣ, рукой ректора семинаріи, написано: *„Очень хорошо"*.

Законоучительство о. Іоанна кронштадтскаго.

Съ 1857 года началась дѣятельность о. Іоанна, какъ законоучителя. Сначала онъ давалъ уроки въ кронштадтскомъ уѣздномъ училищѣ, а съ 1862 года—въ кронштадтской гимназіи. Нечего и говорить, что воспитанники этихъ заведеній не менѣе духовныхъ его дѣтей любили своего добраго, ласковаго, благочестиваго наставника и „батюшку". Онъ не ставилъ „двоекъ", не рѣзалъ на экзаменахъ, не задавалъ уроковъ, а велъ только въ часы своихъ уроковъ „бесѣды", и эти бесѣды остались неизгладимыми въ памяти учениковъ на всю жизнь.

— Уроки о. Іоанна рельефами запечатлѣвались въ нашемъ юномъ мозгу,—говорилъ впослѣдствіи директоръ N—ской гимназіи, Ф., бывшій въ числѣ первыхъ учениковъ кронштадтскаго пастыря.

И дѣйствительно, на публичныхъ экзаменахъ ученики о. Іоанна отвѣчали по закону Божію всѣ прекрасно, такъ что между ними не было первыхъ и послѣднихъ.

Талантъ преподавателя составляетъ одну изъ особенностей богатой натуры необыкновеннаго священника; его уроки ожидаются учениками, какъ рѣдкое праздничное удовольствіе; его слушаютъ, затаивъ дыханіе, слѣдя за каждымъ движеніемъ и выраженіемъ его ясныхъ голубыхъ глазъ, въ которыхъ столько свѣта

и блеска, что, кажется, они все вокругъ себя озаряютъ. „Батюшкѣ“ не надо повторять сказаннаго, и во всемъ классѣ не найдется ни одного мальчика, который бы не понялъ или не слышалъ его; спросите любого, внезапно прервавъ урокъ, и онъ самъ повторитъ все до мельчайшихъ подробностей. Случалось, директоръ обращалъ вниманіе законоучителя на завѣдомо лѣниваго или дурного ученика, прося его заняться мальчикомъ; но о. Іоаннъ не узнавалъ у себя въ классѣ этого аттестованнаго лѣнивца, да и самъ директоръ, присутствуя на урокѣ закона Божія, дивился происшедшей перемѣнѣ. О наказаніяхъ учениковъ о. Іоаннъ не думаетъ; не потому, чтобы онъ слишкомъ былъ снисходителенъ, а потому, что сами ученики считали самымъ большимъ для себя наказаніемъ, если „батюшка чѣмъ-то недоволенъ“. И они примутъ всѣ мѣры, лишь бы снова видѣть улыбку и удовольствіе на добромъ лицѣ своего законоучителя.

Дѣти, ученики школъ, видѣли въ отцѣ Іоаннѣ истиннаго „отца“, строгаго и добраго, ласковаго и взыскательнаго. Его уроки были скорѣе удовольствіемъ, отдыхомъ, чѣмъ обязанностью, работою. Это не сухое ученіе, а живая бесѣда, увлекательная рѣчь, интересный разсказъ.

* * *

О. Іоаннъ поучалъ своихъ учениковъ мѣткими и краткими изреченіями, изъ которыхъ многія остались до сихъ поръ въ памяти гимназистовъ.

Вотъ нѣкоторыя.

— Когда молишься, помни всегда, что ты бесѣдуешь съ Богомъ, Отцомъ щедрымъ всякаго утѣшенія, неизмѣняемымъ, неутомляющимся нашими прошеніями, и который всегда безконечно благъ, премудръ, всесиленъ, коему по безконечной благости, премудрости и всемогуществу такъ всегда удобно исполнять твои прошенія, какъ тебѣ легко помыслить о нихъ и искренно пожелать ихъ, какъ легко выговаривать слова прошеній, и даже безконечно легче. Помни это и никогда не унывай на молитвѣ.

— Помни, что, сердечно и твердо вѣруя во Христа, спасемся въ жизнь вѣчную. Помни, какъ св. Церковь изъ вѣрныхъ своихъ послѣдователей никого не погубила, а всѣхъ спасла благодатію

Божіею. Дѣла Спасителя и Церкви надъ вѣрующими говорятъ сами за себя. Дѣла сомнѣнія и невѣрія въ душѣ человѣка, убивающія его душу и тѣло, говорятъ также сами за себя.

— Нѣтъ ничего ближе къ намъ Бога. Онъ — Богъ сердецъ, а сердце, въ свою очередь, всего къ намъ ближе; это существо наше, сущность наша.

— Говори и дѣлай всякую правду безъ сомнѣній, смѣло, твердо, рѣшительно. Избѣгай сомнѣній, робости, вялости и нерѣшительности. „Не даде бо намъ Богъ Духа боязни, но силы и любве“. Господь нашъ есть Господь силъ.

— Научись вспоминать и произносить имя „Богъ“ всегда съ великою вѣрою, благоговѣніемъ, любовію и благодарнымъ сердцемъ. Никогда не произноси его легкомысленно.

— На молятвѣ нужно искреннее сожалѣніе о своихъ грѣхахъ и искреннее раскаяніе; — перечисляя грѣхи, въ молитвахъ означенные, говорить ихъ, чувствуя сердцемъ, какъ бы свои собственные.—Еще нужно пламенное желаніе не согрѣшать тѣми же грѣхами впредь.

— Колокольный звонъ—зовъ на бесѣду съ Богомъ, дѣтей съ Отцомъ, зовъ на явку предъ Него.

— Учитесь молиться, принуждайте себя къ молитвѣ: сначала будетъ трудно, а потомъ, чѣмъ болѣе будете принуждать себя, тѣмъ легче будетъ; но сначала всегда нужно принуждать себя.

— Уважай себя, какъ образъ Божій: помни, что этотъ образъ — духовный, и ревнуй объ исполненіи заповѣдей Божіихъ, возстановляющихъ въ тебѣ подобіе Божіе. Крайне остерегайся нарушать малѣйшую заповѣдь Божію; это нарушеніе разрушаетъ въ насъ подобіе Божіе и приближаетъ насъ къ подобію діавола. Чѣмъ больше будешь нарушать заповѣди Божіи, тѣмъ больше будешь уподобляться діаволу.

— Научись подавлять свое сердце силою имени Господня и своей воли въ то время, когда оно больше всего страдаетъ порывомъ самолюбія, когда оно готово всѣхъ и все разить и ломать.

— Чаще приводи себѣ на память, что въ тебѣ зло, а не въ людяхъ. Такимъ убѣжденіемъ, совершенно истиннымъ, предохранишь себя отъ многихъ грѣховъ и страстей. Бѣда наша часто въ томъ, что мы свое зло приписываемъ другому.

— Къ молитвѣ, предъ иконами или безъ нихъ, нужно приступать всегда съ полною надеждою на полученіе просимаго, напримѣръ, отъ скорби, душевной болѣзни и грѣховъ, потому что и прежде тысячу разъ получаема была явная милость отъ Господа или Владычицы, и не надѣяться на полученіе просимаго или сомнѣваться въ слышаніи молитвы было бы крайнимъ безуміемъ и слѣпотою.

— Когда молишься, вѣруй твердо, что Господь присущъ каждому слову молитвы, и о чемъ ни попросишь, Онъ есть исполненіе, для тебя и для всякаго другого, каждаго прошенія твоего.

— Если все твое благо будетъ общимъ съ ближнимъ, то все Божіе будетъ съ тобою. „Аще же хощете, просите, и будетъ вамъ Моя вся Твоя, суть Твоя—Моя".

— Всячески почитай лики человѣковъ живыхъ, да почитаешь, какъ должно, ликъ Божій. Ибо ликъ Господа Іисуса Христа есть ликъ человѣческій. — Неуважающій лика человѣческаго не уважитъ и лика Божія.

— Такъ какъ Богъ есть мысленное Существо, то чрезвычайно скоро можно потерять Его изъ сердца; равно какъ скоро же можно рѣшительнымъ покаяніемъ во грѣхахъ пріобрѣсть Его сердцу.

— Когда молишься небеснымъ силамъ, не представляй ихъ очень грозными.

— Что значитъ просвѣщеніе научное безъ любви христіанской?—Ничто. *Мудрость міра сего есть безуміе предъ Богомъ.* Смирись, кичливый умъ, предъ ученіемъ Евангелія и предъ нищетою Христовою, сойди съ своего пьедестала, стань пониже, подойди къ этимъ бѣднымъ, коихъ Самъ Христосъ не постыдится называть Своею братіею, и протяни имъ руку помощи; не себѣ только собирай, не свои только прихоти удовлетворяй, — а и въ Бога богатѣй дѣлами добрыми, которыя и по смерти пойдутъ вслѣдъ за тобою.

— Молящійся! Имя Господа, или Богоматери, или ангела, или святаго да будетъ тебѣ вмѣсто Самого Господа, Богоматери, ангела и святаго; близость слова твоего къ твоему сердцу да будетъ залогомъ и показаніемъ близости къ твоему сердцу Самого Господа, Пречистой Дѣвы, ангела или святаго. — Имя Господа есть Самъ Господь—Духъ вездѣ сый и все наполняющій; имя Богоматери есть Сама Богоматерь, имя ангела—ангелъ, святаго—святый.—Какъ это? Не понимаешь?—Вотъ какъ: тебя, положимъ, зовутъ Иванъ Ильичъ. Если тебя назовутъ этими именами, вѣдь, ты признаешь себя всего въ нихъ и отзовешься на нихъ, значитъ согласишься, что имя твое—ты самъ съ душою и тѣломъ; такъ и святые: призови ихъ имя, Ты призовешь ихъ самихъ. Но у нихъ, скажешь, нѣтъ тѣла. Что же изъ этого? Тѣло только вещественная оболочка души, домъ ея,—а самъ человѣкъ, сущность человѣка, или внутренній человѣкъ его, есть душа. Когда и тебя зовутъ по имени, не тѣло твое отзывается, а душа твоя, посредствомъ тѣлеснаго органа.

— Сначала исправь свою жизнь, а потомъ приступай къ Св. Дарамъ...

— Молитва, постоянное чувство своей духовной нищеты и немощи, созерцаніе въ себѣ, въ людяхъ и въ природѣ дѣлъ премудрости, благости и всемогущей славы Божіей, молитва—постоянно благодарственное настроеніе.

— Какъ близка къ тебѣ твоя мысль, такъ близка вѣра къ твоему сердцу, такъ близокъ къ тебѣ Богъ, и чѣмъ живѣе и

тверже мысль о Богѣ, чѣмъ живѣе вѣра и познаніе своей немощи и ничтожества и чувство нужды въ Богѣ, тѣмъ онъ ближе. Или какъ близокъ воздухъ къ тѣлу и къ внутренностямъ его, такъ близокъ Богъ. Ибо Богъ, такъ сказать, мысленный воздухъ, которымъ дышатъ всѣ ангелы, души святыхъ и души людей живущихъ, особенно благочестивыхъ. Ты не можешь жить безъ Бога ни минуты, и дѣйствительно каждую минуту живешь Имъ: о Немъ же бо живемъ и движемся и существуемъ.

— Іисусъ Христосъ, раздавая пищу, предварительно взиралъ на небо, благодарилъ, благословлялъ, потомъ преломлялъ и подавалъ. Апостолъ Павелъ на кораблѣ также. Такъ и мы должны благодарить Бога за пищу и питіе и за всѣ блага вещественныя, но въ особенности—духовныя.

Еще больше подобныхъ изреченій читатели найдутъ въ „Дневникѣ о. Іоанна“, который печатался 1891 году въ журналѣ „Русскій Паломникъ“, изд. г. Поповицкаго.

Проповѣдничество о. Іоанна кронштадтскаго.

Тридцать пять лѣтъ почтенный кронштадтскій пастырь проповѣдуетъ Слово Божіе въ своемъ Андреевскомъ соборѣ. Почти каждый воскресный и праздничный день раздается въ храмѣ Божіемъ его поученіе, и тысячи слушателей сплошной стѣной занимаютъ все пространство церкви до притвора включительно.

„Слово“, произнесенное имъ въ первое священнодѣйствіе литургіи въ Андреевскомъ соборѣ, показываетъ, какія высокія чувства и стремленія воодушевляли о. Іоанна, когда онъ начиналъ прохожденіе „высочайшаго на землѣ званія священническаго“. „Сознаю высоту сана и соединенныхъ съ нимъ обязанностей,—говорилъ онъ, обращаясь къ своей паствѣ;—чувствую свою немощь и недостоинство, но уповаю на благодать и милость Божію, *немощная врачующую и оскудѣвающая восполняющую*. Знаю, что

можетъ сдѣлать меня болѣе или менѣе достойнымъ этого сана и способнымъ проходить это званіе. Эго любовь ко Христу и къ вамъ, возлюбленные братія мои... Любовь—великая сила: она и немощнаго дѣлаетъ сильнымъ, и малаго великимъ... Таково свойство любви чистой, евангельской. Да дастъ и мнѣ любвеобильный ко всѣмъ Господь искру этой любви, да воспламенитъ ее во мнѣ духомъ Своимъ Святымъ".

Первое „Слово" о. Іоанна было какъ бы предначертаніемъ всей его послѣдующей дѣятельности.

Наиболѣе популярныя бесѣды, выдержавшія уже много изданій—„О Пресвятой Троицѣ", О Богѣ—творцѣ міра", „Бесѣды о блаженствахъ евангельскихъ" и др.

Во вступленіи къ цѣлой серіи бесѣдъ о. Іоаннъ говоритъ: „Съ Божіею помощію мы будемъ излагать вамъ, братія, самое главное ученіе въ нашей вѣрѣ—догматъ о Святой Троицѣ. Хотя есть между нами знающіе хорошо это ученіе, которые *не требуютъ, да кто учитъ* ихъ; но такихъ — очень немного: несравненно больше знающихъ нехорошо, даже меньше, чѣмъ нехорошо, а служитель св. алтаря долженъ всѣмъ преподать ученіе вѣры ясное и отчетливое. Да и для хорошо знающихъ не лишнее дѣло—повторять въ памяти знакомое имъ ученіе вѣры, какъ не лишнее дѣло — постоянно видѣть глазами свѣтъ или вдыхать и выдыхать воздухъ; потому что наше ученіе еще нужнѣе, чѣмъ видимый свѣтъ и воздухъ. Памятовать о Богѣ, говоритъ св. Григорій Богословъ,—необходимѣе, чѣмъ дышать.

„Итакъ для всѣхъ необходимо нужно ученіе о Богѣ. Поэтому мы и будемъ говорить такъ, какъ будто бы здѣсь всѣ были равны по степени знанія. Но прежде чѣмъ будемъ излагать рѣчь о начальной, царственной и блаженной Троицѣ, мы скажемъ, братія, нѣсколько словъ о важности и непостижимости этого ученія и о смиренной простотѣ вѣры, съ какою нужно слушать его.

„Ученіе о Пресвятой Троицѣ такъ важно, что въ вѣрѣ христіанской нѣтъ важнѣе и возвышеннѣе этого ученія; а всѣ другія знанія человѣческія, относящіяся къ земной жизни нашей и не касающіяся вѣры, если взять ихъ вмѣстѣ, — въ сравненіи съ познаніемъ единаго Бога, въ Троицѣ поклоняемаго, —то же, что едва замѣтная точка, потому что Богъ есть источникъ всякой премудрости и знанія, и познаніе Бога во Св. Троицѣ есть жизнь

вѣчная для разумныхъ тварей. Безъ исповѣданія Пресвятыя Троицы нѣтъ христіанства".

Говоря о вѣрѣ въ таинство Божіе, о. Іоаннъ замѣчаетъ: „Гдѣ нѣтъ тайнъ? Человѣкъ самъ для себя — и въ своей душѣ и въ своемъ тѣлѣ—есть тайна. Кто удовлетворительно объяснилъ, напримѣръ, какъ соединена душа человѣческая съ тѣломъ, какъ они взаимно дѣйствуютъ другъ на друга, какъ сонъ возстановляетъ силы человѣка и пр.? Значитъ, прежде всего, человѣкъ долженъ вѣрить своимъ собственнымъ тайнамъ. Есть безчисленное множество тайнъ и въ окружающей насъ природѣ: человѣкъ такъ мало знаетъ въ сравненіи съ тѣмъ, чего еще не знаетъ,— несмотря на успѣхи естественныхъ наукъ, — что каждый изъ насъ смиренно долженъ сознаться вмѣстѣ съ однимъ изъ древнихъ мудрецовъ въ томъ, что мы знаемъ лишь только то, что ничего не знаемъ. Человѣкъ долженъ изучать слово Божіе. Не знать, какъ должно, Пребожественной Троицы со стороны христіанина было бы и безумною дерзостью и неблагодарностью. Всякій подданный знаетъ, хотя по имени, своего царя; знаетъ о его державѣ, власти и силѣ; благоговѣетъ предъ его особою; облагодѣтельствованный часто и съ удовольствіемъ вспоминаетъ и говоритъ о своемъ благодѣтелѣ. Даже волъ знаетъ владѣющаго имъ, и оселъ—ясли господина своего. Какъ же намъ не знать, что надъ всѣми людьми и надъ всѣмъ міромъ—держава, царство, сила и слава Отца и Сына и Св. Духа? Какъ человѣку, получившему отъ Св. Троицы всѣ дары, начиная съ жизни до струи воздуха, имъ вдыхаемаго, не вспоминать часто и съ должнымъ благоговѣніемъ о Тріединомъ Благодѣтелѣ своемъ?"

Говоря о воспитаніи юношества, о. Іоаннъ даетъ совѣтъ: „Дѣти пусть чаще вспоминаютъ о Сынѣ Божіемъ, Который не знаетъ другой воли, кромѣ воли Отца; пусть и они научатся во всемъ повиноваться родителямъ, — если воля родителей законна, и всегда почитать ихъ, какъ посредниковъ нашихъ въ Божественномъ дарѣ жизни. Всѣ же, и отцы и дѣти, мужи и жены, старцы и юноши, будемъ поклоняться Тріипостасному Божеству: Сыну во Отцѣ со Святымъ Духомъ, Духу, отъ Отца исходящему и въ Сынѣ почивающему".

Особенно горячо и часто проповѣдуетъ о. Іоаннъ о милосердіи и благотвореніи къ ближнимъ.

„У первыхъ христіанъ, т. е. жившихъ при апостолахъ и послѣ нихъ, было все общее: богатые и достаточные добровольно жертвовали своимъ имѣніемъ и деньгами, и собранное хранилось у предстоятелей церкви, которые употребляли оное на содержаніе бѣдныхъ, вдовъ, сиротъ, больныхъ, странныхъ, заключенныхъ въ узахъ и другихъ нуждающихся. Есть у насъ родъ сокровищницы,—пишетъ одинъ церковный учитель: каждый ежемѣсячно, или когда пожелаетъ, вноситъ въ нее, сколько можетъ и сколько хочетъ. Эти подаянія употребляются на пропитаніе и погребеніе бѣдныхъ, на содержаніе дѣтей, лишившихся родителей, на старцевъ, изъ дому уже не выходящихъ и работать не могущихъ, на облегченіе участи несчастныхъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе... Составляя между собою одно сердце и одну душу, можемъ ли мы отказаться отъ общности имущества?

Наконецъ, и то должно служить важнымъ побужденіемъ къ милосердію, что оно весьма полезно для самихъ благотворителей, ибо оно укрѣпляетъ въ нихъ чувство человѣколюбія и возвращается къ дающему съ приращеніемъ."

Бѣдность или неимѣніе средствъ не служитъ отговоркой для нежелающихъ благотворить.

„Вмѣсто великаго дара принеси усердіе. Ничего не имѣешь?—Утѣшь слезою. Великое врачество злополучному, когда кто отъ души пожалѣетъ о немъ; несчастіе много облегчается искреннимъ соболѣзнованіемъ... Такъ учитъ насъ и разумъ, и законъ, и собственный опытъ, и справедливѣйшие изъ людей.

„Кому и какъ должно подавать милостыню? Іисусъ Христосъ говоритъ: *всякому, просящему у тебе, дай;* значитъ, должно помогать и благотворить всѣмъ, не дѣлая разбора въ лицахъ, состояніи, происхожденіи, вѣроисповѣданіи. Каждому, истинно нуждающемуся, должно оказывать милость, ибо всѣ они одинаковое имѣютъ право на сожалѣніе и такъ же смотрятъ на руки наши, какъ мы на руки Божія, когда чего просимъ, и гораздо лучше простирать руку и недостойнымъ, нежели, изъ опасенія встрѣтиться съ недостойными, лишать благодѣянія и достойныхъ. Должно помогать не по тщеславію и самолюбію, не изъ желанія благодарности и вознагражденія, но безкорыстно, для угожденія Богу и изъ любви къ ближнему. Милостыня, зараженная болѣзнію тщеславія, не есть уже дѣло милосердія, но хвастовство и

жестокосердіе. Милостыня состоитъ не въ томъ, чтобы только давать деньги, но въ томъ, чтобы давать съ христіанскимъ чувствомъ милосердія. Должно благотворить и помогать добровольно, охотно, искренно, радушно, съ почтительностью и непритворною любовію къ бѣднымъ, безъ всякаго негодованія, досады и презрѣнія."

О бытіи міра духовнаго о. Іоаннъ говорилъ во многихъ бесѣдахъ. Приведемъ небольшой отрывокъ.

„Вникнемъ, отчего нѣкоторые люди говорятъ, что нѣтъ ангеловъ. Оттого, что они не видятъ доказательствъ ихъ бытія; а вѣрить—просто не хотятъ: имъ хочется все видѣть, осязать,—словомъ, испытать; между тѣмъ они не видятъ, не осязаютъ ихъ. Это—люди, руководствующіеся даже и въ вѣрѣ низшею своею природою,—чувствами. Но въ этомъ случаѣ самая слѣпота такихъ людей нѣкоторымъ образомъ доказываетъ то, что ангелы на самомъ дѣлѣ есть. Такъ, слѣпецъ не видитъ солнца, луны и звѣздъ, украшающихъ небо и освѣщающихъ землю, но это невидѣніе доказываетъ только то, что онъ слѣпъ. Свѣтила сіяютъ независимо отъ того, видитъ онъ ихъ или нѣтъ. Такъ же и бытіе ангеловъ не зависитъ, конечно, отъ того, видимъ ли мы ихъ окомъ вѣры, или,—такъ какъ мы не хотимъ возвыситься надъ перстію, изъ которой созданы, и не видимъ ничего дальше земли,—потому самому не примѣчаемъ слѣдовъ бытія не только свѣтлыхъ духовъ, но и, можетъ-быть, многаго другого. Есть до того потемнѣвшія душевныя очи у нѣкоторыхъ людей, что они не вѣрятъ даже въ духовное Солнце, все просвѣщающее и оживотворяющее. Но это, братія, тяжкая болѣзнь души, слѣпота духовная. Спросимъ объ ангелахъ людей святыхъ и благочестивыхъ, и они докажутъ намъ ясно, какъ день, бытіе міра духовнаго.

„Впрочемъ, кто хочетъ и изъ видимаго увѣриться въ невидимомъ мірѣ духовъ, то и съ этой стороны не останется безъ увѣренія: нужно только вниманіе. Начиная съ человѣка до былинки, все свидѣтельствуетъ о невидимомъ."

О. Іоаннъ не славится своимъ ораторскимъ искусствомъ, и рѣчь его съ внѣшней стороны страдаетъ многими недостатками, о которыхъ знаетъ и самъ почтенный пастырь. Но каждое поученіе его дышитъ жизнью, правдой и убѣжденностью. Съ пер-

ваго раза, прослушавъ проповѣдь о. Іоанна, какъ будто не получаетъ впечатлѣнія, но всѣ мысли его твердо запоминаются, наводятъ на размышленіе и заставляютъ вникнуть въ самого себя, призадуматься... О. Іоаннъ не *проповѣдуетъ*, не влагаетъ въ чужіе мозги своихъ ученій, а „помогаетъ родиться" своимъ собственнымъ хорошимъ мыслямъ, вызываетъ ихъ изъ головы. И эта манера часто приводитъ къ самымъ прекраснымъ результатамъ. Какъ бы ни была сильна и эффектна „проповѣдь", она, конечно, произведетъ иногда даже ошеломляющее впечатлѣніе, но своя собственная мысль, получившая самостоятельное развитіе, всегда прочнѣе засядетъ въ головѣ и скорѣе приведетъ человѣка къ желанной цѣли. Вотъ почему послѣ каждой почти проповѣди къ о. Іоанну приходятъ нѣсколько слушателей за разъясненіями и просятъ дополнительныхъ свѣдѣній. Добрый пастырь охотно даетъ ихъ и проводитъ нерѣдко два-три часа въ бесѣдѣ. Около него, гдѣ бы онъ ни былъ, сейчасъ же соберется толпа и внимаетъ, слѣдитъ за поученіемъ.

— Ну, подумай, сообрази,—ласково говоритъ о. Іоаннъ,—ну, возьми примѣръ съ сосѣда.

И сейчасъ разскажетъ какую-либо притчу, всѣмъ очевидную, и путемъ аналогіи приведетъ сомнѣвающагося къ истинѣ.

Однажды зашла рѣчь о бытіи Бога.

— Батюшка! Вотъ Библія говоритъ о происхожденіи земли, человѣка. А если взять науку...

— Не бери науку въ критику Библіи, — строго перебиваетъ пастырь.—Въ Бога мы можемъ только вѣрить, а не доказывать Его бытіе. Кто вѣритъ, тотъ не требуетъ доказательства, а если ты хочешь доказывать, такъ гдѣ же вѣра? Я тебѣ говорю: у меня въ карманѣ есть булка; а ты отвѣчаешь: вѣрю, батюшка, а дай-ка я рукой пощупаю... Одно изъ двухъ: вѣрь или щупай.

— Но, вѣдь, ученье свѣтъ, батюшка?

— Свѣтъ, большой свѣтъ. Но скажи, развѣ ты зажигаешь лампу днемъ? Или, если ты пришелъ ночью любоваться на звѣздное небо, развѣ ты принесешь свѣчу? Она тебѣ мѣшать будетъ, а, вѣдь, и лампа и свѣча—свѣтъ...

— Такъ, батюшка; да я радъ бы вѣрить, но не могу.

— И я не могу, и всѣ мы не можемъ. Вѣра дается отъ Бога просящимъ ее. Ты говоришь — хочешь вѣрить, вотъ и проси.

Обрати взоръ свой къ небесамъ, забудь земное и проси Царя небеснаго...

Случалось, что послѣ подобныхъ бесѣдъ споровшій является черезъ нѣсколько времени радостный, сіяющій...

— Батюшка, а я получилъ вѣру. И какъ легко, какъ хорошо! Весь міръ, кажется, обнялъ бы; съ души точно гора свалилась.

— Благодари Бога и помни, какіе обѣты накладываетъ на тебя вѣра. Безъ дѣлъ вѣра мертва; надо любить Бога, а кто говоритъ, что онъ Бога любитъ, а брата своего ненавидитъ, тотъ лжецъ, по свидѣтельству апостола Іоанна.

Однажды къ о. Іоанну обратился мужичокъ съ вопросомъ, какъ ему молиться за брата, убитаго во время драки, безъ исповѣди, со злобой на сердцѣ.

— *Молись за всѣхъ православныхъ*,—отвѣчалъ пастырь.

Такой отвѣтъ даетъ о. Іоаннъ почти во всѣхъ случаяхъ, когда къ нему обращаются съ вопросами: за кого и какъ молиться?

Но самъ о. Іоаннъ не отказываетъ въ молитвѣ не только христіанамъ другихъ исповѣданій, но даже евреямъ и магометанамъ. Къ нему однажды обратился татаринъ, у котораго умирала жена.

— Батюшка! — говорилъ онъ, — слышалъ я, что твой Богъ сильнѣе нашего Аллаха; по твоей молитвѣ у сосѣда поправился ребенокъ; помолись за жену мою...

— Изволь. Помолимся вмѣстѣ.

О. Іоаннъ опустился на колѣни и сталъ читать молитву; татаринъ билъ себя въ грудь и повторялъ слова молитвы. Они молились около часа, и, когда поднялись съ колѣнъ, на глазахъ у татарина блестѣли слезы.

— Ступай съ миромъ домой.

По выздоровленіи жены, татаринъ со всей семьей принялъ православіе.

Въ 1859 году вышли въ свѣтъ „Катехизическія бесѣды“ о. Іоанна, въ которыхъ онъ излагалъ своей паствѣ въ общедоступной формѣ основные догматы христіанства. Вслѣдъ затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ изданій поученій, сказанныхъ о. Іоанномъ: „О Пресвятой Троицѣ“, „О сотвореніи міра“, „О Про-

мыслѣ Божіемъ", „О блаженствахъ евангельскихъ" и т. д. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ о. Іоаннъ приступилъ къ изданію полнаго собранія своихъ словъ, поученій и бесѣдъ. Они составили *тринадцать* выпусковъ, изъ которыхъ нѣкоторые вышли уже четвертымъ изданіемъ. Въ настоящее время о. Іоаннъ предполагаетъ издать всѣ свои сочиненія въ трехъ томахъ.

* * *

Теперь печатается полное собраніе проповѣдей и изреченій о. Іоанна. Приведу изъ нихъ нѣсколько.

— Духъ Святый называется Утѣшителемъ по существу Своему, которое есть миръ, радость и блаженство безконечное, и по дѣйствію Своему на души вѣрующихъ, которыхъ Онъ утѣшаетъ, какъ мать, въ ихъ добродѣтеляхъ, въ ихъ страданіяхъ, скорбяхъ и болѣзняхъ, въ ихъ подвигахъ за вѣру;—называется еще Утѣшителемъ въ противоположность злому духу унынія, который часто прпражается къ душамъ нашимъ. Всякое явленіе имѣетъ причину. Такъ, сотворивъ какое-либо доброе дѣло, вы радуетесь, находите утѣшеніе въ душѣ своей. Отчего?—Оттого, что въ васъ Духъ Утѣшитель, вездѣ Сый и вся исполняяй, Сокровище благихъ, который утѣшаетъ васъ. Напротивъ, сдѣлавъ что-либо худое или и не сдѣлавши ничего худого, вы ощущаете иногда въ душѣ убійственное уныніе. Отчего?—Оттого, что вы допустили овладѣть собою злому духу унынія. Напримѣръ, вы становитесь на молитву и вами овладѣваетъ уныніе, между тѣмъ какъ до молитвы его не было; или—вотъ вы принимаетесь читать какую-нибудь книгу духовнаго содержанія, напримѣръ, Св. Писаніе: и вами тоже овладѣваетъ уныніе, лѣность, сомнѣніе, маловѣріе и невѣріе. Отчего?—Оттого, что васъ искушаютъ, надъ вами коварствуютъ злые духи унынія, сомнѣнія и невѣрія. Вы въ церкви у богослуженія: и вамъ скучно, тяжело, лѣнь,—на васъ напало уныніе,—отчего опять?—Оттого, что надъ вами коварствуютъ злые духи унынія и лѣности. Или вы принимаетесь за сочиненіе духовное, напримѣръ, за проповѣдь: и въ вашемъ сердцѣ, въ вашемъ умѣ мракъ, холодъ, а во всемъ тѣлѣ—разслабленіе.—Отчего?—Оттого, что въ васъ коварствуютъ невидимые враги.—Доказать это легко: только не стань всего этого дѣлать, и будетъ такъ легко и пріятно, будетъ такой просторъ въ душѣ и сердцѣ—откуда что возьмется.— Потому Духъ Святый совершенно необходимъ

всѣмъ намъ во всѣхъ благихъ дѣлахъ нашихъ: Онъ есть наша сила, крѣпость, свѣтъ, миръ, утѣшеніе.

— Если сердце и мысли твои въ согласіи со вселенскимъ вѣрованіемъ и съ заповѣдями Божіими, то непремѣнно ты имѣешь тогда тѣсную связь съ Богомъ и съ Нимъ сходство, потому что Богъ есть духовная, мысленная, личная Сущность; но если сердце твое и помышленія твои въ чемъ-либо измѣняютъ сознательно вселенской вѣрѣ и заповѣдямъ Божіимъ или словамъ Евангелія, предписывающимъ правила христіанской жизни, то твое соединеніе съ Богомъ разрывается, и твое сердце вступаетъ въ гибельную связь съ врагомъ истины и жизни—діаволомъ.

Богъ есть любовь и болѣе всѣхъ всесожженій и жертвъ требуетъ отъ насъ любви взаимной,—любви, которая *долготерпитъ, милосердствуетъ, не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла... все покрываетъ, всему вѣритъ, все переноситъ и никогда не перестаетъ.* Весь законъ Божій состоитъ въ двухъ словахъ: люби Бога и ближняго.

— Дивное созданіе—человѣкъ! Смотри—въ землѣ заключено Божіе дыханіе, личное, самостоятельное, свободное, образъ Самого Бога; сколько премудрости, красоты въ устройствѣ тѣлесной его скиніи, сколько премудрости, любви,—словомъ, Богоподобіе показываетъ въ жизни самъ человѣкъ—этотъ богъ для земли, какъ сказано: „сотворимъ человѣка по образу Нашему, и да обладаетъ всею землею!“ Но, чтобы ты не гордился, человѣкъ, смотри, что бываетъ съ тобою, когда то, что въ тебѣ по образу Божію, выйдетъ изъ тѣла, какъ изъ храма своего?—Тебя какъ будто и совсѣмъ не будетъ, ты исчезнешь для этого міра; храмъ твоего духа теряетъ всю свою доброту и благолѣпіе, дѣлается землею и повергается въ землю, отъ нея же взятъ, смѣшиваясь совершенно съ нею, какъ часть ея. — Дивное созданіе Божіе — человѣкъ! Дивно вселилъ Господь въ прахъ образъ Свой — безсмертный духъ. Но подивись, христіанинъ, еще больше премудрости, всемогуществу и благости Творца: такой же прахъ Онъ прелагаетъ и претворяетъ въ Самое Пречистое тѣло и Пречистую кровь Свою, и вселяетъ въ нихъ Самого Себя, Духъ Свой Пре-

чистый и Животворящій — такъ что Тѣло и Кровь Его бываютъ вмѣстѣ духъ и животъ, и для чего это? Для того, чтобы тебя грѣшнаго очищать отъ грѣховъ и освящать, и освященнаго соединять съ Собою, и соединеннаго обожить, облаженствовать и обезсмертить. О, чудеса благости, премудрости и всемогущества Спасовыхъ!

— Духъ Святый—Сокровище всѣхъ благъ или духовнаго богатства. Посмотрите, какимъ чуднымъ богатствомъ исполнены были души, въ коихъ обиталъ Духъ Божій, какимъ свѣтомъ вѣдѣнія, какимъ благоуханіемъ добродѣтелей! Душа человѣка благочестиваго бываетъ пребогатою духовною сокровищницею. Таковы: Павлова душа, Петрова душа, Іоаннова душа, Златоустова, Василіева, Григоріева. Благій человѣкъ отъ благого сокровища— сердце своего износитъ благое. Вотъ гдѣ истинное сокровище. Оно совсѣмъ не то, которымъ дорожитъ свѣтъ.

— Таланты, данные каждому изъ насъ Богомъ для общаго блага, а не для угожденія только нашему собственному самолюбію, развѣ не побуждаютъ насъ къ услугѣ нашимъ собратьямъ въ ихъ нуждѣ? Тебя останавливаетъ нищій... хотя ты и слишкомъ надменно проходишь мимо него. Вразумись чужими бѣдами. Дай хотя самую малость бѣдному: и то не будетъ малостью для того, кто нуждается, — и для Самого Бога, если подаяніе будетъ по силѣ.

— Все дышащее дышитъ воздухомъ и безъ воздуха не можетъ жить; всѣ разумно-свободныя существа живутъ Духомъ Святымъ, какъ бы воздухомъ, и безъ Него не могутъ жить. Святымъ Духомъ всяка душа живится. Познайте, что Духъ Святый въ такомъ отношеніи находится къ душѣ вашей, въ какомъ воздухъ къ тѣлу.

— Что̀ означаетъ явленіе Аврааму трехъ странниковъ? Означаетъ, что Господь, Троичный въ Лицахъ, постоянно какъ бы странствуетъ на землѣ и надзираетъ за всѣмъ, что на ней дѣлается, и къ бдительнымъ, внимательнымъ къ себѣ и своему спасенію и ищущимъ Его рабамъ Своимъ приходитъ Самъ, го-

ститъ у нихъ и бесѣдуетъ съ ними какъ съ друзьями, „къ нему пріидемъ и обитель у него сотворимъ"; а нечестивыхъ людей попаляетъ огнемъ.

— Богъ и святые такъ же слышатъ насъ въ молитвѣ, какъ слышатъ другъ друга люди, разговаривающіе между собою, или какъ слышатъ проповѣдника люди, предстоящіе въ храмѣ, или воины — голосъ вождя, — слышатъ даже несравненно лучше и совершеннѣе; потому что мы слышимъ слова другого, но не знаемъ, что у него на сердцѣ и въ мысляхъ, и случается такъ, что иной одно говоритъ, а совершенно другое имѣетъ на сердцѣ. Богъ же и святые не такъ: видятъ, что у насъ въ мысляхъ и на сердцѣ, — Богъ Самъ Своимъ всевѣдѣніемъ, а святые благодатію Св. Духа, въ которой они вѣчно пребываютъ, и замѣчаютъ, соотвѣтствуютъ ли слова наши сердцу, и если вполнѣ соотвѣтствуютъ сердцу, а сердце, въ свою очередь, вѣрующее, сокрушенное и смиренное, горитъ любовію и усердіемъ (яко мы усердно къ Тебѣ прибѣгаемъ) и желаніемъ получить просимое, то они любезно преклоняются на нашу молитву и подаютъ желаемое. Богъ и святые хотятъ, чтобы мы на молитвѣ представляли ихъ живыми, присущими себя, чтобы мы зрѣли ихъ сердечными очами. Живъ Богъ; нѣсть Богъ мертвыхъ, но живыхъ: и вси Тому живи суть.

— Сознаю высоту сана и соединенныхъ съ нимъ обязанностей,—обращается онъ къ прихожанамъ въ первый день своего служенія литургіи въ Андреевскомъ кронштадтскомъ соборѣ.—Чувствую свою немощь и недостоинство, но уповаю на благодать и милость Божію, немощная врачующую и оскудѣвающая восполняющую. Знаю, что̀ можетъ сдѣлать меня болѣе или менѣе достойнымъ этого сана и способнымъ проходить это званіе. Это — любовь ко Христу и къ вамъ, возлюбленные братья мои. Любовь—великая сила,—продолжаетъ онъ:—она и немощнаго дѣлаетъ сильнымъ и малаго великимъ. Да дастъ и мнѣ любвеобильный ко мнѣ Господь искру этой любви, да воспламенитъ ее во мнѣ Духомъ Своимъ Святымъ. Прошу о семъ вашихъ молитвъ.

— Для чего сошелъ Сынъ Божій на землю?—Для того, чтобы спасти насъ, для возстановленія въ насъ падшаго образа Божія. Сынъ Божій сталъ Сыномъ человѣческимъ... для того, чтобы насъ сдѣлать сынами Божіими изъ чадъ гнѣва и погибели. О, неизреченная любовь Божія! о, несказанныя щедроты Господни!— Онъ Преблагій сдѣлалъ это: Онъ освободилъ человѣчество въ избранныхъ Своихъ, очистилъ отъ всякой скверны плоти и духа, освятилъ, прославилъ, возвелъ отъ тлѣнія къ жизни вѣчной, удостоилъ блаженнаго предстоянія страшному Престолу Славы Своей.

Проповѣдничество о. Іоанна кронштадтскаго.

— *Я поставилъ себѣ за правило: сколь возможно искреннѣе относиться къ своему дѣлу и строго слѣдить за собою, за своею внутреннею жизнью.*

Это подлинныя слова отца Іоанна, характеризующія всю его жизнь, цѣли, стремленія, правила, принципы и т. д. Въ этомъ же и ключъ къ разгадкѣ его силы, его значенія, безпримѣрной популярности и громкой извѣстности.

Мы видимъ въ кронштадтскомъ пастырѣ не только служителя алтаря, но и учителя, добровольнаго проповѣдника, щедраго благотворителя, добраго исцѣлителя, мудраго организатора „Дома Трудолюбія", наставника слабыхъ, утѣшителя страждующихъ и т. д. и т. д. Онъ ни на чемъ не останавливается, все признаетъ „своимъ" дѣломъ. Кто бы ни обратился къ нему съ просьбою— онъ никогда не оттвѣтитъ:

— Это не мое дѣло...

Имѣя десятки тысячъ годового дохода, онъ не имѣетъ лишняго рубля на завтра — это фактъ; все полученное одной рукой онъ сейчасъ же раздаетъ другой, а если не хватаетъ полученнаго, онъ откажетъ въ томъ только случаѣ, если отдастъ свое жалованье, лишнія вещи и откажетъ себѣ въ ужинѣ или обѣдѣ. Дѣтей у него не было и нѣтъ. Жену свою онъ пріучилъ давно уже смотрѣть на все своими глазами, и какъ „пастырь добрый",

онъ всѣ заботы, все время, трудъ и силы отдаетъ дѣтямъ духовнымъ. Чѣмъ больше онъ работаетъ, чѣмъ больше онъ себя изнуряетъ, тѣмъ болѣе является у него силъ и крѣпости; чѣмъ больше онъ раздаетъ денегъ бѣднымъ, тѣмъ больше притекаетъ къ нему средствъ.

— Я живу не для себя, а для другихъ.

Въ этихъ немногихъ словахъ сказано все, и въ нихъ заключается тайна всей жизни отца Іоанна, его популярности, подвижничества и земной славы! Отецъ Іоаннъ 35 лѣтъ стремился къ достиженію этой высокой цѣли и при всей своей скромности можетъ сказать, что онъ всецѣло достигъ этой цѣли.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ „самозабвенія", если можно такъ выразиться, отца Іоанна.

Однажды, лѣтъ 20 тому назадъ, отецъ Іоаннъ только-что вернулся домой, послѣ безчисленныхъ визитовъ къ больнымъ и страждущимъ; передъ домомъ, по обыкновенію, стояла толпа нищихъ, ожидавшихъ подаянія. Отецъ Іоаннъ роздалъ все до послѣдняго двугривеннаго и оставилъ только 20 копеекъ на пароходъ, чтобы, отдохнувъ, ѣхать въ Ораніенбаумъ къ труднобольному. Надо замѣтить, что у кронштадтскаго пастыря никогда нѣтъ никакихъ денегъ не только на „черный", но и на завтрашній день; жена его первое время не мало безпокоилась по поводу такого постояннаго безденежья, но съ годами она убѣдилась въ отсутствіи нужды и привыкла жить „сегодня", не думая о томъ, что будетъ завтра.

Такъ супружеская чета привыкла жить и живетъ донынѣ, будучи даже матеріально не бѣднѣе милліонера. Кронштадтскій пастырь „посѣялъ" за 35 лѣтъ не менѣе 300—400 тысячъ рублей, розданныхъ имъ за это время разными суммами отъ 1 к. до сотни рублей. Зато и жатва его велика и обильна. Если бы онъ пожелалъ имѣть наличный милліонъ рублей, онъ могъ бы собрать его въ нѣсколько дней. Мы говоримъ это на основаніи фактовъ; при одной вѣсти объ открытіи въ Кронштадтѣ „Дома Трудолюбія" о. Іоанну посылались со всѣхъ сторонъ приношенія въ такихъ размѣрахъ, что „приходъ" всегда превышалъ потребности. Но въ то же время лично у о. Іоанна очень часто не бываетъ въ карманѣ и рубля. Такъ было и въ разсказываемомъ нами случаѣ. Оставивъ себѣ на пароходъ 20 коп., о. Іоаннъ

зналъ, что дома у него этой суммы не найдется. Едва онъ вошелъ въ свою скромную комнату, какъ услышалъ въ прихожей шумъ и громкій разговоръ. Не снимая верхней одежды, о. Іоаннъ вернулся въ прихожую; оказалось, что какая-то женщина съ рыданіями проситъ пустить ее къ батюшкѣ.

— Пусть подождетъ,—говоритъ о. Іоанну жена:—вѣдь ты съ 5 час. утра ходилъ, голодный, измученный; пообѣдай, отдохни...

— Погоди, я спрошу, что она хочетъ.

Увидавъ батюшку, женщина бросилась ему въ ноги.

— Спаси насъ, отецъ,—молила она:—у меня мужъ умираетъ, пятеро дѣтей второй день не ѣли, я сама едва хожу... Одна надежда на тебя...

— Пойдемъ къ тебѣ,—ласково отвѣчалъ о. Іоаннъ, подымая женщину,—Господь тебѣ поможетъ...

И о. Іоаннъ, совершенно забывъ объ обѣдѣ и усталости, вышелъ изъ дому вмѣстѣ съ женщиной.

— На, вотъ тебѣ 20 коп. Зайди въ лавку, купи хлѣба и яицъ, больше у меня нѣтъ...

Придя къ женщинѣ, о. Іоаннъ дѣйствительно засталъ картину страшной нищеты: умирающій смотрѣлъ безжизненно остановившимися глазами и не шевелился; дѣти стонали отъ голода.

Когда хлѣбъ и яйца были съѣдены, о. Іоаннъ самъ помогъ женщинѣ убрать ея темную подвальную каморку, привелъ нѣсколько въ порядокъ дѣтей и затѣмъ, опустившись на колѣни передъ крошечнымъ образкомъ, висѣвшимъ въ углу, началъ громко молиться...

Женщина повторяла слова молитвы и все ждала, когда же отецъ Іоаннъ будетъ просить у Господа исцѣленія больного, улучшенія ихъ бѣдственнаго положенія, нужды... Но отецъ Іоаннъ просилъ совсѣмъ о другомъ... Онъ молилъ Бога о прощеніи грѣховъ, спасеніи души, о вѣрѣ и любви къ Спасителю...

Когда голосъ его стихъ, онъ стоялъ еще долго, опустивъ голову, и затѣмъ, вставъ съ колѣнъ, подошелъ къ кровати и благословилъ больного.

— Приди ко мнѣ завтра въ церковь, — сказалъ о. Іоаннъ уходя.

Не успѣлъ онъ выйти изъ дома, какъ увидѣлъ уже нѣсколько человѣкъ, ожидавшихъ его съ приглашеніями въ Петербургъ и

Ораніенбаумъ; выслушавъ просителей, о. Іоаннъ отправился съ ними на пароходъ и только въ первомъ часу ночи вернулся домой „обѣдать"...

На завтра женщина ожидала на паперти выхода своего благодѣтеля. Увидавъ ее въ толпѣ, о. Іоаннъ досталъ изъ кармана нѣсколько конвертиковъ и передалъ ихъ ей.

Въ конвертахъ, врученныхъ о. Іоанномъ, оказалось нѣсколько кредитныхъ билетовъ и облигаціи восточнаго займа въ 1,000 рублей. Больной совсѣмъ оправился отъ болѣзни, открылъ свою торговлю и теперь занимаетъ въ Кронштадтѣ видное и почетное положеніе; недавно онъ пожертвовалъ 10,000 рублей на нужды благотворительности.

Вотъ какіе результаты имѣлъ двугривенный о. Іоанна и его отказъ отъ обѣда, чтобы поспѣшить на помощь нуждающемуся ближнему.

Какъ примѣръ самоотверженной любви о. Іоанна даже къ врагамъ своимъ, напомнимъ случай, о которомъ въ свое время много говорили.

Съ нѣкоторыхъ поръ о. Іоаннъ сталъ замѣчать преслѣдующую его даму, которая появлялась всюду за нимъ и докучала ему своими праздными разговорами. Пастырь кротко просилъ ее оставить его въ покоѣ, но преслѣдованія дамы становились все назойливѣе; видя, что о. Іоаннъ не обращаетъ на нея ни малѣйшаго вниманія и молча переноситъ всѣ причиняемыя ему непріятности, дама перешла къ брани и угрозамъ; при цѣлой толпѣ народа она поносила пастыря непристойными словами, грозила кулаками и однажды покусилась на оскорбленіе дѣйствіемъ...

О. Іоаннъ кротко успокоивалъ свою оскорбительницу, защищалъ ее отъ негодующей толпы и, когда полиція возбудила дѣло о нарушеніи тишины и спокойствія, о. Іоаннъ не только отказался отъ всякихъ личныхъ обвиненій, но самъ защищалъ обидчицу и просилъ объ ея оправданіи. Странная дама была приговорена къ штрафу. Вскорѣ, однако, она уже очевидно для всѣхъ оказалась невмѣняемой: она лишилась разсудка...

Въ числѣ лицъ, непріязненно относившихся къ о. Іоанну, былъ между прочимъ кронштадтскій полицеймейстеръ Головачевъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ преданъ суду за лихоимство и взяточничество. Зная враждебныя дѣйствія Головачева

противъ уважаемаго пастыря, прокурорская власть вызвала въ качествѣ свидѣтеля о. Іоанна. Зданіе суда ломилось отъ публики въ день допроса о. Іоанна. Головачевъ и его защитники были въ сильной ажитаціи. Но вотъ начался допросъ, и къ общему удивленію о. Іоаннъ говорилъ только о хорошихъ поступкахъ Головачева, и въ каждомъ обвинительномъ пунктѣ онъ отмѣчалъ и указывалъ что-нибудь гуманное, полезное...

— Свидѣтель,—обратился къ о. Іоанну прокуроръ,—вы должны говорить на судѣ всю правду, ничего не скрывая.

Глаза о. Іоанна засверкали тѣмъ огнемъ, который не разъ заставлялъ дрожать многихъ; онъ не далъ кончить прокурору начатой фразы и произнесъ на всю залу твердымъ голосомъ:

— Я говорю по священству...

Всѣ присутствующіе затаили дыханіе. Прокуроръ отказался отъ допроса, защитники тоже,—и о. Іоаннъ оставилъ залу суда, видимо взволнованный, но по обыкновенію кроткій и ласковый. Его часа полтора держала въ коридорахъ толпа народа, прося благословенія. Слова: „я говорю по священству", остались у всѣхъ надолго въ памяти.

Любовь къ ближнимъ отца Іоанна замѣчательна тѣмъ въ особенности, что онъ не ограничивается однимъ удовлетвореніемъ простого чувства состраданія. Есть много нервныхъ людей, которые не могутъ равнодушно видѣть страданія другихъ, и, чтобы удовлетворить свое личное, эгоистическое чувство, они дѣлаютъ добро, приносятъ жертвы и т. д. Не подлежитъ сомнѣнію, что о. Іоаннъ—человѣкъ нервный; весьма возможно, что онъ не лишенъ чувства состраданія, приносящаго ему личныя страданія, но его любовь и его добрыя дѣла отнюдь не исходятъ изъ этого чувства. Можно привести тысячи доказательствъ въ подтвержденіе того, что его любовь всегда самоотверженна, его добрыя дѣла исходятъ изъ *одной* любви *къ другимъ*, а не къ себѣ. Любовь о. Іоанна всегда идетъ *далѣе* простого состраданія, а иногда и расходится съ послѣднимъ совершенно діаметрально. Мы знаемъ много случаевъ, когда по эгоистическому чувству состраданія слѣдовало бы немедленно устранить причины страданія ближняго, а между тѣмъ о. Іоаннъ усиливалъ эти страданія, конечно, временно, зная хорошо, что спасеніе и счастье страдающаго—вовсе не въ одномъ устраненіи временныхъ настоящихъ страданій. Человѣкъ

нервный, съ эгоистическимъ чувствомъ сострадания, не станетъ поступать такъ и еще менѣе будетъ заботиться объ отдаленномъ будущемъ даннаго субъекта, нуждающагося не въ паллиативныхъ мѣрахъ исцѣления, каковы лѣкарство или подаяние, а въ раціональномъ, коренномъ исправленіи для блага всей своей жизни и грядущаго, иногда весьма отдаленнаго, *будущаго*.

Не разъ случается, напримѣръ, что о. Іоаннъ отказываетъ въ исповѣди или благословеніи, хотя обратившійся къ нему со слезами умоляетъ не гнать его; иногда мольбы граничатъ съ отчаяніемъ и сопровождаются стонами, плачемъ, рыданіями. Человѣкъ нервный поспѣшилъ бы скорѣе удовлетворить просьбу, чтобы избавить себя отъ такой тяжелой и непріятной сцены, однако о. Іоаннъ остается непреклоннымъ и выдерживаетъ борьбу. Отчего? Потому что онъ видитъ, что проситель пришелъ къ нему не съ искреннимъ сердечнымъ раскаяніемъ, а, скорѣе, по суевѣрію, въ силу одной обрядности; благословеніе или исповѣдь при такихъ условіяхъ не принесутъ пользы для спасенія души просителя или его нравственнаго исправленія, а между тѣмъ нѣкоторыя муки волненія и страха, проявляющіяся въ слезахъ и мольбахъ, скорѣе принесутъ пользу; получившій отказъ, если у него есть искра раскаянія, не остановится на этомъ, будетъ продолжать внутреннюю борьбу съ собой, вернется еще разъ къ о. Іоанну и тогда, если получитъ просимое, то оно достигнетъ цѣли. Мы знаемъ одного московскаго купца, который промышлялъ возмутительнымъ кулачествомъ и для „успокоеніи совѣсти“ рѣшилъ съѣздить „поговорить“ къ отцу Іоанну, хотя самое безсовѣстное обираніе и эксплуатированіе продолжалось попрежнему. О. Іоаннъ не только отказалъ въ исповѣди, но наговорилъ купцу много горькихъ истинъ. Мольбы и клятвы не помогли: купецъ уѣхалъ обратно, не получивъ св. причащенія. Спустя полгода, онъ снова явился и попрежнему уѣхалъ ни съ чѣмъ. Только въ третій разъ, когда онъ прекратилъ свою преступную дѣятельность, расчитался съ обиженными и сдѣлалъ много пожертвованій, рѣшивъ заниматься честнымъ трудомъ, о. Іоаннъ ласково его ободрилъ, допустилъ до исповѣди и, благословивъ, отпустилъ домой съ „миромъ“...

Сила о. Іоанна кронштадтскаго.

Отецъ Іоаннъ, какъ мы видѣли выше, отправляетъ въ теченіе долгаго 35-ти-лѣтняго періода всѣ священническія обязанности, до законоучительства включительно, наравнѣ со всѣми другими іереями; у него есть *свои* прихожане, требы и т. д., какъ и во всѣхъ другихъ церквахъ съ однимъ или нѣсколькими священниками; но та дѣятельность, о которой я буду говорить ниже, выходитъ изъ предѣловъ „прихода“ кронштадтскаго Андреевскаго собора, какъ вообще она выходитъ изъ предѣловъ *обязанностей* духовнаго отца и пастыря Церкви. Эта дѣятельность „внѣ-нормальная“, если можно такъ выразиться, или „сверхъ-нормальная“, и она-то даетъ отцу Іоанну тотъ нравственный обликъ, который, подобно магниту, притягиваетъ къ себѣ сердца людей, заставляя ихъ искать скромнаго и ничѣмъ по внѣшнему виду или положенію не выдѣляющагося священника.

* * *

„Отношенія“ отца Іоанна ко всѣмъ, къ нему обращающимся, необыкновенно просты, задушевны, искренни и очень теплы. Ни состояніе ни положеніе обращающихся къ „батюшкѣ“ не имѣютъ ни малѣйшаго значенія; богатому и бѣдному, нарядному и оборванному, дающему и просящему, генералу и мѣщанину— одинъ почетъ и мѣсто, одинаковое вниманіе, такая же привѣтливая улыбка и готовность сдѣлать все, что возможно. Нищій ли въ лохмотьяхъ или разряженный франтикъ подойдетъ къ батюшкѣ, онъ посмотритъ въ глаза, наклонитъ къ говорящему ухо и твердо дастъ отвѣтъ. Отказъ или привѣтъ, сухой, суровый выговоръ, обѣщанія, увѣщаніе или прямое разрѣшеніе и благословеніе даются по соображеніямъ, ничего общаго не имѣющимъ съ состояніемъ, костюмомъ и внѣшностью просителя. Напротивъ, насколько я замѣтилъ, о. Іоаннъ охотнѣе и ласковѣе бесѣдуетъ съ бѣдными, чѣмъ съ богатыми, съ тѣми, которые просятъ помощи, чѣмъ съ дающими... Какіе же, однако, есть у „батюшки“ моти-

вы и соображенія, въ силу которыхъ онъ дѣлитъ своихъ дѣтей на категоріи и далеко неодинаково награждаетъ своими симпатіями?

Мотивы есть, но очень они не похожи на общепринятые въ нашемъ обществѣ мотивы... У насъ на первомъ планѣ богатство, затѣмъ идетъ благовоспитанность, характеръ, привычки, кругъ, общество, манеры, возрастъ, связи, репутація и т. д. Для о. Іоанна все это абсолютно не имѣетъ никакого значенія!

Душа человѣка, внутренній міръ и область сердечныхъ побужденій—вотъ критеріумъ, на который мѣритъ „батюшка" своихъ дѣтей...

Чѣмъ больше человѣкъ привязанъ къ землѣ и земнымъ похотямъ, тѣмъ меньше онъ найдетъ отклика въ о. Іоаннѣ, и, наоборотъ, чѣмъ свободнѣе сердце человѣка отъ привязанностей къ тлѣннымъ сокровищамъ, тѣмъ ближе и роднѣе оказывается онъ кронштадтскому пастырю...

Здѣсь есть какое-то „родство душъ", непонятное взаимное влеченіе, не поддающееся опредѣленію путемъ внѣшнихъ наблюденій. Вы видите, напр., двухъ стариковъ, стоящихъ передъ „батюшкой"... Одинъ—милліонеръ, который суетъ въ руку священника пачку ассигнацій и приниженно кланяется, а другой, оборванный нищій, стоитъ, понуривъ свою сѣдую голову... Первый разсыпается въ комплиментахъ и любезностяхъ по адресу батюшки, а второй молчитъ, и только слезинка одна за другой катятся по морщинистымъ щекамъ. Между этими двумя стариками такая разница, что только здѣсь, у алтаря, они и могли сойтись вмѣстѣ, стоять рядомъ... Одинъ вращается въ избранномъ обществѣ, его визиты принимаютъ, какъ рѣдкое и цѣнное вниманіе, а другой—обитатель ночлежныхъ пріютовъ, который, даже при объясненіяхъ съ дворниками или сторожами, почтительно снимаетъ шапку... Тутъ они рядомъ! Милліонера шокируетъ это сосѣдство, онъ ждетъ, что о. Іоаннъ сейчасъ же его попроситъ въ алтарь, предложитъ ему посѣтить его, отслужить молебенъ... Вѣдь, онъ архіерея принимаетъ въ своихъ хоромахъ, а тутъ сдѣлалъ честь скромному священнику, самъ первый къ нему пріѣхалъ, и вдругъ изволь стоять рядомъ съ какимъ-то нищимъ оборванцемъ... Вотъ милліонеръ сдѣлалъ пріятную улыбку, замѣтивъ, что батюшка достаетъ изъ кармана просфору, и приготовился благочестиво перекреститься...

Но батюшка протянулъ руку съ просфорой къ нищему, положилъ лѣвую руку ему на плечо и ласково заговорилъ:

— На-ка, милый, просфорку. Ты гдѣ живешь, какъ имя твое?

Милліонеръ краснѣетъ, блѣднѣетъ... Онъ готовъ провалиться сквозь землю, его губы что-то шепчутъ, а ноги машинально пятятся...

— Благословите, батюшка,—произноситъ онъ нерѣшительно.

Но о. Іоаннъ увидѣлъ такого же оборванца, какъ первый, съ которымъ онъ сейчасъ говорилъ, и спѣшитъ протянуть ему сложенную крестомъ руку.

* * *

Если вѣрна пословица, что лицо есть зеркало души, то о. Іоаннъ именно на лицахъ своихъ „дѣтей" ищетъ отраженія души. И только одной души—ничего ему больше не надо! По выраженію глазъ, складкѣ на губахъ, по интонаціи голоса „батюшки" сейчасъ же можно замѣтить, какое „отраженіе" увидѣлъ онъ въ зеркалѣ... Мелкое ли самолюбіе, сухой эгоизмъ, тщеславное заискиваніе, напускное ханжество или, наоборотъ, душу любящую, съ высокими идеалами, чистыми помыслами, хорошими инстинктами, искренними намѣреніями...

Какъ аукнулось, такъ и откликнулось! Кто пришелъ получить лицемѣрное прикрытіе своихъ подлыхъ и грязныхъ дѣлъ, кто пришелъ заплатить подать за невинныя слезы измученныхъ „ближнихъ" или же явился алчно искать мірскихъ сокровищъ, тотъ встрѣтитъ ледяной пріемъ у „батюшки" и уйдетъ съ тѣмъ, съ чѣмъ пришелъ, но зато „взыграетъ" та душа, которая пришлась „родной" „батюшкѣ", нашла въ ней сердечный откликъ, теплое участіе и невидимое общеніе... Въ „зеркалѣ" тотчасъ же отразится столько радости, счастья, довольства и наслажденія, что лица эти можно ясно видѣть въ тысячной толпѣ... Читатели не посѣтуютъ на меня, если я приведу здѣсь нѣсколько примѣровъ и разсказовъ изъ области „родства душъ" о. Іоанна и его дѣтей. Жизнь внутренняя, невидимая, рѣдко отражается такъ эффектно и рельефно, какъ внѣшнія проявленія исцѣленій или матеріальныхъ пособій о. Іоанна, но эта жизнь даетъ гораздо больше поучительнаго и новаго матеріала. Для людей, отвергаю-

щихъ духовный и религіозный элементъ въ дѣятельности о. Іоанна, приводимые факты не будутъ имѣть никакого значенія, но вѣдь они точно такъ же отвергаютъ и все остальное. Если бы въ о. Іоаннѣ было достаточно вѣры для того, чтобы воскрешать умершихъ или повелѣвать стихіями, то и тогда нашлись бы основанія для отрицанія фактовъ и увѣренія, что „все это сказки"...

* *
*

Очень много различныхъ разсказовъ о нравственномъ вліяніи о. Іоанна на своихъ дѣтей. Упомяну объ одномъ фактѣ, изъ лично мною провѣренныхъ, и дѣйствующія лица коихъ мнѣ самому извѣстны. Это исторія мелочника-лавочника въ Кронштадтѣ, о которой много говорятъ и до сихъ поръ. Лавочникъ этотъ живъ, здоровъ и самъ разсказываетъ слѣдующее...

— Я торгую въ Кронштадтѣ лѣтъ уже 20-ть. Моя лавочка помѣщается недалеко отъ того дома, гдѣ живетъ „батюшка" отецъ Іоаннъ и въ полверстѣ отъ „Дома Трудолюбія". Благодаря этому сосѣдству, мнѣ ежедневно приходилось видѣть о. Іоанна, а толпы нищихъ снуютъ мимо моей лавки постоянно. Вы сами понимаете, что для торговли эта публика составляетъ одну помѣху и не приноситъ никакой пользы. Тѣмъ не менѣе торговалъ я отлично, вдвое больше моихъ товарищей, лавки которыхъ помѣщаются на бойкихъ улицахъ. Почему? я объяснялъ это тѣмъ, что кругомъ „Дома Трудолюбія" стали устраиваться страннопріимные дома, появились богомольцы, и моя лавочка съ каждымъ днемъ торговала все лучше. Послѣднія 6—7 лѣтъ ко мнѣ каждый день началъ заходить батюшка... Онъ приходилъ только мѣнять бумажныя деньги на мелкія монеты, ему, видите ли, нужно было одѣлять нищихъ копейками, и онъ мѣнялъ у меня рублей 10—15 каждый день. Я противъ такой услуги ничего сначала не имѣлъ, хотя приходилось другой разъ задерживать покупателей и терять много времени; однажды лавка была полна покупателей, и входитъ о. Іоаннъ.

— Дайте,—говоритъ мнѣ,—на 20 рублей мелочи...

Такая это меня взяла досада! Мелочь самимъ нужна, народу— хоть разорвись, а тутъ пересчитывай полчаса копейки на цѣлыхъ 20 рублей. Дѣлать, однако, нечего, обидѣть батюшку не хотѣлось, и я исполнилъ его просьбу, но подумалъ:

— Хоть бы ты убрался куда-нибудь въ другую лавку со своими копейками. Надоѣлъ, право...

Отецъ Іоаннъ поблагодарилъ, взялъ мѣшечекъ съ мѣдяками и вышелъ. Проходитъ день, другой, третій... Батюшка не идетъ мѣнять. Я на это и вниманія не обратилъ, даже доволенъ былъ... Прошло около мѣсяца... Замѣчаю я, что съ каждымъ почти днемъ торговля у меня идетъ все хуже и хуже; покупателей не только толпы нѣтъ, но частенько и никого нѣтъ въ лавкѣ. А тутъ, какъ на грѣхъ, капуста скисла, хлѣбъ, что ни испечешь—мякина одна, просто выбрасывай, огурцовъ цѣлая бочка пропала. Словомъ, трезъ два мѣсяца моя торговля сдѣлалась неузнаваемой, точно руку кто наложилъ; убытокъ за убыткомъ, а покупателей почти и не видать...

Взяла меня дума! Что бы могло такое приключиться?.. Никакихъ такихъ видимыхъ причинъ нѣтъ: и приказчики тѣ же, и пекаря тѣ же, и не выѣзжалъ никто изъ околотка, даже прибавилось жильцовъ по улицѣ... Что за притча?!..

Убытки, между тѣмъ, все растутъ не по днямъ, а по часамъ. Если такъ торговать, къ концу года можно обанкрутиться... Пошелъ я разъ къ пріятелю, и бесѣдуемъ съ нимъ, разсказываю все, какъ есть.

— Странно,—говоритъ.—А что отецъ Іоаннъ ходитъ къ тебѣ мелочь вымѣнивать?

— Нѣтъ,—говорю,—давно перестал... А что?

— Да смотри, не обидѣлъ ли ты его чѣмъ?

Меня точно по головѣ кто обухомъ ударилъ. Вспомнилъ я, какъ послѣдній разъ мысленно ругнулъ батюшку, и какъ съ этого самаго дня пересталъ онъ ходить ко мнѣ, и въ тотъ же день, вечеромъ, пришлось мнѣ выбросить 12 пудовъ скисшей капусты, а торговля точно „оборвалась“ вдругъ. Заплакалъ я горько и говорю: такъ и такъ.

— Ну, вотъ видишь,—отвѣчаетъ пріятель,—самъ и виноватъ. Не хотѣлъ пустякомъ бѣднякамъ услужить, вѣдь, не для себя батюшка мѣнялъ деньги, самъ знаешь; другой радъ бы былъ, своихъ прибавилъ, а тебѣ и времени жалко стало.

Пошелъ я точно убитый. На другой день, чуть свѣтъ, къ батюшкѣ... Онъ узналъ меня, прямо говоритъ:

— Я больше не тревожу тебя...

Я въ ноги. Каюсь, плачу...

А батюшка такъ ласково говоритъ:

— Встань, встань. Господь милостивъ, проститъ, ты только бѣдняковъ-то люби; вѣдь, братья они тебѣ. Христосъ и для нихъ пострадалъ на крестѣ... Не отворачивайся отъ просящаго, если можешь помочь ему чѣмъ-нибудь, а то и Господь отъ тебя отвернется!

— Батюшка,—говорю,—простите...

— Я на тебя не сержусь и не гнѣваюсь. Ты меня ничѣмъ не обидѣлъ... Если ты кого и обидѣлъ, такъ бѣдняковъ моихъ, а не меня...

Батюшка отслужилъ по моей просьбѣ молебенъ, а я каждый день сталъ прикармливать нищихъ: кому хлѣба, кому грошикъ— не отказывалъ никому почти...

— И?..

— И все пошло по-старому. Торгую опять, слава Богу...

* * *

Было бы излишне, да и невозможно, перечислять здѣсь всѣ подвиги милосердія и любви отца Іоанна къ ближнимъ — обездоленнымъ. Укажемъ для примѣра два-три случая.

О. Іоаннъ замѣтилъ въ храмѣ изнуреннаго старика на костылѣ, съ лицомъ, выражавшимъ страшное горе и страданіе. О. Іоаннъ подозвалъ его къ себѣ послѣ богослуженія и выразилъ желаніе проводить его до дому. Оказалось, что этотъ старикъ—еще „николаевскихъ временъ" солдатъ, имѣетъ негодяя-сына и голодаетъ по нѣскольку дней.

— Вотъ тебѣ, старикъ, мелочь. Но ты молись и благодари Господа. Я сдѣлаю тебя богачомъ, — сказалъ ему на прощанье о. Іоаннъ.

Старичокъ думалъ въ простотѣ души, что добрый пастырь даетъ ему много денегъ, но въ сверткѣ, данномъ о. Іоанномъ, оказалось всего на полтину мѣди. Онъ сталъ ждать. Между тѣмъ отецъ Іоаннъ разыскалъ его сына и въ теченіе цѣлаго мѣсяца ежедневно посвящалъ ему нѣсколько часовъ; они вмѣстѣ работали, занимались, молились, и впослѣдствіи пьяница и мелкій плутъ сдѣлался честнымъ, трудолюбивымъ и способнымъ мастеромъ, имѣющимъ нынѣ собственный домъ въ Кронштадтѣ.

— Такъ вотъ богатство, обѣщанное мнѣ батюшкой,—говорилъ послѣ со слезами старикъ, перебравшись жить къ своему сыну и любуясь крошками-внучатами. Вообще семья эта понынѣ считается самою благочестивою и богобоязненною, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самою счастливою.

Другой случай имѣлъ мѣсто въ первый же годъ поступленія о. Іоанна въ Кронштадтъ. Онъ занялся „соборными нищими", т. е. нищими, стоящими постоянно на папертп собора. Среди нихъ не мало находилось молодыхъ и здоровыхъ тунеядцевъ, забиравшихся неоднократно комитетомъ о нищихъ. Стоять праздно и собирать милостыню имъ было легче работы, а стыдъ этими людьми давно потерянъ... Но въ глазахъ о. Іоанна „эта золотая рота", или „босоногая команда" была, прежде всего, людьми и людьми глубоко несчастными.

— Я готовъ бы былъ переносить нищету, — говорилъ пастырь.—Я не боюсь голода и холода. Это еще не есть несчастье, но вотъ, когда я забуду Бога, потеряю стыдъ и совѣсть; когда мнѣ не стыдно будетъ протягивать здоровую руку за Христовой помощью и нести подаяніе въ кабакъ; когда я не буду даже сознавать, замѣчать этого—тогда я сдѣлаюсь глубоко несчастнымъ, жалкимъ и погибающимъ.

И отецъ Іоаннъ спѣшилъ на помощь къ этимъ „золоторотцамъ"; отдѣлялъ отъ нихъ людей менѣе испорченныхъ, доставалъ имъ службу и мѣста; усовѣщевалъ закоренѣлыхъ пьяницъ-нищихъ и не отказывалъ никому въ помощи...

О. Іоаннъ довольно часто посѣщалъ купеческое семейство С. на Васильевскомъ Островѣ, по 12 линіи, близъ Малаго пр. Въ этомъ же домѣ жили три молодыхъ человѣка изъ учащихся, нерѣдко подтрунивавшихъ надъ непонятной популярностію о. Іоанна, собирающаго толпу вездѣ, гдѣ онъ только появляется. Однажды имъ пришла мысль „посмѣяться" надъ цѣлебной силой молитвъ кронштадтскаго пастыря, и они придумали такой фокусъ. К—ій, самый бойкій юноша, отправился въ семейство С. убѣдительно просить о. Іоанна, когда онъ будетъ у нихъ, заѣхать къ его умирающему товарищу. С—въ прикинется тяжко больнымъ, а М—нъ изобразитъ плачущаго брата у постели умирающаго. Сказано—сдѣлано. О. Іоаннъ выслушалъ просьбу К—го, посмотрѣлъ пристально на него и сказалъ:

— Я никому не отказываю въ молитвѣ и зайду къ вамъ, но помните, что вы *шутите* съ Богомъ!..

К—ій сконфузился, но все-таки, настаивая на просьбѣ, увѣрялъ, что товарищъ при-смерти.

— Хорошо, я сейчасъ буду.

Не прошло и 10 минутъ, какъ у дверей квартиры молодыхъ людей раздался звонокъ. С—въ юркнулъ въ постель, покрылся одѣялами и началъ слабо стонать. М—нъ опустился на колѣни у изголовья мнимо-больного, а К—ій бросился отворять двери.

— Гдѣ *вашъ* больной? — отрывисто спросилъ пастырь, дѣлая удареніе на словѣ „вашъ".

— Пожалуйте, батюшка, пожалуйте,—засуетился К—ій и повелъ гостя въ смежную комнату.

Больной продолжалъ стонать, а М—нъ всхлипывалъ.

О. Іоаннъ остановился посреди комнаты и глазами искалъ образъ. Иконы въ комнатѣ не оказалось. Тогда онъ опустился на колѣни посреди комнаты и, перекрестившись, началъ молиться...

— Господи, пошли имъ по вѣрѣ ихъ...

— Аминь!

О. Іоаннъ быстро поднялся и, не прощаясь, направился къ выходу. К—ій и М—нъ побѣжали его провожать до лѣстницы...

Съ громкимъ смѣхомъ возвратились они въ комнату больного.

— Ваня, Ваня, вставай, о. Іоаннъ уѣхалъ...

— Да вставай же, полно притворяться, вѣдь, онъ уѣхалъ...

Увы! несчастный не притворялся. Онъ лежалъ въ полномъ параличѣ: языкъ, руки, ноги—все отнялось, и только усиленное морганіе глазъ показывало, что юноша живъ и хочетъ что-то сказать.

Столбнякъ ужаса нашелъ на шутниковъ. Они не понимали, что кругомъ происходитъ, и когда пришли въ себя, переглянулись и горько заплакали надъ „живымъ трупомъ".

— Ваня, Ваня, надъ Богомъ мы хотѣли смѣяться... прости, прости насъ...

Послали за докторами. Три опытныхъ врача провели всю ночь у постели больного и констатировали такой параличъ, который излѣчивается годами, если только излѣчивается.

— Вѣроятно, страшное горе поразило вашего товарища: вся его нервная система разбита,—говорили врачи.

Молодые люди только рыдали, не рѣшаясь разсказать врачамъ истину.

Съ первымъ же поѣздомъ на утро оба шутника поѣхали въ Кронштадтъ. О. Іоаннъ не могъ ихъ принять до вечера, и, когда ему доложили о молодыхъ людяхъ, онъ выслалъ имъ сказать, что ничего для нихъ сдѣлать не въ состояніи. М—нъ и К—ій всю ночь продежурили у сѣренькаго домика и, когда поутру о. Іоаннъ показался, бросились ему въ ноги, умоляя простить ихъ.

Добрый пастырь поднялъ юношей и велѣлъ имъ итти въ церковь. Тамъ, послѣ литургіи, онъ отвелъ ихъ къ иконѣ св. Николая чудотворца и здѣсь около двухъ часовъ длилось наставленіе. Почтенный пастырь началъ съ указанія на неприличіе ихъ поступка, на то, что они не имѣютъ права шутить съ людьми старше ихъ и затѣмъ перешелъ къ изложенію евангельскаго ученія.

— Теперь помолимся,—сказалъ о. Іоаннъ, когда наставленіе было кончено.

Нечего и говорить, что молодые люди никогда еще такъ не молились, какъ въ эту минуту. Св. икона чудотворца казалась имъ живымъ ликомъ, сначала грознымъ, а потомъ все болѣе и болѣе милосерднымъ.

— Поѣзжайте съ Богомъ и Его славословьте.

У юношей точно гора свалилась съ плечъ. Они чувствовали непонятную для нихъ радость: душа ихъ ликовала, и все окружающее казалось имъ въ какомъ-то радужномъ свѣтѣ.

Товарищи пріѣхали домой къ вечеру. Имъ отворилъ дверь С—въ.

— Ваня, ты ли это? Ты здоровъ! —бросились къ нему друзья.

— Почти здоровъ. Голова только тяжела и какая-то усталость во всемъ тѣлѣ...

Оказалось, что въ тотъ именно часъ, когда въ Кронштадтѣ о. Іоаннъ молился съ юношами у иконы св. Николая чудотворца, С—въ приподнялся, и постепенно къ нему стала возвращаться возможность владѣть онѣмѣлыми членами. Первою ожила правая рука, и первымъ движеніемъ ея было—крестное знаменіе.

Едва ли надо прибавлять, что молодымъ людямъ не приходило уже въ голову шутить надъ вопросами вѣры и религіи.

——— ———

Подвиги о. Іоанна Кронштадтскаго.

Я упоминалъ уже, что жизнь самого о. Іоанна даетъ меньше матеріала для наблюдателя, чѣмъ бытъ, душевныя движенія и жизнь многочисленныхъ „дѣтей“ его. Оно и понятно: о. Іоаннъ живетъ не для себя, а для другихъ, поэтому на *другихъ* его и надо изучать, знакомиться съ его собственною жизнью и дѣятельностью. Для людей малоразвитыхъ и неспособныхъ анализировать происходящія кругомъ явленія, конечно, больше всего имѣютъ значенія исцѣленія больныхъ и матеріальная поддержка бѣдныхъ. Здѣсь видны для всякаго какъ причина, такъ и слѣдствіе даннаго явленія: бѣдный сталъ богатымъ, больной выздоровѣлъ! Такое явленіе пойметъ каждый ребенокъ, и поэтому-то въ „славѣ“ о. Іоанна массовое движеніе вызвали именно такіе факты выздоровленія и обогащенія. Десятки лицъ, давшія „біографію“ кронштадтскаго пастыря, не пошли дальше этихъ внѣшнихъ простыхъ явленій. Имъ, вѣроятно, оказалось не подъ силу взглянуть глубже на происходящее въ Кронштадтѣ паломничество и присмотрѣться къ той толпѣ, которая ежедневно окружаетъ батюшку и стекается въ Кронштадтъ со всѣхъ концовъ Россіи!.. Если бы они способны были давать себѣ отчетъ въ наблюденіяхъ, то, безъ сомнѣнія, увидали бы, что внутреннее перерожденіе человѣка и его душевныя проявленія при сношеніяхъ съ о. Іоанномъ гораздо важнѣе, интереснѣе и знаменательнѣе внѣшнихъ фактовъ.

Для большей наглядности, я приведу нѣсколько примѣровъ, которые сами говорятъ за себя и покажутъ читателямъ правильность моихъ предыдущихъ словъ. Конечно, тѣ, которые объясняютъ нервнымъ потрясеніемъ или магнитизмомъ случаи исцѣленій о. Іоанна, назовутъ настоящіе факты фанатизмомъ или разстройствомъ умственныхъ способностей, но я, право, пожелалъ бы, чтобы всѣ люди были такими сумасшедшими; тогда не нужно было бы ни тюремъ ни судовъ, не было бы тогда ни нищихъ ни голодающихъ, а тѣмъ паче обиженныхъ и обездоленныхъ.

Своихъ дѣтей, т. е. родныхъ по плоти, у отца Іоанна кронштадтскаго нѣтъ и никогда не было, за то дѣтей духовныхъ у него великое множество, какъ у священника, христіанина и, наконецъ, какъ у человѣка. Я скажу безъ преувеличенія, что цыфра „дѣтей“ отца Іоанна достигаетъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человѣкъ, и онъ воистину отецъ имъ, заботящійся не объ одной духовной ихъ жизни, но вникающій во всѣ нужды земного существованія, начиная съ пищи, ночлега, работы и кончая болѣзнью. Можно было бы пожелать только, чтобы кровные отцы пеклись и любили родныхъ своихъ дѣтей въ такой же мѣрѣ, какъ о. Іоаннъ заботится и любитъ дѣтей духовныхъ. А знаете вы, читатель, кто зачастую эти нѣжно-любимыя „дѣти“ о. Іоанна?

Голь-горемычная, пьяницы-пропойцы...

Такъ, по крайней мѣрѣ, зовутъ этихъ несчастныхъ бѣдняковъ въ Кронштадтѣ, хотя они не болѣе какъ глубоко несчастные...

Есть и еще „дѣти“ о. Іоанна—это религіозные почитатели пастыря, его исповѣдники и пользующіеся его молитвами, совѣтами, благословеніями, наставленіями, указаніями и т. п. Число ихъ гораздо больше „подзаборной братіи“, или „золотой роты“.

Въ своей книгѣ „Отецъ Іоаннъ“ я постарался только дать возможно полную біографію почтеннаго пастыря, не касаясь тогда вовсе его духовныхъ дѣтей. А между тѣмъ какой это огромный міръ, представляющій для наблюдателя массу интереснаго и поучительнаго матеріала! Читатели, я увѣренъ, не посѣтуютъ на меня, если я предложу имъ нѣсколько очерковъ изъ жизни этого именно міра, который возрастаетъ съ каждымъ днемъ, захватываетъ все большія и большія сферы, обѣщая въ недалекомъ будущемъ сдѣлаться такимъ же великимъ, какъ велики истины, исповѣдуемыя и проповѣдуемыя скромнымъ кронштадтскимъ пастыремъ.

Однажды лѣтомъ къ о. Іоанну пріѣхалъ неизвѣстный человѣкъ въ страшно возбужденномъ состояніи. Одинъ видъ этого человѣка, съ блуждающими глазами, трясущимися руками, въ безпорядочномъ, хотя и приличномъ костюмѣ, свидѣтельствовалъ о чемъ-то необычайномъ, какомъ-то ужасномъ горѣ. Подобные визиты у о. Іоанна совсѣмъ не рѣдкость; сплошь и рядомъ пріѣзжаютъ „растрепанные субъекты“, какъ ихъ зовутъ въ Крон-

штадтѣ, или отъ умирающихъ близкихъ людей или растративъ чужія деньги, совершивъ уголовщину, потерявъ состояніе и т. п. Ко всѣмъ такимъ лицамъ о. Іоаннъ относится особенно внимательно и какъ-то осторожно, бережно; но меня всегда удивляло, что почтенный пастырь не проявляетъ никакихъ экстренныхъ мѣръ, не бросается къ нимъ съ помощью, утѣшеніемъ, успокоеніемъ; напротивъ, иногда онъ оставитъ такого растрепаннаго субъекта, уѣдетъ въ Петербургъ и точно забудетъ о его существованіи... И странно! Казалось бы, человѣкъ, дошедшій до отчаянія, при видѣ такого равнодушія, долженъ бы окончательно упасть духомъ, но „растрепанный субъектъ“, напротивъ, послѣ двухъ-трехъ словъ съ о. Іоанномъ замѣтно успокоивается и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ уединенія, оставленный съ самимъ собою въ храмѣ, постепенно возвращаетъ самообладаніе, начинаетъ здраво мыслить, обсуждаетъ положеніе, событіе и... и одно изъ двухъ: или о. Іоаннъ по возвращеніи не находитъ его уже въ Кронштадтѣ или находитъ въ состояніи тихой грусти, покорности и облегчающихъ душу слезъ...

„Растрепанный субъектъ“, о которомъ я завелъ рѣчь, былъ въ числѣ послѣднихъ. Назовемъ его Михаиломъ Петровичемъ. Вотъ краткія біографическія свѣдѣнія. Онъ молодой еще человѣкъ, тридцати съ небольшимъ лѣтъ, красивый и хорошо воспитанный, изъ порядочной семьи; вмѣстѣ съ дипломомъ онъ, благодаря протекціи, получилъ мѣсто и впереди имѣлъ карьеру. Словомъ, М. П. все имѣлъ отъ жизни для безбѣднаго и счастливаго существованія въ „обществѣ“.

— Все, чего можно было желать, я имѣлъ,—говорилъ впослѣдствіи М. П.,— и я никогда не задумывался надъ жизнью, надъ своими отношеніями къ обществу и окружающимъ. Да и зачѣмъ было думать или давать себѣ отчетъ, когда всегда все шло точно по приказу, казалось, всегда такъ будетъ; я ничего не желалъ, кромѣ того, что дается безъ всякихъ головоломныхъ рѣшеній.

Жизнь, однако, оказалась неполной. То, что легко давалось, скоро надоѣдало, не представляло уже интереса и становилось скучнымъ, приторнымъ. А кругомъ М. П. все было такимъ. Тоска, скука, хандра постепенно закрадывались въ его душу и начали отравлять существованіе. Онъ даже доходилъ до мысли о самоубійствѣ...

— Надо жениться,—рѣшилъ М. П.

Въ нашъ вѣкъ это рѣшеніе самое заурядное. Наука, знанія, искусство, слава, польза общества и т. п. очень рѣдко дѣлаются предметомъ увлеченія для человѣка, познавшаго пустоту своего существованія. Чаще всего человѣкъ средняго ума и не придетъ къ подобному сознанію, безъ какого-либо сильнаго или нравственнаго или душевнаго потрясенія, но если, подобно М. П., явилось непрошенное сознаніе, то прямой и самый простой способъ рѣшенія—жениться! Будетъ жена, дѣти, обязанность семьянина, и, слѣдовательно, нѣтъ болѣе пустоты. Сильная любовь или увлеченіе для такой женитьбы не требуются; нужно только найти подходящій для будущей семьи индивидуумъ, что вовсе не трудно.

Жена нашлась, Мих. Пет. сдѣлался семьяниномъ и былъ совершенно счастливъ, какъ вдругъ жена его сбѣжала съ какимъ-то французомъ, а самъ М. П. очутился въ Кронштадтѣ...

Напрасно было бы разспрашивать М. П., какъ и почему все это случилось. Онъ младенчески отвѣчалъ на всѣ вопросы:

— Рѣшительно понять не могу! Все у ней было, всего довольно, и я души въ ней не чаялъ...

Я зашелъ бы слишкомъ далеко, если бъ сталъ анализировать прошлую жизнь М. П. О внутренней жизни его можно только сказать, что ея не было и въ зародышѣ! Никогда и ни разу мысли его не останавливались на вопросѣ о цѣли существованія или о высшемъ призваніи человѣка. Разъ только случилось ему отъ души хохотать, когда одинъ студентъ, нѣсколько мѣсяцевъ сидѣвшій надъ микроскопами, однажды, ликующій, торжественный, объявилъ, что ему удалось найти какое-то химическое соединеніе.

О. Іоаннъ пріѣхалъ поздно вечеромъ и замѣтилъ М. П., сидѣвшаго на паперти Андреевскаго собора. Батюшка подозвалъ его и велѣлъ завтра прійти къ ранней обѣднѣ въ „Домъ Трудолюбія". Но завтра послѣ ранней обѣдни оказалась такая масса народа, что батюшкѣ опять некогда было говорить съ М. П.

— Вы можете остаться до завтра?—спросилъ о. Іоаннъ.

— Конечно, могу, батюшка,—покорно отвѣчалъ тотъ.

Однако, прошло пять дней, пока, наконецъ, о. Іоаннъ принялъ М. П. За это время растрепанный субъектъ превратился въ прежняго bon-ton'наго господина, только съ какимъ-то мрачнымъ

оттѣнкомъ, безъ признака улыбки. Въ пять дней М. П. переродился: изъ юноши сдѣлался серьезнымъ человѣкомъ и цѣлыми днями просиживалъ, погруженный въ думы; глубокія складки на лбу и сосредоточенный, какъ бы злой взглядъ неподвижныхъ глазъ свидѣтельствовали, что думы его были не веселыя.

— Что же вы хотите отъ меня? — началъ бесѣду о. Іоаннъ тономъ полнаго равнодушія и съ такимъ выраженіемъ серьезности, какого никогда не видали на его добромъ лицѣ разные оборванцы, нищіе и больные...

М. П. видимо не ожидалъ такого прямого вопроса, которымъ и самъ никогда не задавался прежде; онъ слышалъ, что разныя лица въ несчастіи ѣдутъ къ о. Іоанну, у него тоже случилось несчастіе, и онъ поѣхалъ... А зачѣмъ — онъ и самъ не зналъ; вернетъ ли ему кронштадтскій пастырь жену или утѣшитъ только—онъ себя и не спрашивалъ. Прошла минута молчанія. Отецъ Іоаннъ не хотѣлъ помогать своему собесѣднику высказаться...

— Человѣку всегда послѣ легче будетъ, иногда онъ самъ прямо и громко назоветъ свое положеніе истинными словами. Нужно довести его до полнаго покаянія,—говоритъ кронштадтскій пастырь.

— У меня жена ушла... убѣжала, — произнесъ М. П., едва выговаривая слова.

— Ну?

— И я... я... страшно страдалъ!..

— Страдали? Теперь вы страдаете меньше...

— Меньше, — произнесъ радостно М. П., сознавая, что съ момента его пріѣзда въ Кронштадтъ, онъ дѣйствительно сталъ меньше страдать; это облегченіе казалось ему случайнымъ, временнымъ, какъ бы затишьемъ передъ бурей, но теперь онъ почувствовалъ, что рана его получила цѣлительный бальзамъ, и выздоровленіе совершается быстро. Какъ, почему и откуда идетъ облегченіе, онъ, конечно, не сознавалъ, но чувствовалъ, что ему необыкновенно легко и пріятно около батюшки.

— Кто живетъ въ Богѣ, тому страданія не тяжелы, а кто любитъ Бога, тому все во благо... Подумай хорошенько, не въ прошломъ ли твоемъ лежитъ причина всего настоящаго; такъ ли ты жилъ, какъ подобаетъ жить христіанину, доброму, честному и порядочному гражданину? Не заслужилъ ли ты самъ того, что жена тебя бросила?

Часа два длилась бесѣда батюшки съ М. П. и закончилась молитвою. Съ перваго класса гимназіи М. П. не молился до этого дня... Онъ оставилъ церковь „Дома Трудолюбія“ почти въ восторженномъ настроеніи, и, при мысли о женѣ, онъ уже не мечталъ о кровавой мести, не упивался надеждой смертью француза вознаградить свою честь...

Дня черезъ два батюшка опять встрѣтилъ М. П. и спросилъ, что онъ дѣлаетъ въ Кронштадтѣ.

— Я хочу получить у васъ исповѣдь и св. причащеніе...

— Добро, а примирился ли ты съ врагами своими?

— Я самъ первый врагъ себѣ и другимъ, батюшка, — отвѣчалъ М. П. — Мнѣ просить надо прощенія у другихъ, а не имъ у меня... Я сегодня молился даже за нихъ...

— Хорошо. Приходи вечеромъ въ соборъ, мы побесѣдуемъ.

Черезъ недѣлю М. П. вернулся въ Петербургъ и принялся за работу. Перерожденіе было полное. Все свободное время онъ проводилъ за молитвою и чтеніемъ св. писанія. Въ театрахъ, на гуляньяхъ его не видали, но въ подвалахъ и углахъ нищихъ обездоленныхъ онъ появлялся нерѣдко; товарищи-сослуживцы были поражены перемѣной въ М. П., и всѣ единогласно находили, что онъ сдѣлался необыкновенно добръ, внимателенъ и предупредителенъ ко всѣмъ, не пропуская ни одного случая быть кому-нибудь полезнымъ; онъ интересовался литературой, новыми полезными открытіями, художествомъ и во всемъ тщательно избѣгалъ той пикантности, за которой прежде былъ первый „ходокъ“; начальство съ своей стороны ставило М. П. въ образецъ...

Если я скажу, что М. П. до сихъ поръ часто ѣздитъ къ о. Іоанну и считаетъ его единственнымъ своимъ благодѣтелемъ, духовнымъ отцомъ и другомъ, то я могу покончить съ нашимъ героемъ...

* * *

Въ моихъ черновыхъ записяхъ есть не одинъ десятокъ такихъ же Михаилъ Петровичей, но я полагаю, что нѣтъ нужды разсказывать всѣ эти исторіи, потому что въ общемъ одна и та же идея, одно и то же начало и конецъ. Человѣкъ вполнѣ равнодушный послѣ сильнаго потрясенія сознавалъ пустоту и отвратительную пошлость такой жизни... Онъ искалъ выхода, искалъ

его у кронштадтскаго пастыря и превращался въ полезнаго гражданина, хорошаго христіанина и находилъ свое собственное счастье! Для общества, для государства и Церкви такое превращеніе приносило огромную пользу, увеличивая контингентъ хорошихъ людей.

Я полагаю, что и за это, какъ за помощь бѣднымъ, отцу Іоанну можно сказать искреннее спасибо!

* * *

Вотъ разсказъ одного бѣдняка. „Въ началѣ прошлаго года непосильная работа свалила меня: я опасно заболѣлъ. Усиліямъ докторовъ моя болѣзнь не поддавалась, и страданія, причиняемыя мнѣ болью въ печени и зудъ отъ разлитія желчи во всемъ тѣлѣ, не давали мнѣ покоя ни днемъ ни ночью. Домашніе мои, измученные уходомъ за мною и нравственнымъ страданіемъ за исходъ болѣзни, обратились къ кронштадтскому „батюшкѣ“ съ просьбою о его пріѣздѣ къ больному и.. онъ пріѣхалъ. Пріѣхалъ въ бѣдную квартирку болящаго и, подойдя къ постели, кротко и ласково сказалъ: „Вставай, помолимся“. И я, встававшій только съ помощью ухаживавшихъ за мною, теперь нашелъ силы встать, одѣться и выйти въ другую комнату, гдѣ были уже приготовлены столъ и икона для молебна, опустился на колѣни и благоговѣйно слушалъ, какъ пастырь взывалъ къ Владычицѣ о моемъ исцѣленіи. Съ каждымъ словомъ молитвы я чувствовалъ, какъ какая-то чудная сила вливалась въ меня, сердце трепетно билось, боли стихали, и слезы, крупныя благодатныя слезы лились изъ глазъ... И не я одинъ плакалъ—плакали всѣ, кто былъ въ комнатѣ, исключая только того, кто взывалъ къ Богоматери, требуя Ея помощи и призывая Ея заступничество за болящаго. Наконецъ, окончивъ молитву, онъ съ ясной улыбкой обратился ко мнѣ съ вопросомъ: „Что болѣе всего причиняетъ тебѣ страданіе?“ Я сказалъ о моей болѣзни и пожаловался на жгучій зудъ, разъѣдавшій мое тѣло и не дававшій мнѣ ни минуты покоя ни днемъ ни ночью. Онъ прикоснулся къ больному мѣсту, провелъ нѣсколько разъ руками по моему тѣлу, благословилъ меня и, сказавъ: „Молись Богу, будешь здоровъ!“—уѣхалъ. Все это совершилось такъ быстро, такъ неожиданно, точно во снѣ. Я не ложился болѣе въ постель и черезъ двѣ недѣли принялся за ра-

боту. Болѣзнь прошла, не возвращалась, и я забылъ о томъ, кто далъ мнѣ возможность жить, работать и помогать въ заработкѣ другимъ. Прошелъ годъ, и тотъ же трудъ вторично подорвалъ мои силы: у меня открылось легочное кровохарканіе. Я вспомнилъ отца Іоанна, послалъ ему телеграмму съ просьбой о молитвѣ и далъ обѣщаніе поѣхать при первой возможности въ Кронштадтъ, чтобъ лично просить его благословенія. И черезъ недѣлю я былъ здоровъ".

. . . .

Этотъ бѣднякъ сдѣлался теперь миссіонеромъ.

* * *

Почти два года уже, какъ я познакомился съ однимъ изъ почитателей о. Іоанна, котораго буду называть Петромъ Ивановичемъ. Много вечеровъ провели мы въ дружеской бесѣдѣ, дѣлили другъ съ другомъ свои впечатлѣнія, интересовавшія насъ наблюденія, и въ настоящее время Петръ Ивановичъ дѣлитъ со мной всѣ свои радости и горе. Мы и до сихъ поръ встрѣчаемся съ нимъ очень часто.

Лѣтъ 10 тому назадъ Петръ Ивановичъ занималъ на службѣ видный постъ, носилъ блестящій мундиръ и жилъ, какъ подобаетъ жить особѣ V-го класса, получающей 6,000 руб. годового содержанія. Къ религіи П. И. относился вполнѣ равнодушно, не то чтобы онъ былъ атеистомъ, а просто обходилъ вопросы вѣры молчаніемъ, находя, что и такъ вѣкъ прожить можно, а „умирать буду—подумаю"... Для окружающихъ онъ былъ человѣкъ сухой и почти злой; помощи или добра онъ никому не оказывалъ, а если приходилось покарать—пощады или состраданія—ни-ни!

— Живымъ въ гробъ уложу,—говорилъ онъ самъ.

„Характеръ" ли такой суровый былъ у П. И., или воспитаніе, служба закалили его, но только человѣкъ—кремень былъ, и любовью окружающихъ онъ не пользовался...

Въ 1882 году у П. И. скоропостижно умерла жена — единственное существо, нѣжно имъ любимое. Передъ смертью, когда доктора отказались уже лѣчить больную, П. И. послалъ за о. Іоанномъ.

— Пусть помолится — все равно умирать, а если выздоровѣетъ—увѣрую!

Отецъ Іоаннъ отвѣчалъ посланному:

— Мнѣ у васъ дѣлать нечего!

И не поѣхалъ.. Больная умерла... П. И. пришелъ въ отчаяніе... Онъ сидѣлъ уже съ револьверомъ въ рукѣ, когда ему точно молнія ударила въ голову.

— А вѣдь о. Іоаннъ не поѣхалъ; у васъ, говоритъ, мнѣ дѣлать нечего... Отчего не поѣхалъ? Что это за о. Іоаннъ?!.. Къ Вино—ву поѣхалъ, и тамъ ребенокъ умирающій поправился.

* * *

Петръ Ивановичъ погрузился въ думы и просидѣлъ болѣе часа неподвижно. Когда онъ очнулся, въ его мозгу созрѣлъ ясный и опредѣленный планъ дѣйствій...

На другой же день онъ отправился къ о. Іоанну и просилъ исповѣди. Здѣсь вылилась, такъ сказать, вся наболѣвшая душа его.

— Со смертью жены,—разсказывалъ послѣ Петръ Ивановичъ,—предо мною открылась какая-то пропасть, бездна, мрачная пустота... Я почувствовалъ холодъ смерти и безсиліе всѣхъ нашихъ знаній, которыми человѣчество гордится, суетность всѣхъ заботъ, хлопотъ... Если человѣкъ со всей наукой такъ безсиленъ и ничтоженъ передъ природой, если все существованіе, вся цѣль жизни только и ограничивается смертнымъ часомъ, только для того мы живемъ, чтобы при первой случайности обратиться въ гніющій прахъ, — то стоитъ ли жить!? Чего ради мы живемъ?.. Нѣтъ, этого не можетъ быть! Тайна и отрицаніе не синонимы. Если мы не знаемъ природы даже зародышныхъ клѣточекъ и не можемъ уяснить себѣ своего существованія, какъ выражается профессоръ Тархановъ, то изъ этого не слѣдуетъ, что все таинственное, духовное, невидимое не существуетъ!..

Отецъ Іоаннъ не далъ П. И. отпущенія грѣховъ и ограничилъ только молитвою, длившеюся болѣе часа.

Въ первый разъ въ жизни П. И. испыталъ какое-то непонятное чувство, неизвѣстное ему раньше, но хорошее, благотворное чувство. Съ первыхъ словъ молитвы онъ забылъ все земное, что раньше исключительно занимало его мысли; передъ его духовными глазами раскрылся новый прекрасный миръ... И странно, въ этомъ мірѣ онъ не чужой, и ему тамъ есть мѣсто!

— Хотѣлось бы мнѣ остаться тамъ навсегда, никогда не раз-

лучаться съ этимъ міромъ, но молитва была кончена, и батюшка пригласилъ меня удалиться... Почти съ ужасомъ спросилъ я: неужели мнѣ нельзя больше никогда прійти еще? Но батюшка кротко такъ смотрѣлъ на меня и ласково произнесъ: „Можешь каждый день приходить“...

* * *

Петръ Ивановичъ дѣйствительно сталъ ходить каждый день и, случалось, ловилъ батюшку съ утра до вечера, чтобы помолиться вмѣстѣ нѣсколько минутъ. Черезъ недѣлю или полторы онъ получилъ св. причащеніе. Первымъ результатомъ его „новой“ жизни было совершенно другое отношеніе ко всѣмъ людямъ, начиная съ прислуги, солдатъ и др. простолюдиновъ. У него было странное желаніе помочь, услужить *каждому*, вызвать удовольствіе на лицѣ, улыбку, доставить всякому что-нибудь пріятное.

— Такъ бы вотъ всѣхъ обнялъ и расцѣловалъ, всѣхъ безъ исключенія и изъятія...

Суровый характеръ П. И. преобразился до такой степени, что онъ потерялъ всякую способность сердиться; напротивъ, какую бы непріятность ему ни причинили, онъ жалѣлъ только провинившагося и старался всѣми силами убѣдить его, что такъ поступать не слѣдовало. Когда ему приходилось слышать о враждующихъ или о комъ-нибудь обиженномъ,—онъ страшно волновался и принималъ всѣ мѣры, чтобы какъ-нибудь ослабить непріятныя послѣдствія. Само собою разумѣется, что все свободное время онъ проводилъ въ чтеніи библіи и молитвѣ; онъ пристрастился къ этому занятію, какъ пьяница къ вину, и страдалъ ужасно, если ему цѣлый день не удалось раскрыть „родной книги“...

Въ домашней жизни П. И. также многое измѣнилось. Онъ бросилъ курить, совершенно перестал пить, упростилъ столъ до минимума, удалилъ всѣ предметы роскоши и, выйдя въ отставку, посвятилъ себя всецѣло воспитанію дѣтей—сына и двухъ дочерей.

Главнымъ врагомъ П. И. за его „перерожденіе“ сдѣлался его родной братъ, называвшій его „юродивымъ“.

— Похоронилъ жену и бросился въ ханжество. Это показываетъ только твое малодушіе или еще хуже—слабоуміе... Ты малость рехнулся,—говорилъ ему братъ.

— Скажи, кому же я причинилъ вредъ своимъ „юродствомъ?“ Я совершенно счастливъ; дѣти, полагаю, не проиграютъ отъ того, что я больше посвящаю имъ времени и вниманія... Окружающимъ, ты самъ знаешь, я многимъ принесъ существенную пользу, а не вредъ...

— Да ты, вѣдь, сдѣлался нетерпимъ въ приличномъ обществѣ; ты потерялъ карьеру, ведешь такой образъ жизни, что у тебя никто не бываетъ...

— Постой. Я потерялъ карьеру—это вѣрно, но скажи по совѣсти—потеряла ли служба отъ того, что я вышелъ въ отставку? Вѣдь, *нѣтъ?* Ты самъ это хорошо знаешь. Служба была мнѣ нужна, а не я службѣ! Затѣмъ относительно того, что нашимъ знакомымъ нельзя у меня попьянствовать или повинтить, то согласись, не обязанъ же я ради такой глупости отказываться отъ своихъ взглядовъ, убѣжденій и ломать собственную жизнь. И безъ меня всѣ наши пріятели найдутъ, гдѣ напиться...

— Да съ чего же ты себя-то изводишь?

— Клянусь тебѣ памятью моей жены, что я никогда не былъ такъ счастливъ, какъ теперь. Ничто не могло мнѣ доставить такого удовольствія, какъ глава прочитанной Библіи... Я счастливъ совершенно въ своемъ „юродствѣ“, и оно никому не приноситъ вреда, скорѣе пользу, почему же мнѣ не „юродствовать“?.. Ты говоришь, что застрѣлился бы, если бы потерялъ свое положеніе, а я легко могу *все* потерять, потому что то, безъ чего я не могъ бы теперь жить, т. е. вѣра и молитва, у меня никто не въ состояніи отнять. Ты, значитъ, зависишь отъ тысячи случайностей, а я—ни отъ кого. Ты долженъ бояться всего: болѣзни, паденія курса, нерасположенія своего „общества“, смерти близкихъ людей и т. д. и т. д., а я—ничего, потому что мое „юродство“ замѣняетъ и поглощаетъ для меня *все*. Ты не можешь жить безъ теперешняго положенія, значитъ, сколько же людей и случаевъ могутъ приговорить тебя къ смертной казни?! Ты дрожишь при мысли о гробовой доскѣ, потому что не увѣренъ въ послѣдующемъ, а я съ радостнымъ трепетомъ жду этого момента, хотя и жизнь даетъ мнѣ много радостей. Кто же изъ насъ счастливѣе?

— Эти разсужденія напоминаютъ мнѣ бредъ больныхъ въ домѣ умалишенныхъ. Ты замѣчалъ, что идіоты всегда смѣются: вѣроятно, у нихъ такое же радостное настроеніе, какъ и твое...

— Софизмъ и парадоксъ—не доказательства. Ты знаешь, что умалишенные и идіоты страшно страдаютъ *физически*, а я такъ здоровъ, что ты самъ завидуешь моему здоровью. Умалишенные теряютъ разсудокъ и не могутъ мыслить логично, а я еще вчера сдѣлалъ за тебя три докладныхъ записки, и вѣдь никто не нашелъ ихъ бредомъ умалишеннаго. Зачѣмъ ты меня напрасно оскорбляешь?..

Петръ Ивановичъ живетъ со своими „новыми взглядами" седьмой уже годъ. Онъ каждый мѣсяцъ причащается у о. Іоанна, каждый праздникъ посѣщаетъ церковь и живетъ тихою счастливою жизнью. Всѣ тѣ, которые считаютъ его за „юродиваго", не брезгаютъ обращаться къ нему за помощью и пользуются какъ его знаніями, опытностью, такъ и деньгами. Отказа нѣтъ никому, у П. И. нѣтъ удовольствія выше, какъ помочь *врагу* своему.

Но могутъ ли быть у него враги?

* * *

Но особеннымъ предметомъ попеченія пастыря являлись больные и старые. Никакая зараза или убожество обстановки не могли остановить его отъ визита къ такимъ страдальцамъ. Онъ не только безвозмездно исполнялъ въ такихъ случаяхъ всѣ церковныя требы, но постоянно помогалъ самъ по мѣрѣ средствъ.

Приведемъ нѣсколько случаевъ, свидѣтельствующихъ о силѣ молитвы о. Іоанна. Первый случай, заставившій о себѣ говорить, относится къ 1879 или 1880 году. Въ Кронштадтѣ проживало зажиточное семейство Ф., состоящее изъ мужа, жены, двоихъ дѣтей и матери Ф. Самъ Ф. занималъ довольно видное мѣсто и за свои нравственныя качества пользовался общимъ уваженіемъ. Четыре уже года прошло, какъ старушка-мать заболѣла тяжкой и неизлѣчимой болѣзнью: у нея открылась водянка въ ногахъ. У постели несчастной перебывали всѣ свѣтила науки до покойнаго Боткина включительно, но помощи не было; напротивъ, болѣзнь усиливалась, развивалась, и дни старушки были сочтены... Созванный консиліумъ, съ участіемъ семи профессоровъ, опредѣлилъ, что водянка достигла сердца, и жизнь, самое большее, протянется дней шесть. Спасенія нѣтъ, и всякое лѣченіе безполезно.

Старушка необыкновенно хотѣла жить, имѣя какое-то предчувствіе, что она не должна еще умереть, и молила врачей спасти ее.

— Есть еще возможность попробовать выпустить воду, — отвѣчали ей, — но операція эта очень тяжкая и въ ваши годы перенести ее невозможно. Изъ ста шансовъ 99 за смертельный исходъ, который сократитъ только напрасно дни и причинитъ мученія.

Врачи разъѣхались, и старушка пожелала остаться одна для молитвы. Спустя часъ, она позвала сына и потребовала, чтобы немедленно пригласили о. Іоанна для молитвы и служенія молебствія. Къ вечеру пастырь прибылъ и провелъ у постели около часу. Благословляя больную, о. Іоаннъ сказалъ г. Ф.:

— Я васъ попрошу привезти завтра мамашу въ соборъ на литургію...

— Но, батюшка, мамаша пятый годъ не встаетъ уже съ постели. Завтра ей будутъ дѣлать страшную операцію...

— Операціи не надо никакой дѣлать, а я надѣюсь, что завтра вашей мамашѣ не очень трудно будетъ явиться въ храмъ Божій...

— Нѣтъ, нѣтъ, батюшка, это невозможно. Доктора запретили ей всякое движеніе; да еще доживетъ ли она до завтра...

— Прощайте и исполните мою просьбу.

О. Іоаннъ удалился. Г. Ф. проводилъ его до улицы и вернулся къ матери, которая имѣла совершенно сіяющій и бодрый видъ.

— Дѣти мои, — плакала она, — я съ каждой минутой чувствую облегченіе; точно мнѣ сдѣлали уже операцію.

Всю ночь семейство провело безъ сна. Старушка подъ утро сошла съ постели, на которой провела болѣе 4 лѣтъ, и ее водили подъ руки по всѣмъ комнатамъ. Радости и ликованію не было конца. Когда въ церквахъ ударили въ колоколъ къ обѣдни, больная двигалась уже съ палкой безъ посторонней помощи.

Едва ли надо говорить, что все семейство Ф., по завѣту о. Іоанна, присутствовало въ соборѣ; старушка отстояла всю обѣдню и молебенъ Спасителю. Черезъ три дня она была совершенно здорова и здравствуетъ понынѣ, т. е. около 10 лѣтъ. Она прожила слѣдовательно болѣе *лѣтъ*, чѣмъ *дней* обѣщано ей было семью профессорами и цѣлымъ консиліумомъ свѣтилъ врачебной науки...

Разскажемъ еще нѣсколько случаевъ, создавшихъ о. Іоанну столь обширную популярность.

На далекомъ Уралѣ, въ Екатеринбургѣ, проживалъ богатый золотопромышленникъ З—въ, слывшій тамъ отцомъ всѣхъ нуждающихся и страдающихъ.

Однажды З—въ самъ спустился въ шахту, на глубину около 30 саженъ въ землю, дѣлалъ тамъ распоряженія, указанія и только-что приказалъ подымать себя наверхъ, какъ вдругъ оборвалась глыба руды, и несчастнаго засыпало. Сотни рабочихъ рукъ лихорадочно стали спасать любимаго хозяина, но все-таки прошло сравнительно много времени и притомъ З—въ получилъ сильные ушибы падавшей землей, такъ что его вынули безъ всякихъ признаковъ жизни. Доктора на пріискѣ, конечно, не было; послали въ Екатеринбургъ, верстъ 70—80, но З—въ не подавалъ никакихъ признаковъ жизни.

— Вотъ что, господа,—обратился къ толпѣ главный приказчикъ пріиска: — молитесь вы всѣ, а я пошлю сейчасъ срочную телеграмму о. Іоанну въ Кронштадтъ.

Немедленно пригласили священника служить молебствіе; тысячная толпа опустилась на колѣни, и раздавались громкія рыданія.

Скоро прибылъ врачъ. Осмотрѣлъ больного, ощупалъ пульсъ, принялъ всѣ извѣстныя ему мѣры возвращенія къ жизни и... перекрестивъ безжизненный трупъ, сказалъ:

— Безнадеженъ...

— Умеръ, умеръ!—пронеслась въ толпѣ роковая вѣсть, и послышались новыя рыданія.

— Нѣтъ, признаковъ смерти еще нѣтъ, но только развѣ чудо можетъ спасти больного. Смерть должна наступить съ минуты на минуту.

Шли томительные часы. Отъ одра З—ва не отходили ни докторъ ни его многочисленные члены семьи.

На дворѣ была толпа рабочихъ, не расходившихся до полученія рѣшительнаго извѣстія объ исходѣ катастрофы. Всѣ ждали, ждали... Но чего?

Извѣстія отъ о. Іоанна! Масса и не знала еще ничего объ о. Іоаннѣ, но инстинктивно ждала чуда изъ... Кронштадта...

Часа черезъ три во всемъ домѣ поднялась суматоха.

— Вздохнулъ, вздохнулъ!—слышались возгласы.

Дѣйствительно, больной слабо вздохнулъ и подалъ признакъ

еще неугасшей жизни. Взглянули на часы. Было безъ четверти 3 или, по петербургскому времени, 2 часа 15 минутъ. Докторъ и близкіе удвоили вниманіе и уходъ за больнымъ; минутъ черезъ десять послѣдовалъ еще вздохъ, но уже глубже и спокойнѣе. Къ вечеру умирающій открылъ глаза и на другой день сидѣлъ на постели.

Отъ отца Іоанна была получена депеша:

„Въ 2 часа 15 минутъ отслужилъ молебенъ".

Нечего и говорить о произведенномъ впечатлѣніи. Выздоровѣвшій З—въ славилъ Бога и въ память о. Іоанна устроилъ близъ своего пріиска богадѣльню для престарѣлыхъ рабочихъ и вдовъ. На другой годъ онъ нарочно поѣхалъ въ Кронштадтъ, чтобы лично благодарить о. Іоанна и помолиться съ нимъ въ храмѣ.

Вотъ еще нѣсколько разсказовъ.

Молодая супруга г. В—га, болѣя брюшнымъ тифомъ, лежала въ постели въ безсознательномъ состояніи. Врачи признали ея положеніе безнадежнымъ, съ минуты на минуту ожидая смертельнаго исхода. Мужъ бодрствовалъ рядомъ въ комнатѣ. Вдругъ онъ слышитъ, что его зоветъ жена.

Онъ идетъ на ея зовъ. Почти твердымъ голосомъ она говоритъ ему:

— Въ домѣ случилось что-то необыкновенное... поди, узнай...

Мужъ выходитъ на лѣстницу и видитъ ее сверху до низу наполненную народомъ. Оказывается, что отецъ Іоаннъ въ это время былъ въ одной изъ квартиръ того дома у больного. Узнавъ это, г. В. опрометью бросается въ ту квартиру, гдѣ былъ отецъ Іоаннъ, вбѣгаетъ по черной лѣстницѣ и, дождавшись его, проситъ пойти къ его больной женѣ. Отецъ Іоаннъ съ обычною привѣтливостью соглашается и идетъ въ квартиру г. В. Войдя туда, онъ прямо направляется въ комнату больной, точно онъ раньше нѣсколько разъ бывалъ въ этой квартирѣ. Больная встрѣчаетъ его безъ удивленія, будто такъ и должно было случиться, но съ какимъ-то необычайнымъ благоговѣніемъ, какъ она сама впослѣдствіи говорила: вдругъ въ ней что-то загорѣлось. Отецъ Іоаннъ подошелъ къ ней и, послѣ нѣсколькихъ словъ утѣшенія и ободренія, говоритъ:

— Ну, что же? Помолимся Богу, привстаньте...

Не встававшая съ подушки нѣсколько недѣль, больная приподнялась на постели. Отецъ Іоаннъ, положивъ ей руку на голову, началъ молиться. Въ порывѣ вѣры и благоговѣйнаго умиленія, больная встала на колѣни въ постели, руки ея, до тѣхъ поръ лишенныя движенія, свободно сложились на груди... Лицо ея горѣло... слезы лились градомъ. Отецъ Іоаннъ, благословивъ ее, далъ нѣсколько наставленій въ томъ, какъ истинный христіанинъ долженъ вѣровать и надѣяться на Бога. Больная послѣ молитвы почувствовала себя бодрою и, какъ хозяйка, обратилась къ отцу Іоанну съ вопросомъ, не хочетъ ли онъ подкрѣпиться. И вотъ добрый пастырь говоритъ:

— Если рюмочку вина дадите, поблагодарю васъ: очень ужъ я ослабъ и утомился... но только, по русскому обычаю, хозяйка сама должна подать гостю вино.

Услышавъ это, больная приподнялась съ постели, опустила ноги на полъ, близкіе накинули на нее платье, и она твердыми шагами направилась въ столовую къ буфету, достала вино и подала благодатному гостю. Отпивъ нѣсколько глотковъ и благословивъ больную и семью, отецъ Іоаннъ направился къ выходу. Какъ разсказывала сама больная, въ ней въ тотъ моментъ закипѣли два чувства: благодарность къ Богу и желаніе жить. Будетъ ли она жить? хотѣлось ей спросить у отца Іоанна, но она не смѣла. Какъ бы читая въ душѣ ея этотъ вопросъ, отецъ Іоаннъ почти въ дверяхъ оборачивается и говоритъ ей:

— Богъ поможетъ—поправитесь. Вѣрьте—все въ Его силѣ.

Черезъ нѣсколько дней она совершенно выздоровѣла. Врачи, разумѣется, назвали это кризисомъ и т. д., признавъ совершившійся фактъ дѣломъ случая. Нельзя не прибавить, что супругъ больной—лютеранинъ, а сама она—православная.

Сынъ одного весьма состоятельнаго купца, нѣсколько лѣтъ тому назадъ получивъ исцѣленіе отъ опасной болѣзни молитвами отца Іоанна, выразилъ желаніе поступить въ монашество, но не могъ привести въ исполненіе этого намѣренія по несогласію отца. Спустя нѣсколько времени, отецъ его умеръ вскорѣ послѣ того, какъ сынъ былъ помолвленъ съ искренно любимой дѣвушкой. Почти тотчасъ же вслѣдъ за смертію отца, послѣ котораго молодому человѣку, кромѣ торговли, осталось нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, заболѣла и затѣмъ скончалась его невѣста. Ка-

тастрофа эта до такой степени повліяла на молодого человѣка, что онъ, ликвидировавъ свои дѣла, рѣшился, употребивъ часть оставшагося ему наслѣдства на благотворительныя цѣли, вступить въ число книгоношъ „Общества распространенія св. писанія въ Россіи".

Въ 1887 году, въ іюлѣ мѣсяцѣ, отецъ Іоаннъ былъ приглашенъ каретнымъ извозопромышленникомъ С—вымъ, больной женѣ котораго предстояла сложная и крайне опасная операція. Исповѣдавъ и пріобщивъ больную Св. Таинъ, уважаемый пастырь посовѣтовалъ ей не уклоняться отъ операціи, которая и была вскорѣ послѣ того совершена докторомъ Байковымъ. Результаты операціи, по словамъ свѣдущихъ и близкихъ къ больной лицъ, оказались самые благопріятные, такъ что въ непродолжительномъ времени больная выздоровѣла.

Подобный же случай произошелъ съ сестрою извѣстнаго поэта, нынѣ умершаго, В. Г. Беве—овой, проживающей на Петербургской сторонѣ, по Большой Пушкарской улицѣ, близъ церкви Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы. В. Г. въ началѣ Великаго поста 1888 года занемогла острымъ ревматизмомъ, который потомъ осложнился воспаленіемъ легкихъ. Нужно замѣтить, что В. Г. уже довольно преклонныхъ лѣтъ, т. е. въ томъ возрастѣ, когда воспаленіе легкихъ крайне опасно и въ большинствѣ случаевъ смертельно. Врачи признали ея положеніе безнадежнымъ. Больная не могла двинуть ни однимъ членомъ. Тогда она рѣшилась пригласить отца Іоанна. Послѣдній, пріѣхавъ, съ первыхъ словъ предложилъ ей пріобщиться Св. Таинъ, на что В. Г. сейчасъ же охотно согласилась, хотя родные ея отчасти противились этому.

— Соединись съ Господомъ,—сказалъ почтенный пастырь,— и Господь возставитъ васъ.

— Гдѣ ужъ мнѣ поправиться, батюшка, я стара... Дай Богъ хоть умереть спокойно,—былъ отвѣтъ больной.

— Сестра о Христѣ! —возразилъ отецъ Іоаннъ: —не наше дѣло знать времена или сроки, которые *Отецъ положилъ въ Своей власти*, отвѣчу я тебѣ словами апостола. Соединись со Христомъ, и во власти Его все возможно.

Съ этими словами отецъ Іоаннъ снялъ дароносицу и, поставивъ ее на столъ, приготовленный для молитвы, сказалъ, указывая на нее:

— Вотъ, въ этой дароносицѣ—Пречистое Тѣло и Кровь Христовы, а подъ видомъ ихъ, Онъ Самъ, Всеблагій, вошелъ въ твой домъ. Вѣруй, чрезъ сердечное покаяніе соединись съ Нимъ, вѣра твоя спасетъ тебя. Не смотри на года. Онъ и дочь Іаира умершую воскресилъ, какъ же тебя, болящую, возставить не можетъ?

Проговоривъ это, отецъ Іоаннъ сталъ передъ образомъ на колѣни и началъ горячо молиться, послѣ чего исповѣдалъ и пріобщилъ больную.

Потомъ онъ упрекнулъ окружающихъ, зачѣмъ ея раньше не пріобщили, и когда послѣдніе сказали: „она, батюшка, говѣла“, отецъ Іоаннъ возразилъ:

— Первые христіане пріобщались Св. Таинъ каждый день, а вы и больного пріобщить не хотите. Бѣжать Христа нехорошо.

Благословивъ всѣхъ, почтенный пастырь удалился.

На другой день больная почувствовала себя лучше, а черезъ нѣсколько дней, къ удивленію врачей, совершенно поправилась и чрезъ полторы недѣли могла ѣхать за городъ для окончательнаго возстановленія силъ.

Очень трогательное впечатлѣніе на обширномъ собраніи произвели на присутствующихъ слѣдующіе два случая. Одинъ изъ пріѣзжихъ издалека обратился къ отцу Іоанну съ слѣдующими словами:

— Батюшка, благословите! Я нарочно пріѣхалъ сюда вчера изъ Одессы, чтобы лично поблагодарить васъ за спасеніе моей жены. Ухаживая за больными тифомъ дѣтьми, она сама сильно зоболѣла; доктора нашли ее безнадежною, и мнѣ предстояла тяжелая утрата, но я уповалъ на Бога и рѣшился обратиться къ вамъ телеграммою, прося святыхъ молитвъ вашихъ за больную жену и мать. Вы помолились, дорогой батюшка, и въ ту же ночь явились во снѣ больной женѣ моей и приказали, чтобы кто-нибудь простеръ надъ нею свои руки; когда она проснулась и разсказала объ этомъ сидѣвшей около нея женщинѣ, та исполнила ваше приказаніе. Больная крѣпко заснула, а на слѣдующій день встала какъ ни въ чемъ не бывало и снова начала ухаживать за поправлявшимися дѣтьми.

Въ то же время одною изъ присутствующихъ дамъ, рыдая, былъ разсказанъ еще одинъ случай исцѣленія безнадежно больной дочери ея.

— Дочь моя опасно заболѣла; лучшіе петербургскіе доктора были приглашены мною для лѣченія ея, но все было напрасно: силы ея ослабѣвали съ каждымъ часомъ все болѣе и болѣе; я созвала консиліумъ и узнала роковой приговоръ, что дочь моя должна умереть. Я отчаивалась, не знала на что рѣшиться, но Господь умудрилъ меня обратиться къ вамъ, дорогой батюшка. Вы были такъ милостивы ко мнѣ и къ моей дочери и не отказались пріѣхать; подойдя къ постели, съ которой больная долго не вставала, вы своею пастырскою рукою посадили ее и, благословивъ, приказали встать... Мы были всѣ поражены, когда дочь моя спросила вдругъ: „мама, позволь мнѣ встать, я чувствую себя отлично“, и, вставши, начала молиться вмѣстѣ съ нами Богу, благодаря и благословляя въ душѣ васъ, наш ъ дорогой наставникъ.

Мы видѣли десятки случаевъ, когда молитва о. Іоанна совершала даже чудеса, перерождала душу и сердце человѣка, совершала нравственный подъемъ упавшаго духа, исцѣляла тѣлесные недуги и т. д. Легкомысленно было бы думать, что всякій больной, обратившійся въ критическую минуту къ молитвѣ о. Іоанна, получалъ непремѣнно исцѣленіе. Тогда это была бы какая-то клиника, въ которую обращались бы всѣ „на случай“, какъ теперь обращаются къ барону Вревскому и разнымъ знахарямъ.

— Поможетъ — хорошо, а не поможетъ — все равно умирать надо: доктора отказались лѣчить.

Если мы знаемъ сотни случаевъ, когда молитва о. Іоанна спасала больныхъ и помогала умирающимъ, то мы знаемъ тоже тысячи случаевъ, когда къ нему писали и ѣздили „на авось“, но никакой помощи не получали.

— Молитесь, Господь поможетъ вамъ *по вѣрѣ вашей*, — говоритъ всегда о. Іоаннъ и въ этомъ смыслѣ молится самъ.

Очевидно, если къ молитвѣ обращаются „на случай“, какъ къ соломинкѣ, за которую хватается утопающій, то нечего и ждать отъ отца Іоанна какой-либо помощи, потому что онъ прежде всего человѣкъ искренно и глубоко вѣрующій, живущій по буквѣ и духу евангельскаго писанія.

Напротивъ, тѣ сравнительно немногіе, которые находили нравственное или физическое исцѣленіе у о. Іоанна, были всѣ безъ исключенія люди или набожные или проникшіеся въ ту минуту,

когда они говорили съ о. Іоанномъ, твердой и непоколебимой вѣрой въ возможность чудесной силы Божіей, ниспосылаемой по молитвѣ людей, сильныхъ вѣрою и благочестивой жизни. Правы они или нѣтъ, имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ Промысломъ Божіимъ или простою случайностью — оставимъ на совѣсти каждаго. Наша задача—правдиво передать только одни факты, не пытаясь давать имъ научнаго или каноническаго толкованія.

* * *

Случаи исцѣленія больныхъ о. Іоанномъ порождаютъ въ интеллигентныхъ классахъ не только сомнѣнія, но и прямые протесты.

— Здѣсь о. Іоаннъ не при чемъ,—пишетъ мнѣ одинъ капитанъ.—Спросите любого доктора, и онъ скажетъ вамъ, что сильнѣйшія нервныя потрясенія могутъ почти моментально разрушать человѣческій организмъ и также моментально совершать реакцію къ выздоровленію. Это не чудо, а простое физіологическое явленіе и напрасно такими разсказами о мнимыхъ чудесахъ морочить необразованныхъ читателей.

Вѣроятно, читателю приходилось не разъ слышать въ обществѣ подобныя же мнѣнія объ исцѣленіяхъ о. Іоанна, почему я и позволю себѣ остановиться на письмѣ моего корреспондента нѣсколько подробнѣе. Я замѣчу только, что я не высказывалъ раньше и не высказываю теперь личнаго своего мнѣнія объ исцѣленіяхъ о. Іоанна, во-первыхъ, потому, что мнѣніе мое никому, вѣроятно, не интересно, во-вторыхъ, оно не имѣетъ въ данномъ случаѣ никакого значенія, такъ какъ привожу *факты* и только констатирую извѣстныя явленія или событія, и, въ третьихъ, потому, что вовсе не считаю себя какимъ-либо авторитетомъ ни въ дѣлахъ вѣры ни медицины.

Никто, конечно, не станетъ возражать моему корреспонденту о дѣйствительности нервныхъ явленій. Это безспорно. Я знаю, напр., одного профессора, который лѣчитъ больныхъ и очень успѣшно самымъ простѣйшимъ способомъ. Приходитъ къ нему больной, чуть ли не разслабленный, съ сильнѣйшимъ потрясеніемъ всей нервной системы.

— Ну, что у васъ?—спрашиваетъ профессоръ.

Больной разсказываетъ... Онъ страшно исхудалъ, боли во всемъ тѣлѣ, рука плохо владѣетъ.

— Э..э.. пустяки, — небрежно перебиваетъ профессоръ, — ну, покажите...

Осмотръ длится недолго.

— Ничего у васъ нѣтъ. Одни пустяки. Черезъ недѣлю молодцомъ будете; вотъ вамъ лѣкарство...

Ободренный больной точно воскресаетъ, сразу чувствуетъ себя лучше и скоро совсѣмъ выздоравливаетъ.

Точно такъ же я неоднократно видѣлъ, какъ гипнотизеръ Фельдманъ бралъ тяжело больныхъ изъ госпиталей и приказывалъ имъ моментально выздоровѣть; тѣ вставали и ходили здоровыми...

Всѣ мы знаемъ, что ни профессоръ ни Фельдманъ не дѣлали *чудесъ;* хотя явленія эти и не находятъ себѣ въ наукѣ яснаго объясненія, какъ равно и всякое лѣкарство, помогающее одному и не оказывающее на другого ни малѣйшаго вліянія, составляетъ явленіе непонятное, но оно не *чудо.* Я готовъ даже допустить, что половина больныхъ, исцѣленныхъ о. Іоанномъ, получила бы точно такое же исцѣленіе у того профессора или Фельдмана безъ всякихъ молитвъ или вѣры. Не надо забывать, что сама жизнь наша и 99 изъ 100 медицинскихъ явленій составляютъ *тайну,* которую люди науки стараются объяснить гадательными теоріями, а простой народъ—„волей Божіей"... Не странно ли въ самомъ дѣлѣ: лежитъ передъ нами человѣкъ; все, что мы у этого человѣка *видѣли,* осталось налицо и все, что *можно* видѣть при вскрытіи—тоже налицо, а что-то *невидимое* исчезло, и человѣкъ превратился въ разлагающійся трупъ! Докторъ скажетъ, что человѣкъ умеръ отъ апоплексіи, рака, дифтерита, а мужичокъ опредѣлитъ: „Богъ смерть послалъ", но по существу для тайны жизни оба сказали то же самое.

* * *

Закончу эту главу словами о. Іоанна:

„Подлинно, Самъ Богъ указываетъ наивѣрнѣйшій путь въ царствіе небесное, когда посылаетъ продолжительныя болѣзни избранникамъ Своимъ. Болѣзни очень спасительны для насъ въ нашемъ состояніи. Никогда мы не можемъ такъ легко избѣжать многихъ грѣховъ, какъ въ болѣзни. Какіе грѣхи всего болѣе безпокоятъ насъ? Самолюбіе, своекорыстіе, сладострастіе, чревоугодіе. Но скажите: чѣмъ будетъ гордиться больной? Не смиренное ли со-

знаніе своихъ немощей, не надежда ли на Единаго Бога, помощника слабыхъ и немощныхъ, всего приличнѣе ему въ его положенія? Чревоугодіе, сладострастіе? Но не замираютъ ли они совсѣмъ въ больномъ и разстроенномъ организмѣ страдальца? Возьмемъ человѣка, страждущаго лишеніемъ зрѣнія. Великое несчастіе! Но при этомъ несчастія не обладаетъ ли онъ нѣкоторою долею счастія? Не можетъ ли онъ считать себя вполнѣ свободнымъ отъ грѣховъ неосторожнаго воззрѣнія на предметы соблазнительные, порождающіе въ душѣ зрителя или зависть или похоть вредную? А страждущій лишеніемъ слуха отъ скольких грѣховъ дѣлается свободнымъ именно потому, что онъ не имѣетъ возможности слышать многое такое, что возмущаетъ духъ, оскверняетъ умъ и сердце. Да, если когда, то въ болѣзни всего менѣе у насъ возможности ко грѣху, въ болѣзни всего болѣе средствъ убѣгать его.

Дневникъ о. Іоанна кронштадтскаго.

Въ журналѣ „Русскій Паломникъ" печатается въ высшей степени интересный „Дневникъ о. Іоанна", изъ котораго я позволю себѣ привести нѣсколько выдержекъ, рекомендуя читателямъ обратиться къ подлиннику.

Вотъ какъ опредѣляетъ самъ о. Іоаннъ значеніе и характеръ „Дневника":

„Сила Моя въ немощи совершается, говоритъ Господь, и гдѣ умножился грѣхъ, тамъ преизбыточествуетъ благодать, говоритъ великій апостолъ. Эта сила и эта благодать Господня и во мнѣ, немощномъ и грѣшномъ, воспреизбыточествовали во всѣ дни жизни моей, съ ранней юности до настоящихъ дней, и проявлялись осязательно въ чудномъ озареніи души моей свѣтомъ покаянія и молитвы, въ умиленіи сердца и чистыхъ, горячихъ, животворныхъ и сладкихъ слезахъ, скверну сердца очищающихъ. Я старался всегда совершать домашнее и общественное богослуженіе съ яснымъ и глубокимъ пониманіемъ его смысла, съ сильнымъ и

горячимъ чувствомъ, съ миромъ въ душѣ. Но есть сильные враги молитвы: это, во-первыхъ, наши страсти житейскія и начальства и власти тьмы, духи злобы поднебесной, о коихъ апостолъ говоритъ въ своемъ посланіи: „наша брань не съ плотію и кровію, но съ начальствами и властями тьмы, съ духами злобы поднебесными". Съ этими всезлобными врагами молитвы, всякой правды мнѣ и приходилось вести неравную, упорную и жестокую борьбу на животъ и на смерть съ самаго начала моего священническаго служенія, потому что священникъ, по самому сану своему и званію, есть Божій ратоборецъ, облеченный во всеоружіе Божіе для непрестанной, невидимой брани съ невидимыми легіонами злыхъ духовъ, нападающихъ рано и поздно на оружника Христовой вѣры съ пламенными стрѣлами злобы своей, съ тонкостію, хитростію, быстротою и силою многовѣковой своей падшей духовной сильной природы. Но такъ какъ священникъ есть также падшій, грѣшный, многострастный, легкоуязвимый съ разныхъ сторонъ своей внутренней жизни и въ этомъ заключается слабая его сторона или слабыя его стороны при веденіи духовной борьбы съ міродержателями тьмы вѣка сего, то я съ самаго начала моего священнослуженія долженъ былъ усиленно молиться Господу силъ, какъ и теперь молюсь, да научитъ Онъ, Всеблагій, руки мои на ополченіе и персты мои на брань невидимую, упорную, ожесточенную брань. И я не оставленъ безпомощнымъ въ этой спасительной брани: я возводилъ очи мои, полныя слезъ, къ небу, откуда всегда приходила мнѣ помощь хоть часто не вдругъ и не скоро, по причинѣ бывшей неопытности въ искушеніяхъ на молитвѣ. При непрестанныхъ внутреннихъ искушеніяхъ я долженъ былъ постоянно обращать душевное око мое внутрь себя, чтобы усматривать нападенія невидимыхъ враговъ, и такимъ образомъ пріучилъ себя почти къ непрестанному духовному созерцанію и тайной молитвѣ и всегдашнему благодаренію Господа за ниспосылаемую мнѣ помощь въ духовной войнѣ; ибо съ помощію Божіею я всегда, въ концѣ-концовъ, выходилъ побѣдителемъ изъ нея, хотя при началѣ моего служенія бывалъ часто побѣждаемъ коварствомъ и хитростію безплотныхъ враговъ. При такомъ характерѣ моей внутренней жизни Господь сподоблялъ меня часто чудныхъ внутреннихъ озареній и свѣтлыхъ мыслей касательно молитвы вообще и разныхъ предметовъ вѣры и жизни христіан-

ской, и я старался не пропускать ихъ безъ особеннаго вниманія и записывалъ ихъ въ свой дневникъ. Такимъ образомъ составилось въ теченіе тридцати-пяти лѣтъ много рукописныхъ замѣтокъ моихъ объ этихъ предметахъ, которыя я осмѣливаюсь предложить, въ извлеченіи, вниманію почтеной публики. Это—самыя бѣглыя, летучія замѣтки, писанныя на всякомъ мѣстѣ то карандашомъ, то чернилами. Прошу не взыскать за то, что было писано для себя, а не напоказъ кому-либо".

Священникъ—слуга Божій, вооруженный Его властію и силою (въ покаяніи); сила крестная священническое благословеніе.

Молитва всегдашняя, потому что всегда грѣшимъ; благодареніе всегдашнее, потому что ежедневно, ежеминутно получаемъ новыя милости Божіи, а и старыхъ безъ числа много; славословіе всегдашнее, потому что всегда видимъ славу дѣлъ Бога нашего въ насъ и въ мірѣ, особенно славу Его безконечной любви къ намъ.

Сначала исправь свою жизнь, а потомъ приступай къ Св. Дарамъ...

Гдѣ нѣтъ тайнъ? Человѣкъ самъ для себя—и въ своей душѣ и въ своемъ тѣлѣ—есть тайна. Есть безчисленное множество тайнъ и въ окружающей насъ природѣ: человѣкъ такъ мало знаетъ въ сравненіи съ тѣмъ, чего еще не знаетъ,—несмотря на успѣхи современныхъ естественныхъ наукъ, — что каждый изъ насъ долженъ смиренно сознаться вмѣстѣ съ однимъ изъ древнихъ мудрецовъ въ томъ, что мы знаемъ лишь только то, что ничего не знаемъ.

Отчего міръ гонитъ истинную вѣру, благочестіе, правду, которыя столь благотворны для людей, внося въ разрозненныя общества человѣческія единство, взаимную любовь, добрые нравы, миръ, порядокъ? Оттого, что *міръ весь во злѣ лежитъ* (Іоан. 5, 19), люди *возлюбили злобу паче благостыни* (Псал. 51, 5), и князь міра сего, діаволъ, дѣйствующій въ сынахъ противленія, ненавидитъ правду адскою ненавистью и гонитъ ее, такъ какъ она служитъ обличеніемъ неправды, колетъ ей глаза, стѣсняетъ ее.

Мы видимъ, что современный человѣкъ упалъ крайне глубоко, весь погрузился въ чувственность, связалъ всего себя житейскими страстями и чувственными удовольствіями, извратилъ порядокъ жизни, указанный Творцомъ, и, такимъ образомъ, не только не слѣдуетъ Божественному плану спасенія нашего, но, насколько этотъ планъ касается его, разрушаетъ оный. Посмотрите со вниманіемъ на жизнь современнаго человѣка, какъ она неестественна, какъ нехристіански препровождается. Посмотрите, какъ онъ извратилъ самыя наслажденія чувственныя! Для обонянія и вкуса и отчасти для самаго дыханія онъ изобрѣлъ и воскуряетъ острый, пахучій дымъ, принося это, какъ бы постоянное кадило, демону, живущему во плоти, заражаетъ этимъ дымомъ воздухъ жилища своего и воздухъ внѣшній. Чрево стало идоломъ: постовъ многіе совсѣмъ не держатъ, считая ихъ тягостными; пированіе и пьянство сдѣлались явленіями постоянными; деньги стали положительно кумиромъ, и для легкаго пріобрѣтенія ихъ люди не пренебрегаютъ никакими средствами, какъ бы они ни были неблагородно-нечестны; всѣ помыслы, работы, забавы, въ томъ числѣ и игры, — словомъ, удовольствія, искательства, намѣренія, предпріятія, даже ученія направлены къ землѣ; о небѣ, о небесномъ званіи, о небесномъ ученіи и житіи во многихъ домахъ нѣтъ и помину. Человѣкъ-христіанинъ, гдѣ ты? Какъ ты глубоко ниспалъ? Въ какую ты тьму зашелъ самъ добровольно?

Все вещественное, мы видимъ, тлѣетъ, начиная съ пищи и одежды; грѣхи также, всѣ замѣчаемъ, растлѣваютъ душу и тѣло. Это должно возродить въ насъ надежду нетлѣннаго, непреходящаго. Вы, сладкопитающіеся, вы, тщеславящіеся одеждою, домами, богатствомъ,—что вы дѣлаете?

На молитвѣ надо всего болѣе стараться о горячности духа, о горячности и искренности раскаянія во грѣхахъ. Ананія, Азарія и Мисаилъ, пророкъ Даніилъ (предъ явленіемъ архангела). Благоразумный разбойникъ.

У людей, мало молящихся, слабо сердце: и вотъ, когда они хотятъ молиться, сердце ихъ разслабляется и разслабляетъ ихъ руки, тѣло и мысли, и трудно имъ молиться. Надо преодолѣть

себя: постараться молиться всѣмъ сердцемъ, потому что хорошо, легко молиться всѣмъ сердцемъ.

Діаволъ постоянно въ сердцахъ нашихъ лжетъ на Бога, особенно на его вездѣприсутствіе: забы Богъ, отврати лице Свое; на правосудіе: не взыщетъ; на бытіе: нѣсть Богъ.

Молитвою часто называютъ то, что вовсе не есть молитва,— сходилъ въ церковь, постоялъ, посмотрѣлъ на иконы или, прежде, на людей, на ихъ лица, наряды, говоритъ: помолился Богу; постоялъ дома предъ иконою, покивалъ головою, проговорилъ заученныя слова безъ пониманія и сочувствія, говоритъ: помолился Богу, хотя мыслями и сердцемъ вовсе не молился, а былъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ съ другими лицами и вещами, а не съ Богомъ.

Пріидите же, подобные мнѣ, грѣшники, ко Христу Спасителю съ вѣрою и покаяніемъ нелицемѣрнымъ, и Онъ дастъ вамъ миръ. Я самъ подвергался и подвергаюсь многократному, разрушительному и смертоносному мятежу страстей: и всякій разъ, чрезъ сердечное покаяніе, получалъ отъ Господа избавленіе. Кайтесь же, кайтесь, грѣшники и грѣшницы! Позаботимся же о стяжаніи святости, какъ говорилъ Самъ Господь: „Святи будете, якоже Азъ святъ есмь Господь Богъ вашъ"... Кайтесь, кайтесь!

Доселѣ я жилъ Богомъ (мыслилъ, чувствовалъ, питался). И впредь буду жить Имъ же. Всякое безпокойное попеченіе отлагаю и полагаюсь на надежду мою, на дыханіе мое—Христа.

Молитва — вода живая, которою душа утоляетъ свою жажду. Когда молишься, тогда представляй, что какъ бы Единъ только и былъ предъ тобою Богъ, Троичный въ Лицахъ, и кромѣ Его ничего не было. Представь, что Богъ въ мірѣ, какъ душа въ тѣлѣ, хотя и безконечно выше его и не ограничивается Имъ;— твое тѣло мало, и все его проникаетъ малая душа твоя, но міръ великъ, Богъ безконечно великъ, и по всему творенію Богъ все наполняетъ,—вездѣ Сый и вся исполняяй.

Что тебѣ за польза отъ лакомой пищи и напитковъ, какъ тебѣ не стыдно обременять себя ими? Зачѣмъ ты отдаешь себя во власть чувственности? Или тебѣ это пріятно? Смотри: мнимая сладость твоихъ удовольствій есть опасная приманка плоти. Бойся этой приманки; если хочешь быть съ Богомъ, если хочешь быть вѣчно благополучнымъ, то ты долженъ согласиться, что тебѣ надобно попоститься душою своею, собрать свой умъ, помышленія исправить, мысли очистить, вмѣсто рубища дѣлъ неправедныхъ украсить себя драгоцѣнною одеждою добрыхъ дѣлъ. Тѣлесный постъ установленъ для того, чтобы легче было поститься душѣ.

Весьма многіе приходятъ на духъ съ совершеннымъ равнодушіемъ и, если бы у нихъ не спросили ничего, то они ничего бы не сказали или сказали только вообще, что-де грѣшенъ, отецъ духовный, во всѣхъ грѣхахъ. И если бы еще это сказали съ сердечнымъ сознаніемъ своей вины, — нѣтъ, то и горе, что безъ сознанія грѣховъ своихъ, а такъ — чтобы скорѣе кончить дѣло. Возлюбленные! не будемъ дѣло крайняго милосердія Божія къ намъ грѣшнымъ обращать въ поводъ къ гнѣву Божію. Что мы за безчувственные такіе! Намъ ли не о чемъ поскорбѣть на исповѣди! мало ли у насъ грѣховъ: если бы мы и всю жизнь свою стали плакать о грѣхахъ своихъ, — и тогда бы не сдѣлали ничего лишняго, а только должное.

Въ самыя скорбныя, безотрадныя минуты Господь съ нами. „Съ нимъ есмь въ скорби“. А мы думаемъ, что нѣтъ, что Богъ оставилъ насъ. О, несказанная держава Бога нашего надъ сердцами нашими! Мать не можетъ совершенно привлечь нашего сердца въ любовь свою, а Господь привлекаетъ тайнами и молитвою.

Врагъ ежедневно сильно гонитъ мою вѣру, надежду и любовь. Гонятъ тебя, моя вѣра! Гонятъ тебя, моя надежда! Гонятъ тебя, моя любовь! Терпи, вѣра, терпи, надежда, терпи, любовь! Мужайся, вѣра, мужайся, надежда, мужайся, любовь! — Богъ вашъ поборникъ! — Не ослабѣвай, вѣра, не ослабѣвай, надежда, не ослабѣвай, любовь!

Не душа ли больше есть пищи? Ахъ, неизмѣримо, безконечно больше! Въ душѣ сіяетъ образъ Бога невидимаго, Творца всего. Не только чего-либо вещественнаго, но души своей, жизни своей я не долженъ щадить для пользы брата, вещественной или тѣлесной, особенно же духовной. Служа съ любовію пользамъ брата, я служу Самому Богу. О! я чувствую сердцемъ высокую, великую истину: „Понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе“. Почему такъ? — Потому, во-первыхъ, что всякій человѣкъ есть образъ Божій, и, во-вторыхъ, потому, что Іисусъ Христосъ есть Богъ и вмѣстѣ человѣкъ и Глава тѣла Церкви Своей, такъ что мы составляемъ уди Его, отъ плоти Его и отъ костей Его, то-есть мы—члены Христовы.

Каждому, истинно нуждающемуся, должно оказывать милость. Но при этомъ должно помогать не по тщеславію и самолюбію, не изъ желанія благодарности и вознагражденія, но безкорыстно, изъ угожденія Богу и изъ любви къ ближнему. Милостыня, зараженная болѣзнію тщеславія, не есть уже дѣло милосердія. Итакъ если кто даетъ не съ расположеніемъ усердія, тотъ лучше не давай.

Любовь — Богъ. Если любишь, Богъ въ тебѣ пребываетъ, и ты въ Богѣ. Злоба—діаволъ. На мгновеніе озлобишься на ближняго—и бѣсъ въ тебѣ, зайдетъ иголкой и постарается сдѣлаться въ тебѣ горой, — такъ онъ расширяется, и такъ онъ тяжелъ! Итакъ люби постоянно Бога и ближняго. Не допускай до сердца своего злобы ни на мгновеніе, считая ее бѣсовскою мечтою. — Аминь.

Какъ комнатный воздухъ имѣетъ тождество съ внѣшнимъ и отъ него происходитъ, какъ онъ необходимо предполагаетъ наружный, всюду разлитый воздухъ: такъ и душа наша — дыханіе Духа Божія — предполагаетъ существованіе Вездѣсущаго и вся исполняющаго Духа Божія. Параллель между храминами вещественными и храминами духовными.

Господь такъ милосердъ, что не гнушается никакою нашею молитвою, но милостиво пріемлетъ всякую и несовершенное исправ-

вляетъ, — только бы мы обращались къ Нему и совсѣмъ не забывали Его.

Надо умѣть господствовать надъ своимъ сердцемъ въ минуту оскорбленія, подавлять въ себѣ гнѣвъ и неудовольствіе въ самомъ началѣ. Укорилъ кто тебя? А ты благословляй. Билъ? А ты терпи. Презираетъ и за ни что почитаетъ онъ тебя? А ты приведи себѣ на мысль, что изъ земли ты составленъ и въ землю опять разрѣшишься. Кто ограждаетъ себя такими разсужденіями, тотъ найдетъ, что всякое безчестіе меньше дѣйствительности.

Душа наша потому называется душою, что она дышитъ Духомъ Божіимъ, т. е. она такъ называется отъ Духа Животворящаго.

Слава Тебѣ, Всесвятый, Животворящій Душе, отъ Отца исходяй и въ Сынѣ присно почиваяй, нераздѣльный отъ Отца и Сына! Слава Тебѣ, Сыне Божій, о Дусѣ Божіи изгонявый бѣсовъ и Имъ спасеніе наше строяй, освящаяй, умудряяй, укрѣпляяй насъ! Слава Тебѣ, Отче, благоволяй о насъ присно въ Сынѣ Духомъ Святымъ! Нераздѣльная Троице Единице,—помилуй насъ!

Слава Духу Божію, отъ Отца исходящему для оживленія всякой твари и исполняющему всю вселенную. Слава Ему, Животворящему ангеловъ и человѣковъ и всякую тварь. Слава Ему, Силѣ нашей, Святынѣ нашей. Слава Ему, Соприсносущному Отцу и Сыну.

Какое имя Богу нашему?—Любовь, Благость, Человѣколюбіе, Щедроты. Когда молишься, зри сердечными очами, что предъ тобою стоитъ Любовь и Благость, что тебѣ внимаетъ Человѣколюбецъ.

„Ты бо реклъ еси Господи: хотѣніемъ не хощу смерти грѣшника, но яко еже обратитися, и живу быти ему; и яко семьдесятъ седмирицею оставляти грѣхи“...

Господи! даруй мнѣ сердце простое, незлобивое, открытое, вѣрующее, любящее, щедрое.

Забуду ли я Тебя, Господи, Невидимый, Непостижимый, Господи, исполняющій присно сердце мое жизнію, свѣтомъ, миромъ, радостію, силою, терпѣніемъ, Тебя, Который бываешь для меня всякимъ благомъ въ моей жизни и Единъ составляешь жизнь мою?—О! не дай мнѣ забыть Тебя!

Не все ли Я для тебя, Я Отецъ, и Сынъ, и Святый Духъ— Богъ твой, животъ твой, покой твой, радость и блаженство твое? Твое богатство, твоя пища и питіе, твое одѣяніе и все твое? — Къ чему же ты прилѣпляешься? Къ праху ли? Чего ты жалѣешь для Меня въ лицѣ ближняго? Праха ли? Для Меня ли, все сотворившаго, для Меня ли, Который могу землю и камни претворить въ хлѣбы, воду источить изъ камня?—Будь всегда со Мною и во Мнѣ, и будешь всегда спокоенъ и веселъ.—Пострадало ли когда твое упованіе на Меня? Не всегда ли Я успокоивалъ и ожитворялъ тебя?

„Господи Іисусе Христе, Сыне Бога живаго, пастырю и агнче, вземлай грѣхъ міра, иже заимованія даровавый двѣма должникома и грѣшницѣ давый оставленіе грѣховъ ея; Самъ, Владыко, ослаби, остави, прости грѣхи“...

Господи Іисусе Христе Боже нашъ, — иже нашего ради спасенія изволивый плоть носити, да прославивши чудно словесное естество, неизреченнымъ Твоимъ благоутробіемъ и благостью и иже во истинномъ познаніи обращающіеся изъ глубины грѣховныя, простити обѣщаяй...

Благій Человѣколюбче, иже тварь единымъ словомъ содѣлавый и изъ нея человѣка создавый, послѣди же сего неизреченнымъ Твоимъ человѣколюбіемъ падшаго сего и раба грѣху бывша воспріемый и освѣтивый, яко да не погибнетъ до конца дѣло руку Твоею, давый же сему и Своя спасительныя заповѣди въ память Твоего пришествія и Твоихъ повелѣній, и Божественнаго вочеловѣченія...

Господи! имя Тебѣ — Любовь: не отвергни меня, заблуждающаго человѣка. Имя Тебѣ—Сила: подкрѣпи меня, изнемогающаго и падающаго. Имя Тебѣ—Свѣтъ: просвѣти мою душу, омрачен-

ную житейскими страстьми. Имя Тебѣ—Миръ; умири мятущуюся душу мою. Имя Тебѣ—Милость: не преставай миловать меня.

Я молюсь иногда въ церкви о людяхъ Божіихъ такъ: Вотъ, многіе изъ предстоящихъ въ храмѣ Твоемъ стоятъ праздны душами своими, какъ сосуды праздные, и о чесомъ помолиться, якоже подобаетъ, не вѣдятъ; исполни Ты ихъ сердца нынѣ, въ это время для нихъ благопріятное, въ этотъ день спасенія, благодатію Всесвятаго Духа Твоего, и даруй ихъ мнѣ, молитвѣ моей, любви моей, исполненныхъ познаніемъ благостыни Твоей и сокрушенія и умиленія сердечнаго, какъ наполненные сосуды; даруй имъ Духа Святаго Твоего, ходатайствующаго въ нихъ воздыханіи неизглаголанными. Я самъ, пастырь, грѣшенъ и нечистъ паче всякаго человѣка, но не призри на грѣхи мои, Владыко, а призри ихъ по великой милости Твоей, и молитву мою, ради благодати священства, на мнѣ лежащей и во мнѣ пребывающей, услыши въ часъ сей; да не будетъ во мнѣ, Господи, праздна благодать священства, но да горитъ она во мнѣ всегда вѣрою, надеждою, любовію и сыновнимъ дерзновеніемъ молитвы о людяхъ Твоихъ.

Владыко! слезную молитву мою о духовныхъ чадахъ моихъ и всѣхъ благоугождающихъ Тебѣ христіанахъ православныхъ пріими за самое попеченіе мое объ ихъ спасеніи, за мою заботу пастырскую! Будь, по молитвѣ моей, Самъ Ты для нихъ и гласомъ, и трубою, пробуждающею отъ сна грѣховнаго, и окомъ, надзирающимъ за ихъ сердцами, и рукою, подкрѣпляющею ихъ на пути къ горнему отечеству и возстановляющею падающимъ отъ маловѣрія, малодушія и унынія, и любовію материнскою, которою скуденъ я, нѣжно заботящеюся о ихъ истинномъ благѣ; буди имъ вся, да всяко нѣкія спасеши. Ты бо Единъ еси воистину Пастырь, самыя души человѣческія невидимо и сокровенно пасущій, Ты единый истинный и премудрый Учитель,—глаголящій въ самыя сердца людей Твоихъ; Ты еси единъ истинный Любитель Своихъ созданій и чадъ по благодати; у Тебя и Премудрости и Всемогущества бездна. — Ты единъ присно Бодрый и Неусыпающій и въ самомъ снѣ насъ поучающій путямъ Твоимъ.— Буди убо Ты, Владыко, вмѣсто меня пастырь и учитель ввѣреннымъ отъ Тебя мнѣ овцамъ Твоимъ; Самъ води ихъ на пажити

злачныя; Самъ охраняй ихъ отъ волковъ духовныхъ и плотскихъ. Самъ направи ноги ихъ на путь истины, правды и мира. Буди вмѣсто меня для нихъ и свѣтомъ, и окомъ, и устами, и рукою, и премудростію, паче же всего любовію, ею же скуденъ азъ многогрѣшный.

Благотворительность о. Іоанна кронштадтскаго.

Намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть „плоды" любви о. Іоанна или благотворительную его дѣятельность за 35 лѣтъ. Эти плоды раздѣляются на помощь матеріальную и нравственную, при чемъ та и другая многообильны и весьма осязательны. Достаточно сказать, что о. Іоаннъ жертвуетъ *ежегодно* отъ 100 до 150 тысячъ рублей (точной цыфры не можетъ опредѣлить и самъ о. Іоаннъ) и причащаетъ, какъ мы видѣли, не менѣе 15—20 тысячъ человѣкъ въ годъ. Хотя эти цыфры довольно краснорѣчивы и говорятъ сами за себя, но, въ виду огромнаго общественнаго значенія благотворительности отца Іоанна, мы считаемъ не безынтереснымъ нѣсколько подробнѣе остановиться на этой сторонѣ дѣятельности почтеннаго пастыря.

Отецъ Іоаннъ отправляетъ въ теченіе долгаго 35-тилѣтняго періода, какъ я уже упомянулъ, всѣ священническія обязанности до законоучительства включительно наравнѣ со всѣми другими іереями; у него есть *свои* прихожане, требы и т. д., какъ и во всѣхъ другихъ церквахъ съ однимъ или нѣсколькими священниками; но та дѣятельность, о которой мы будемъ говорить ниже, выходитъ изъ предѣловъ „прихода" кронштадтскаго Андреевскаго собора, какъ вообще она выходитъ изъ предѣловъ *обязанностей* духовнаго отца и пастыря Церкви. Эта дѣятельность „внѣ-нормальная", если можно такъ выразиться, или „сверхъ-нормальная", и она-то даетъ о. Іоанну тотъ нравственный обликъ, который, подобно магниту, притягиваетъ къ себѣ сердца людей, заставляя ихъ искать скромнаго и ничѣмъ по внѣшнему виду или положенію не выдѣляющагося священника.

Въ своемъ мѣстѣ мы говорили о необыкновенной популяр-

ности о. Іоанна, представляющаго собою образецъ какъ добродѣтели, такъ и скромности чисто христіанской, и здѣсь мы хотимъ только протестовать противъ упрековъ нѣкоторыхъ скептиковъ, ставящихъ о. Іоанну чуть ли не въ вину его популярность. Мы можемъ засвидѣтельствовать, что у отца Іоанна Сергіева *постоянно* правая рука не знаетъ, что дѣлаетъ лѣвая. Онъ избѣгаетъ всякаго проявленія благодарности, прячется отъ разныхъ депутацій или демонстрацій и неоднократно, при видѣ встрѣчающей его тысячной толпы, онъ восклицалъ:

— Что мнѣ съ ними дѣлать? Научите, куда отъ нихъ укрыться...

Пробовалъ о. Іоаннъ просить своихъ почитателей съ церковной каѳедры держать себя скромнѣе и не устраивать ему тріумфовъ; при рѣдкихъ бесѣдахъ съ представителями печати онъ просто умолялъ не печатать о случаяхъ исцѣленія его молитвами и вообще не писать о его дѣятельности; наконецъ, придумывалъ онъ разные потаенные входы и выходы, но все напрасно! Чѣмъ больше избѣгалъ онъ огласки и популярности, тѣмъ больше его преслѣдовали, такъ что, махнувъ въ концѣ-концовъ на все рукою, онъ сдѣлался совершенно равнодушенъ ко всему окружающему и не замѣчаетъ, кажется, что происходитъ вокругъ. Затрутъ ли его толпой, онъ будетъ стоять и ждать, пока кто-нибудь не высвободитъ его или сами осаждающіе не сдѣлаются снисходительнѣе; встрѣчаютъ ли, провожаютъ ли его, онъ раскланивается, терпѣливо все выслушиваетъ, и какъ посторонній свидѣтель идетъ далѣе своею дорогою. За всѣ 35 лѣтъ священнослуженія отецъ Іоаннъ не только ни разу не вызвалъ какой-либо демонстраціи, но не далъ даже малѣйшаго повода заподозрить его въ желаніи стать предметомъ демонстративнаго чествованія. Мало того, когда онъ замѣчалъ только желаніе съ чьей-либо стороны эксплуатировать его популярность (а такихъ поползновеній было множество), онъ рѣзко и рѣшительно обрывалъ свои отношенія.

Мы говоримъ все это, чтобы поставить благотворительную дѣятельность кронштадтскаго пастыря въ надлежащемъ видѣ. Человѣкъ, который самъ спрашиваетъ „Домъ Трудолюбія", сколько онъ ему прислалъ или пожертвовалъ тогда-то; который, получая одной рукой запечатанный пакетъ съ деньгами, тутъ же передаетъ его просящему, не распечатывая; наконецъ, который от-

даетъ неимущимъ *все*, что получаетъ съ имущихъ, а это „все“ равняется нерѣдко сотнямъ тысячъ рублей, такой человѣкъ не можетъ искать популярности просто потому, что она ему ни на что не нужна. Человѣкъ, который отказываетъ въ посѣщеніи предлагающему ему тысячу рублей, а идетъ въ подвалъ къ нищему, которому кромѣ посѣщенія надо еще дать изъ своего кармана помощь матеріальную, не можетъ быть заподозрѣнъ въ какой-нибудь корысти... Здѣсь нѣтъ мѣста мелочнымъ цѣлямъ земного, тлѣннаго богатства.

О нравственной помощи пастыря мы говорили въ первыхъ главахъ нашего очерка. Мы видѣли десятки случаевъ, когда молитва о. Іоанна совершала даже чудеса, перерождала душу и сердце человѣка, совершала нравственный подъемъ упавшаго духа, исцѣляла тѣлесные недуги и т. д.

Перейдемъ теперь къ другой, не менѣе интересной и почтенной отрасли — благотворительной помощи о. Іоанна. Здѣсь уже двухъ мнѣній не можетъ быть.

Офиціальная благотворительная дѣятельность отца Іоанна сосредоточивается, главнымъ образомъ, на кронштадтскомъ „Домѣ Трудолюбія“ и частью на устроенномъ по тому же типу „Домѣ Трудолюбія“ въ С.-Петербургѣ.

Съ самаго вступленія своего на пастырское поприще, о. Іоаннъ сталъ заботиться объ улучшеніи быта бѣднѣйшей части населенія своего прихода и всего Кронштадта. Еще въ шестидесятыхъ годахъ онъ заговорилъ въ печати объ учрежденіи „Домовъ Трудолюбія“. Въ 1874 году, по его иниціативѣ, было учреждено при Андреевскомъ соборѣ приходское попечительство. „Церковное попечительство, — говорилъ о. Іоаннъ при его открытіи, — есть учрежденіе первыхъ христіанъ временъ апостольскихъ, которые, по братской любви, такъ заботились другъ о другѣ, что „не бяше нищъ ни единъ изъ нихъ“ (Дѣян. 4, 34). Оно особенно необходимо у насъ. Дай Богъ, чтобы оно было и у насъ въ такомъ же духѣ единомыслія и любви“.

Вскорѣ при церковно-приходскомъ попечительствѣ возникло замѣчательное благотворительное сооруженіе, въ основѣ котораго положены незыблемыя начала: „трудъ и любовь“. Благодаря поддержкѣ такихъ дѣятелей, какъ баронъ Буксгевденъ, генеральша Лапшина, докторъ Дворяшинъ и др., изъ „Дома Трудолюбія“

разрослось дерево, прикрывшее своими вѣтвями до двадцати городовъ Россіи, въ которыхъ теперь бѣдняки-труженики могутъ получить помощь не какъ подаяніе, а какъ плату за трудъ...

Мы имѣемъ отчеты за всѣ годы существованія кронштадтскаго „Дома Трудолюбія" и изъ нихъ особенно характерно видна основная черта всей дѣятельности о. Іоанна — поразительная скромность. Отецъ Іоаннъ не состоитъ въ правленіи „Дома" ни предсѣдателемъ ни почетнымъ управителемъ или распорядителемъ; всѣ почетныя званія и должности розданы другимъ, а между тѣмъ участіе этихъ „другихъ" и о. Іоанна выражается такими цыфрами: „другіе" 1½, много 2 тысячи рублей въ годъ вносятъ въ кассу общества, а отецъ Іоаннъ 50—60 тысячъ... Нужно выстроить флигель или зданіе для помѣщенія ночлежнаго пріюта, „другіе" составляютъ планы, смѣты, завѣдуютъ постройкой, а о. Іоаннъ въ сторонѣ... онъ даетъ деньги на постройку... только! И по просьбѣ самого о. Іоанна его имя почти не фигурируетъ въ отчетахъ; возьмите, напримѣръ, послѣдній отчетъ:

ДОХОДЫ:

Постоянныхъ доходовъ и пожертвованій	1943	р.	15 к.
% съ неприкосновеннаго капитала .	2377	„	74 „
Доходы изъ разныхъ источниковъ . .	6003	„	44 „
Временныя пожертвованія	46911	„	83 „
Итого . .	57236	р.	16 к.

Эти „разные источники" и „временныя пожертвованія" слагаются изъ суммъ:

Ежегодныя субсидіи:			
Субсидія, отпускаемыя по Высочайшему повелѣнію.	1000	р.	— к.
Отъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Александры Іосифовны	200	„	— „
Отъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Михаиловича	100	„	— „
Отъ Петергофской земской управы .	250	„	— „
Отъ разныхъ лицъ на попечительство	417	„	20 „

Отъ разныхъ лицъ на устройство лампады передъ образомъ Спасителя въ „Домѣ Трудолюбія" . .	35 р. — к.
Отъ разныхъ лицъ по завѣщанію . .	175 „ — „
Членскаго взноса отъ 103 человѣкъ	534 „ — „
Вынуто изъ кружекъ	975 „ 73 „

и т. д. А затѣмъ слѣдуютъ *скромныя* рубрики:

а) Пожертвованія протоіерея І. И. Сергіева:

На попечительство	41963 р. — к.
На постройку почлежнаго пріюта . .	2000 „ — „
Итого . .	43963 р. — к.

По изданію бесѣдъ проіерея І. И. Сергіева:

Получено отъ продажи бесѣдъ . . .	2042 р. 30 к.
Получено отъ продажи карточекъ . .	296 „ 10 „
Итого . .	2338 р. 40 к.

Итого 46,000 р. или 90% всѣхъ доходовъ!

И то же самое повторяется изъ года въ годъ. Располагая такими „временными" суммами, „Домъ Трудолюбія" успѣлъ скопить до 100,000 руб. запаснаго капитала, выстроилъ три большія зданія съ церковью и устроилъ пріютъ для призрѣнія нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Подъ общимъ наименованіемъ „Дома Трудолюбія" находятся въ Кронштадтѣ:

1) *Ночлежный пріютъ* на 300 мужчинъ и женщинъ, занимающій четыре этажа большого каменнаго зданія. За 3 коп. (неимущіе даромъ) бѣдняки получаютъ ночлегъ и утромъ кружку чая съ хлѣбомъ. Постели устроены въ видѣ наръ съ подушками изъ соломы. Первоначально предполагалось дать такіе же тюфяки, но расходъ вышелъ чрезмѣрный, потому что мѣнять тюфяки приходилось чуть не ежедневно. Зимою, когда морскія работы на судахъ прекращаются, въ Кронштадтѣ остается безъ крова много рабочаго люда и для нихъ этотъ ночлежный пріютъ единственное убѣжище.

2) *Женская мастерская* для дѣвочекъ и взрослыхъ дѣвушекъ, которыхъ обучаютъ шитью и даютъ заработокъ на швейныхъ машинахъ. Нѣсколько десятковъ бѣдныхъ труженицъ получаютъ

здѣсь кусокъ хлѣба, а неумѣющія—выучиваются шить подъ руководствомъ мастерицы.

3) *Переплетная мастерская*, дающая работу и профессіональное образованіе нѣсколькимъ бѣднякамъ, а также служащая практическимъ классомъ для мальчиковъ — питомцевъ школы „Дома Трудолюбія".

4) *Сапожная мастерская* — недавно устроенная, но давшая уже нѣсколько хорошихъ сапожниковъ.

5) *Народная столовая*, которая питаетъ бѣдняковъ (до 600 человѣкъ въ день) сытной и здоровой пищей за самую грошевую плату: чай 1 коп. стаканъ, супъ 2 к. порція и т. п.

6) *Богадѣльня* для женщинъ, гдѣ нашли пріютъ 14 бездомныхъ старицъ, изъ которыхъ младшей 63 года, а старшей 95 лѣтъ: онѣ получаютъ полное содержаніе и взяты о. Іоанномъ съ улицы *буквально*.

7) *Лѣчебница*, отпускающая лѣкарство и амбулаторную помощь нѣсколькимъ тысячамъ бѣдняковъ. Она занимаетъ двѣ, хорошо устроенныя, комнаты, имѣетъ аптеку и пр. Врачи дежурятъ даромъ.

8) *Народныя чтенія*, устраиваемыя въ громадномъ залѣ-аудиторіи по воскресеньямъ. Народу бываетъ всегда масса.

9) *Библіотека* даровая, съ читальнымъ заломъ, единственная въ Кронштадтѣ.

10) *Книжная лавка*, продающая по *своей цѣнѣ* полезныя изданія.

11) *Начальныя училища* для 150 дѣвочекъ и 200 мальчиковъ, съ тремя благоустроенными классами, прекрасными пособіями и проч. Обучаютъ *даромъ*.

12) *Дѣтская библіотека* для всѣхъ кронштадтскихъ дѣтей, единственная въ городѣ, если, впрочемъ, не единственная въ Россіи.

13) *Рисовальные классы* для всѣхъ желающихъ за 2 р. въ годъ.

14) *Дѣтскій пріютъ* для 100 круглыхъ сиротъ, получающихъ здѣсь *все*, не исключая и образованія.

15) *Убѣжище* денное для дѣтей, которыхъ родители оставляютъ здѣсь, отправляясь на работу.

16) *„Домъ Трудолюбія"* или мастерскія, гдѣ 300—400 человѣкъ, неспособныхъ ни къ какому труду, треплютъ пеньку, мо-

чалу, клеятъ картузы и т. п. За свой трудъ они получаютъ 15—20 коп., которыми уплачиваютъ за обѣдъ въ столовой и за ночлегъ въ пріютѣ.

17) *Помощь на дому:* пособія выдавались деньгами, одеждой, обувью, множество народу отправлялось на родину и т. п. и т. п. Подъ покровительствомъ этого отдѣла находились *круглый* годъ 2,877 человѣкъ.

Всѣ перечисленныя учрежденія занимаютъ нѣсколько собственныхъ домовъ, составляющихъ цѣлый городокъ; въ центрѣ главнаго флигеля—домовая церковь и народная аудиторія.

* * *

Составъ „дѣтей“ подвергается довольно часто видоизмѣненіямъ. Можно назвать нѣсколько десятковъ (а можетъ-быть и сотенъ) бѣдняковъ, которые, подъ вліяніемъ пастырства отца Іоанна и при его матеріальной поддержкѣ и помощи, сдѣлались теперь если не богатыми, то сравнительно достаточными тружениками; нѣкоторые получили хорошія мѣста, другіе сдѣлались торговцами, третьи покинули Кронштадтъ и Петербургъ, отправившись на заработки въ провинцію. Но прибывающихъ всегда больше выбывающихъ, почему численность „строя“ растетъ съ каждымъ годомъ. Конечно, въ массѣ есть люди порочные, есть и профессіональные нищіе, но можно утверждать, что хорошихъ больше, чѣмъ худыхъ, и несчастныхъ больше, чѣмъ порочныхъ, даже много больше. Отецъ Іоаннъ знаетъ про плевелы своей паствы, но никогда не выдѣляетъ ихъ, руководствуясь общимъ правиломъ: „просящему у тебя дай“. А если этотъ „просящій“ снесетъ подаяніе въ кабакъ — это дѣло его совѣсти, онъ за это отвѣчать будетъ.

* * *

Еще съ петровскихъ временъ въ Кронштадтѣ существуетъ, такъ называемая, „Матросская слобода“, служащая и понынѣ мѣстомъ жительства для высылаемыхъ изъ столицы административнымъ порядкомъ. Можно судить, что за люди населяютъ это предмѣстье Кронштадта, какое чувство омерзѣнія должно испытываться при посѣщеніи этого притона общественныхъ отбросковъ.

Ссыльные эти носятъ наименованіе „посадскихъ", и въ описываемое нами время городскіе жители много терпѣли отъ нихъ. Ночью не всегда безопасно было пройти по улицамъ города, рискуя подвергнуться нападенію и грабежу. Вотъ на этихъ-то нравственно погибшихъ людей и обратилъ свое вниманіе любвеобильный пастырь.

. . . .

Чуть загорѣлся востокъ... Съ моря потянуло прохладой... Спитъ еще Кронштадтъ, и только „посадская голь" начала вылѣзать изъ своихъ „щелей"—грязныхъ, вонючихъ угловъ, въ низенькихъ ветхихъ домишкахъ. — Боже! неужели здѣсь живутъ люди? — думалъ я, обходя въ первый разъ посадскія трущобы, точно вросшія въ землю. Оказалось, что не только живутъ, но живутъ плотнѣе и скученнѣе, чѣмъ, напримѣръ, въ богадѣльняхъ или казармахъ. Нары понадѣланы рядами, а мѣстами еще въ два этажа! Голыя доски, полутемная нетопленная изба, смрадная, нестерпимо-пахучая атмосфера—вотъ общіе признаки посадскихъ „щелей". Не стану описывать подробнѣе отвратительную обстановку кронштадтской нищеты, потому что въ ней нѣтъ ничего исключительнаго и особеннаго: такую же обстановку и бѣдность и если бѣдность, то непремѣнно анти-санитарную грязь можно встрѣтить вездѣ въ Россіи, и вездѣ, гдѣ нищета, тамъ и грязь, гдѣ бѣдность, тамъ и вонь; парадной, „нарядной" нищеты, какъ, напримѣръ, въ Германіи, у насъ нѣтъ. Хоть чистота въ сущности *ничего не стоитъ*, но у русскихъ она составляетъ исключительное достояніе богатыхъ...

Только что пробило 5 часовъ утра, какъ изъ убогихъ посадскихъ избушекъ начали выскакивать фигуры, мужскія и женскія, въ какихъ-то „маскарадныхъ" костюмахъ: кто въ кацавейкѣ и большихъ калошахъ, кто въ зипунѣ съ торчащими клоками ваты; на головѣ остовъ цилиндра, соломенная въ дырахъ шляпа и т. п. Всѣ торопятся, точно по дѣлу бѣгутъ...

— Не опоздать бы, не ушелъ бы...

Только это у всѣхъ и на умѣ, потому что если „опоздать" или „онъ" ушелъ — день голодовки и ночлегъ подъ открытымъ небомъ.

Конечно, этотъ „онъ" — отецъ Іоаннъ, „отецъ" и единственный печальникъ всей кронштадтской подзаборной нищеты... Безъ

7*

него половина „посадскихъ“, вѣроятно, давно извелась бы отъ холода и голода.

— Куда же вы такъ торопитесь?—спросилъ я одного оборванца, когда первый разъ знакомился съ „золотой ротой“ Кронштадта.

— Въ „строй“,—отвѣчалъ онъ.—Кто опоздаетъ къ раздачѣ—послѣ не получитъ...

Я пошелъ тоже за бѣжавшими...

На дворѣ было холодно и совсѣмъ еще темно; фонарей въ этихъ улицахъ въ Кронштадтѣ нѣтъ, такъ что ходить приходится почти ощупью. Мы прошли нѣсколько улицъ, пока на горизонтѣ обрисовался куполъ Андреевскаго собора.

— Гдѣ „строиться?“—спрашивали золоторотцы другъ друга...

— У батюшки, у батюшки... Онъ сегодня не служитъ въ соборѣ.

Когда я подошелъ къ дому, въ которомъ живетъ о. Іоаннъ, тамъ собралось уже нѣсколько сотъ оборванцевъ, и народъ продолжалъ стекаться со всѣхъ сторонъ.

— Стройся, стройся!—слышались голоса.

Сотни собравшейся голи начали становиться вдоль забора, начиная отъ дома о. Іоанна по направленію къ „Дому Трудолюбія“. На одной сторонѣ становились мужчины, на противоположной панели женщины. Меньше чѣмъ въ 5 минутъ образовалась длинная лента изъ человѣческихъ фигуръ, примѣрно, въ полверсты. Бѣдняки стояли въ три колонны, т. е. по три человѣка въ рядъ, такъ что занимали всю панель; женщинъ было гораздо меньше мужчинъ.

Всѣ ждали...

Долго я ходилъ по линіи „строя“, всматриваясь въ эти изнуренныя лица, исхудалыя, оборванныя фигуры... На лицѣ каждаго можно было прочесть цѣлую житейскую драму, если не трагедію... Были тутъ молодые, почти юноши и сѣдые старцы, попадались на костыляхъ убогіе, съ трясущимися головами, съ обезображенными лицами...

Да, такую коллекцію „сирыхъ“ трудно подобрать; если каждый изъ нихъ въ отдѣльности не способенъ тронуть сердце зрителя, то коллекція этихъ „дѣтей отца Іоанна“ можетъ заставить дрогнуть самое черствое сердце! Пусть большая часть ихъ пьяницы или люди порочные, пусть сами они виноваты въ сво

емъ положеніи, но, вѣдь, это *люди*... люди страдавшіе, страдающіе и не имѣющіе въ перспективѣ ничего, кромѣ *страданій!* Вотъ бывшій *студентъ* медицинской академіи, вотъ надворный совѣтникъ, поручикъ, бывшій купецъ-милліонеръ, вотъ родовой дворянинъ громкой фамиліи... У этого семья и больная жена, у того старуха-мать, сестры... Мнѣ показали старика, который двадцать лѣтъ питается однимъ хлѣбомъ и водой, у него высохла правая рука, онъ лишился возможности работать и 20 лѣтъ живетъ подаяніемъ о. Іоанна. Двадцать лѣтъ онъ не имѣетъ собственнаго угла, не видалъ тарелки супа, и если бы не отецъ Іоаннъ, то давно умеръ бы съ голоду.

Я просилъ показать мнѣ этого старика. Несчастный стоялъ въ хвостѣ „строя" въ первой колоннѣ.

— Любоваться пришли, — ядовито обратился онъ ко мнѣ съ укоромъ, когда я остановился противъ него.

Видъ старика былъ суровъ; нависшія сѣдыя брови почти закрывали глаза, а всклокоченная сѣдая борода спускалась на грудь; глубокія морщины и желтый отливъ кожи краснорѣчивѣе словъ свидѣтельствовали о пережитомъ старцемъ... Его высокая фигура какъ-то сгорбилась, а правая рука висѣла безъ движенія...

— Возьми, старецъ, — протянулъ я ему руку съ кредитнымъ билетомъ.

— Оставьте себѣ или дайте вонъ имъ, — отвѣчалъ онъ, мотнувъ головой въ сторону „строя" и не принимая моей руки: — я не нищій; моя правая рука высохла, а лѣвая не принимала еще милостыни...

— Да, вѣдь, ты же 20 лѣтъ живешь подаяніемъ?

— Ложь! 20 лѣтъ меня питаетъ отецъ Іоаннъ, но милостыни я не просилъ и подаянія не принималъ.

— Такъ если ты берешь отъ отца Іоанна, почему же не хочешь взять отъ меня?

— Я не знаю тебя и знать не хочу, а о. Іоаннъ мой *отецъ;* онъ не свое даетъ, а Божіе, даетъ то, что онъ получаетъ для насъ отъ Бога. Ты дашь мнѣ двугривенный, какъ нищему, а о. Іоаннъ даетъ мнѣ какъ родному, какъ другу, даетъ любя... Онъ тысячу рублей далъ бы, если бы насъ меньше было; для него деньги не имѣютъ той цѣны, какъ вамъ, господинъ.

Я на этомъ прекратилъ разговоръ, но потомъ ближе познакомился со старикомъ; исторія его такъ интересна, что я впослѣдствіи вернусь еще къ нему...

* * *

Еще не было 6 часовъ, когда изъ калитки хорошо знакомаго „золоторотцамъ" дома вышелъ „батюшка"... Толпа заколыхалась, но всѣ остались на мѣстахъ, обнаживъ только головы.

Отецъ Іоаннъ снялъ свою шляпу, сдѣлалъ поклонъ своимъ „дѣтямъ", перекрестился на виднѣющійся вдали храмъ и пошелъ по „строю".

— Разъ, два, три... десять... двадцать...

Двадцатый получилъ рубль для раздѣла съ 19-ю коллегами. Опять: „разъ, два, три... десять... двадцать" и опять рубль. Такъ до самаго конца „строя". Только что кончился счетъ, вся толпа бросилась съ своихъ мѣстъ къ „батюшкѣ". Кто становился на колѣни, кто ловилъ руку „батюшки" для поцѣлуя, кто просилъ благословенія, молитвы; нѣкоторые разсказывали свои нужды... И отецъ Іоаннъ всѣхъ удовлетворилъ, никому не отказалъ; видно было, что почтенный пастырь сроднился съ этой средой, понимаетъ ихъ безъ словъ, по одному намеку, точно такъ же, какъ и толпа понимаетъ его по однимъ жестамъ...

Окруженный и сопровождаемый своими „дѣтьми", о. Іоаннъ медленно движется къ собору Андрея Первозваннаго (или церкви „Дома Трудолюбія") для служенія ранней обѣдни. Исчезъ „батюшка" въ дверяхъ храма, и толпа разсѣивается по городу, лишь ничтожная часть остается на паперти для сбора подаяній. Это ужъ профессіональные нищіе, которыхъ, однако, сравнительно очень немного, и напрасно нѣкоторые полагаютъ, будто о. Іоаннъ размножаетъ нищихъ.

* * *

„Строй" золоторотцевъ, какъ я называю нищихъ о. Іоанна, образовался давно уже, лѣтъ 30, но дисциплинировался, развился и пріумножился за послѣдніе годы. По самому умѣренному расчету, число бѣдняковъ, живущихъ на счетъ отца Іоанна, достигаетъ тысячи человѣкъ, при чемъ всѣ они *ежедневно утромъ и вечеромъ* получаютъ нѣсколько копеекъ. Независимо отъ этого для нихъ устроены на средства кронштадтскаго пастыря ночлеж-

ный пріютъ, рабочій домъ и двѣнадцать благотворительныхъ заведеній. Я упоминалъ прежде, что содержаніе пріютовъ, лѣчебницъ, мастерскихъ и др. заведеній при кронштадтскомъ „Домѣ Трудолюбія" обходится отцу Іоанну въ 50—60 тысячъ руб. ежегодно, не считая утреннихъ и вечернихъ раздачъ, а также случайныхъ выдачъ, болѣе или менѣе крупныхъ.

Бѣдняки привыкли смотрѣть на заботы о нихъ почтеннаго пастыря, какъ на что-то должное, почти законное. Если иногда случается, что при раздѣлѣ „строй" получаетъ по 2 коп. на человѣка, вмѣсто ожидавшихся 3-хъ, то раздаются громкіе протестующіе голоса:

— Не брать, ребята, ничего не брать, не надо. Этакъ завтра батюшка по копейкѣ дастъ. Что жъ мы будемъ на улицѣ ночевать, что ли (въ ночлежномъ пріютѣ взимается по 3 коп. съ человѣка).

— Митричъ, ступай депутатомъ къ батюшкѣ, скажи, что меньше 3-хъ мы не беремъ.

Впрочемъ, эти голоса никогда не одерживали побѣды и оставались въ ничтожномъ меньшинствѣ. Ни „Митричъ" и никто другой никогда не рѣшились бы итти съ протестомъ, а такъ, поголдятъ, пошумятъ, возьмутъ, конечно, то, что даютъ и разбредутся по домамъ.

Отецъ Іоаннъ и самъ смотритъ на заботы о кронштадтскихъ бѣднякахъ какъ на свою обязанность. Послѣдніе годы онъ не имѣетъ времени одѣлять „строя", но поручаетъ это кому-либо изъ приближенныхъ, а когда уѣзжаетъ въ Москву или на родину, то оставляетъ на всѣ дни опредѣленную сумму съ тѣмъ, чтобы бѣдняки ежедневно утромъ и вечеромъ получали по 3 или 5 коп. (смотря, какими рессурсами располагаетъ пастырь).

„Строй" обожаетъ своего „отца" и „кормильца"; нравственное вліяніе батюшки на него громадно.

Однажды имѣлъ мѣсто слѣдующій случай. Бывшій полицеймейстеръ Головачевъ сообщилъ отцу Іоанну, что его нищіе занимаются грабежами, и что одинъ изъ нихъ сорвалъ съ г. Б. дорогую бобровую шапку, когда тотъ проѣзжалъ вечеромъ по одной глухой улицѣ. Въ тотъ же день, по полученіи этого извѣстія, о. Іоаннъ собралъ свой „строй" и объявилъ ему непріятную вѣсть. „Строй" молча выслушалъ батюшку, и десятки голосовъ отвѣчали:

— Не нашихъ это, батюшка, рукъ дѣло. Сегодня же мы разузнаемъ и найдемъ виновника.

Дѣйствительно, въ тотъ же день вечеромъ бобровая шапка была представлена о. Іоанну...

Вообще, довольно батюшкѣ намекнуть о какомъ-либо желаніи, чтобы бѣдняки немедленно приняли всѣ мѣры къ выполненію воли своего „отца“.

* * *

„Строй“ подвергается довольно частымъ видоизмѣненіямъ. Можно назвать нѣсколько десятковъ (а можетъ-быть и сотенъ) бѣдняковъ, которые, подъ вліяніемъ пастырства отца Іоанна и при его матеріальной поддержкѣ и помощи, сдѣлались теперь если не богатыми, то сравнительно достаточными тружениками: нѣкоторые получили хорошія мѣста, другіе сдѣлались торговцами, третьи покинули Кронштадтъ и Петербургъ, отправившись на заработки въ провинцію. Но прибывающихъ всегда больше выбывающихъ, почему численность „строя“ растетъ съ каждымъ годомъ. Конечно, въ массѣ есть люди порочные, есть и профессіональные нищіе, но можно утверждать, что хорошихъ больше, чѣмъ худыхъ, и несчастныхъ больше, чѣмъ порочныхъ, даже много больше. Отецъ Іоаннъ знаетъ про плевелы своей паствы и старается игнорировать ихъ по возможности, но никогда не выдѣляетъ ихъ изъ „строя“ при раздѣлѣ подаянія, руководствуясь общимъ правиломъ: „просящему у тебя дай“. А если этотъ „просящій“ снесетъ подаяніе въ кабакъ—это дѣло его совѣсти, онъ за это отвѣчать будетъ.

* * *

Есть еще и кронштадтскіе бѣдняки, на которыхъ обратилъ свой взоръ „батюшка“...

Не многимъ, вѣроятно, извѣстно, насколько Кронштадтъ переполненъ нищими всякаго рода; въ силу особыхъ условій, о которыхъ мы распространяться здѣсь не будемъ, тамъ особенно развитъ самый гибельный родъ нищенства — посыланіе родителями-тунеядцами или пьяницами дѣтей собирать милостыню. Эти несчастныя дѣти, особенно дѣвочки, пробираясь во всевозможныя трущобы, дѣлаются свидѣтельницами такой грязи, такого нравственнаго паденія, какое можно только встрѣтить въ кронштадтскихъ трущобахъ, развращающихъ физически и нравственно не

только всѣхъ, случайно попавшихъ туда, но и малолѣтнихъ дѣвочекъ, которыя въ 8 лѣтъ нищенствуютъ, въ 9 лѣтъ воруютъ, а въ 11—12 торгуютъ собой.

Вотъ этимъ-то несчастнымъ дѣтямъ, загубленнымъ своими же родителями, пришелъ на помощь о. Іоаннъ.—Докторъ Дворяшинъ въ своемъ докладѣ, читанномъ на общемъ собраніи членовъ „Дома Трудолюбія" и представленномъ отдѣльно отцу Іоанну, горячо и убѣдительно доказывалъ необходимость придти на помощь несчастнымъ дѣтямъ, которыя гибнутъ въ омутѣ развратной жизни ихъ родителей, и долгъ честныхъ людей—вызвать ихъ изъ этой грязи. Для этой цѣли онъ предлагалъ открыть пріютъ, наименовавъ его „Домомъ Милосердія" отца Іоанна. Въ этотъ пріютъ будутъ приниматься нищенствующія дѣти, не моложе 8 лѣтъ. Тамъ они будутъ обучаться закону Божію, разнымъ ремесламъ, садоводству и огородничеству, а съ развитіемъ дѣла предполагается открыть образцовую ферму.

Отецъ Іоаннъ, этотъ покровитель всѣхъ голодныхъ и холодныхъ, этотъ „печальникъ" меньшей братіи, не могъ не принять близко къ сердцу этого дѣла, и, благодаря его высоко-гуманному, истинно-христіанскому участію, а также благодаря его неутомимымъ помощникамъ и исполнителямъ его благихъ предначертаній: А. А. Костину, Н. А. Есипову и Н. Н. Шеману, участь пріюта обезпечена. Пріютъ имени отца Іоанна не будетъ нуждаться въ средствахъ: его пріютъ—пріютъ всей Россіи, всѣхъ его почитателей; богатый и нищій, сановникъ и мужичокъ, всякій принесетъ свою лепту на это благое дѣло.

Чтобы дать возможность многочисленнымъ почитателямъ отца Іоанна неразрывно связать свое имя съ его пріютомъ — при послѣднемъ учреждены именныя стипендіи по 100 руб. въ годъ.

Отецъ Іоаннъ первый оказалъ существенную помощь пріюту, купивъ за городомъ на свои деньги большой домъ съ полной обстановкой и большими огородами; домъ этотъ со всѣми пристройками онъ подарилъ „Дому Трудолюбія" для пріюта. Вслѣдъ за отцомъ Іоанномъ начали поступать другія пожертвованія.

* * *

Вотъ что можетъ сдѣлать *одинъ* истинный благотворитель.

Юбилей о. Іоанна кронштадтскаго.

Въ концѣ своего очерка я хочу познакомить читателей съ выдающимися моментами въ жизни о. Іоанна, когда онъ дѣлался предметомъ общественнаго чествованія.

Такіе моменты:

1. Поѣздка въ Харьковъ.

2. Поѣздка на родину для освященія выстроеннаго имъ самимъ храма.

3. Юбилеи—25-лѣтній и 35-лѣтній.

* * *

Въ такихъ приблизительно выраженіяхъ корреспондентъ „Южнаго Края“ описываетъ пребываніе досточтимаго пастыря въ Харьковѣ.

„Если бъ отецъ Іоаннъ рѣшился удовлетворить всѣхъ тѣхъ харьковскихъ жителей,—добавляетъ онъ,—которые хотѣли принять его у себя и помолиться съ нимъ въ своемъ домѣ,—пришлось бы прожить ему у насъ не полторы-двѣ недѣли, а нѣсколько мѣсяцевъ“.

15-го іюля, по настоянію харьковскаго архіепископа Амвросія, отецъ Іоаннъ служилъ литургію въ городскомъ соборѣ въ первый и единственный разъ, вслѣдствіе большихъ затрудненій отъ чрезмѣрнаго скопленія публики. Совершалъ онъ литургію въ сослуженіи всего городского духовенства, и „это была бѣда, а не служба“, какъ выражается одинъ изъ очевидцевъ. Толпа напирала и едва не врывалась, подталкиваемая задними рядами, въ алтарь. Пѣвчіе пѣли въ алтарѣ, въ алтарѣ же предъ царскими вратами дѣлались всѣ выходы. Желѣзныя рѣшетки въ соборѣ оказались поломанными натискомъ толпы. Съ трудомъ отецъ Іоаннъ выбрался изъ собора въ одномъ подрясникѣ и безъ шляпы.

Стеченіе народа вокругъ собора было тоже необычайное. Вся площадь и прилегающія къ ней улицы сплошь переполнены были народомъ. Никакія полицейскія мѣры не могли водворить порядка. При такихъ условіяхъ понятно, почему, при всемъ своемъ

желанія, отецъ Іоаннъ не могъ принять приглашеній отъ нѣкоторыхъ настоятелей церквей и старостъ совершить богослуженія въ которомъ-нибудь изъ городскихъ храмовъ.

По окончаніи божественной литургіи отецъ Іоаннъ посѣтилъ редакцію „Южнаго Края" и оттуда съ балкона благословилъ собравшійся на Николаевской площади народъ.

Вслѣдствіе упомянутой невозможности совершать молебствія въ церквахъ, отецъ Іоаннъ, не желая обидѣть харьковцевъ, рѣшился, по предложенію преосвященнаго Амвросія, отслужить 20 іюля молебенъ на Соборной площади.

Небывалое зрѣлище представляла собою въ этотъ день Соборная площадь, а также и сосѣдніе улицы и переулки. Народъ тѣснился такъ, что, по общепринятому выраженію, яблоку некуда было упасть. Всѣ крыши домовъ усѣяны были желающими увидѣть всѣми обожаемаго кронштадтскаго пастыря. Картина вышла поразительная, напоминающая далекія времена первыхъ вѣковъ христіанства, когда молитвы нерѣдко совершались подъ открытымъ небомъ. Въ этотъ день, по увѣренію очевидцевъ, на молебствіи присутствовало болѣе 60 тысячъ человѣкъ. Энтузіазмъ народа возросъ до послѣдней степени.

Насколько благотворно отразилось посѣщеніе отца Іоанна на харьковцахъ, насколько они остались ему благодарны, доказываютъ—драгоцѣнное евангеліе и адресъ, поднесенные депутаціей отъ жителей города Харькова въ день его 35-лѣтняго юбилея священствованія 12 декабря 1890 года. Какъ выраженіе чувствъ благодарныхъ харьковцевъ, мы приводимъ выдержки изъ этого адреса:

„Ваше высокопреподобіе, глубокоуважаемый отецъ Іоаннъ! Въ сегодняшній знаменательный для васъ день 35-лѣтняго служенія вашего у престола Всевышняго со всѣхъ концовъ Россіи возносятся теплыя молитвы о васъ и вашемъ драгоцѣнномъ здравіи, любвеобильный кроткій пастырь, ибо нѣтъ города, нѣтъ деревни, въ которыхъ не было бы людей, вамъ обязанныхъ и произносящихъ имя ваше съ чувствомъ умиленія и вѣчной благодарности.

„Задолго до пріѣзда вашего къ намъ на югъ, мы уже глубоко чтили васъ, отецъ Іоаннъ, и сколько разъ испрашивали вашихъ святыхъ молитвъ въ тяжкія минуты испытаній. Многіе изъ насъ предпринимали путешествіе въ Кронштадтъ для того, чтобы по-

лучить ваше благословеніе, повѣдать вамъ свою скорбь и ходатайствовать о вашемъ предстательствѣ предъ Престоломъ Всевышняго. Молва о васъ переходила изъ устъ въ уста, и мы почитали счастливыми тѣхъ, кто молился вмѣстѣ съ вами и испытывалъ на себѣ ваше благотворное вліяніе.

„Какова же была наша радость, когда мы узнали, что вы проведете въ окрестностяхъ Харькова лѣтомъ текущаго года около трехъ недѣль! Быстро разнеслась желанная вѣсть по всему краю, и тысячи недужныхъ, страждущихъ и утѣшенія требующихъ устремились къ вамъ съ надеждою на милосердіе Божіе и на силу вашихъ молитвъ.

„Мы никогда не забудемъ вашего истинно-христіанскаго самоотверженія, вашихъ пастырскихъ трудовъ, вашей любви къ ближнимъ, вашего участія къ чужому горю, вашего благотворнаго вліянія на умы и сердца. Иновѣрцы и невѣрующіе—и тѣ поражались всѣмъ тѣмъ, чему они были свидѣтелями въ немногіе дни пребыванія вашего въ Харьковѣ и Рыжовѣ. Память объ этихъ дняхъ, память о тѣхъ проявленіяхъ духа и силы, которые мы видѣли собственными глазами, никогда не изгладится у жителей города Харькова и всего края и будетъ переходить изъ рода въ родъ, какъ драгоцѣнное воспоминаніе о лучшихъ минутахъ нашей жизни“.

* * *

Освященіе храма на родинѣ о. Іоанна отличалось тѣмъ же энтузіазмомъ населенія...

Приготовленіе къ празднику открылось всенощнымъ бдѣніемъ. Служба началась въ 6 часовъ вечера, а окончилась въ 10 часовъ. Богослуженіе совершалъ преосвященный Александръ, въ сослуженіи двухъ архимандритовъ, отца Іоанна и нѣсколькихъ священниковъ и іеромонаховъ. Архіерейскіе пѣвчіе, подъ руководствомъ своего регента г. Обновленскаго, пѣли звучно и стройно. Акаѳистъ преподобному читали всѣ священнослужившіе, съ архипастыремъ во главѣ. Текстъ акаѳиста производилъ трогательное впечатлѣніе на молящихся.

* * *

Въ день 25-лѣтія священнослужительства о. Іоанна гимназія поднесла юбиляру слѣдующій адресъ.

Для примѣра общей благодарности, питаемой къ нему родителями учениковъ, мы дословно приведемъ адресъ, поднесенный въ день его 25-лѣтія законоучительства въ кронштадтской гимназіи:

„Высокочтимый и всѣми уважаемый пастырь и наставникъ Іоаннъ Ильичъ!

„Исполнилось 25 лѣтъ еще новаго, особо важнаго твоего служенія государству и обществу, и въ частности намъ, отцамъ и матерямъ, въ нашихъ дѣтяхъ, которыхъ ты, какъ законоучитель кронштадтской классической гимназіи, руководилъ на пути духовнаго просвѣщенія.

„Не сухую схоластику ты дѣтямъ преподавалъ, не мертвую формулу—тексты и изреченія—ты имъ излагалъ, не заученныхъ только на память уроковъ ты требовалъ отъ нихъ; но на свѣтлыхъ, воспріимчивыхъ душахъ ты сѣялъ сѣмена вѣчнаго и животворящаго Глагола Божія.

„Множество дѣтей перешло чрезъ твою святую школу. Многіе твои ученики стоятъ на различныхъ степеняхъ и званіяхъ на службѣ Царю и Отечеству; многіе изъ нихъ еще подрастаютъ и готовятся къ вступленію на общественное поприще,—и всѣ они, вдохновленные тобой и твоимъ святымъ общеніемъ съ ними, вспоминаютъ твою любовь, наставленія, твои уроки,—и всѣ, благословляя тебя, съ благоговѣніемъ вспоминаютъ тѣ незабвенные часы, которые они проводили съ тобою.

„Ты, самъ не замѣчая того, своею пламенною любовью къ Богу и безконечнымъ милосердіемъ къ твоимъ братьямъ-людямъ, зажигалъ своимъ живымъ словомъ въ своихъ ученикахъ свѣточъ истиннаго Богопознанія; а своимъ святымъ примѣромъ и милосердіемъ наполнялъ ихъ юныя сердца страхомъ Божіимъ, вѣрою, упованіемъ на Бога и любовію къ Нему и своимъ братьямъ.

„Не мѣриломъ только таланта и увлекательности рѣчи, какъ профессора на каѳедрѣ, не мѣриломъ постояннаго успѣха сдачи экзаменовъ—мы говоримъ о твоей научной дѣятельности,—а тѣми наглядными плодами христіанской жизни, нравственности, гражданскихъ доблестей, семейныхъ отношеній, которыя оказались въ твоихъ ученикахъ въ многочисленныхъ примѣрахъ.

„Да будетъ наша, отцовъ и матерей, благодарность, какъ мирная молитва къ Богу за тебя, да изольетъ Онъ на тебя, отъ Всесвятаго Своего Престола, столько же духовной радости, сколько ты подалъ утѣшенія намъ въ нашихъ дѣтяхъ, въ ихъ благонравіи и успѣхахъ".

О. Іоаннъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

„*Сила Божія въ немощи совершается;*—и она дивно совершалась во мнѣ въ продолженіе 25-лѣтняго священствованія моего, и, дерзну сказать,—ибо скажу истину,—чрезъ меня совершалась во многихъ, въ простотѣ вѣрующихъ, очевиднымъ, осязательнымъ образомъ Слава благодати! Слава Господу Іисусу Христу, *даровавшему намъ благодать на благодать* (Іоан. 1, 16). Говорю вамъ объ этой силѣ Божіей во мнѣ для того, чтобы вы вмѣстѣ со мною прославили Великаго Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа, Коего благодать и милость не оскудѣваютъ и нынѣ, какъ не оскудѣютъ до вѣка. Кто исчислитъ за все это время бездну спасенія Божія, совершавшагося во мнѣ благодатію Христовою всякій день и—многократно! Не могу исчислить безчисленнаго множества козней міродержца и приступовъ страстей, разрушенныхъ милостію и силою Христовою во мнѣ, по моей тайной молитвѣ вѣры, ради сердечнаго покаянія и особенно—силою Божественнаго Причащенія! Какой ангельскій многообъемлющій умъ прочтетъ всѣ тайные дары Божіи, — благодатные дары милости, очищенія, освященія, просвѣщенія, мира, умиленія, свободы и пространства душевнаго, радости въ Духѣ Святомъ, дерзновеніе и силы и многоразличной помощи, коихъ я невидимо сподоблялся во всѣ дни моего священствованія! Не могу исчислить безчисленнаго множества врачеваній благодатныхъ—душевныхъ и тѣлесныхъ, совершенныхъ во мнѣ Господомъ, черезъ сердечное призываніе Имени Его. Слава Спасителю нашему Богу! Онъ видитъ, что я неложно возсылаю Ему эту славу. Только Имъ и о Имени Его я славенъ, а безъ Него — безчестенъ; только Имъ силенъ, а безъ Него—немощенъ"...

* * *

35-лѣтній юбилей праздновался 12 декабря 1890 года.

День начался въ Кронштадтѣ въ 5 часовъ утра, хотя для многихъ онъ вовсе не начинался или, лучше сказать, начался еще

накануне. Каждый поездъ Балтійской железной дороги привозилъ все новыя группы почитателей кронштадтскаго пастыря, и къ вечеру страннопріимные дома переполнились въ такой степени, что многимъ не хватало ни кроватей ни даже стульевъ. Въ десятомъ часу вечера окончилась въ Андреевскомъ соборе всенощная, совершенная юбиляромъ. Залитый огнями храмъ былъ переполненъ, а съ фасада ярко горели иллюминаціонныя звезды, освещая густую толпу народа, не попавшую въ соборъ... Около дома „батюшки" собралась вся кронштадтская голь—„посадская армія", какъ ихъ зовутъ, въ ожиданіи раздачи обычной милостыни. Оборванцы стояли правильной шеренгой, по три въ рядъ, мужчины и женщины отдельно. Когда все разбрелись по домамъ, и жизнь на улицахъ стихла—былъ уже первый часъ ночи, а въ 4 часа утра снова все были на ногахъ.

Заутреня и ранняя обедня были совершены въ церкви „Дома Трудолюбія" іеромонахомъ Задне-Никифорской пустыни, Олонецкой губерніи, Геннадіемъ, при чемъ была освящена роскошная серебряная вызолоченная хоругвь, подносимая о. Іоанну „пасомыми и почитателями" для строющагося храма въ Архангельской губ., на месте родины о. Іоанна. По окончаніи богослуженія, эта хоругвь, въ предшествіи певчихъ и духовенства и въ сопровожденіи толпы народа, была перенесена въ Андреевскій соборъ, где о. Іоаннъ служилъ позднюю литургію. Первый ударъ большого колокола былъ только въ 10 часовъ утра, а соборъ и площадь начали наполняться народомъ еще до разсвета! Погода морозная, но прекрасная...

* * *

Богослуженіе въ соборе окончилось во второмъ часу дня. Литургію, какъ я сказалъ, совершалъ самъ юбиляръ. Передъ торжественнымъ молебствіемъ о здравіи и благоденствіи юбиляра, отслуженнымъ соборне всемъ духовенствомъ Кронштадта и многими протоіереями изъ Петербурга, товарищи и сослуживцы о. Іоанна, т. е. духовенство и другія лица, горячо поздравляли „своего протоіерея".

Первымъ прочиталъ адресъ священникъ Андреевскаго собора о. Петръ.

— Тебе,—говорилъ пастырь,—какъ представителю смиренія и простоты, веры и благочестія, приносимъ мы привет, какъ па-

стырю, который ежедневно, ежеминутно былъ подвижникомъ любви; ты сдѣлался достояніемъ сердецъ всѣхъ русскихъ православныхъ; нашъ уединенный морской городъ, благодаря тебѣ, превратился въ предметъ общаго религіознаго вниманія; здѣсь, у тебя, въ первый, быть-можетъ, разъ, тысячи людей познали нужду молитвы, славы имени Божія. Ты—заступникъ и помощникъ слабыхъ и неимущихъ. Молимъ Всевышняго, да дастъ намъ силы и крѣпость походить на тебя...

Вмѣстѣ съ адресомъ о. Петръ вручилъ юбиляру св. икону. Вторымъ говорилъ о. Василій, священникъ Владимірской церкви въ Кронштадтѣ. За нимъ приблизился къ юбиляру контръ-адмиралъ Бурачевъ и привѣтствовалъ о. Іоанна отъ лица „пасомыхъ и почитателей“, соорудившихъ хоругвь для Архангельской церкви. Прочитанный г. Бурачевымъ адресъ былъ полонъ самыхъ лестныхъ выраженій признательности о. Іоанну. Слѣдующій адресъ былъ отъ петербургскаго духовенства и отъ общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной Церкви. Общество привѣтствовало юбиляра, какъ своего члена:

— Да будетъ благословенно въ васъ и чрезъ васъ Имя Господне.

Затѣмъ староста собора, г. Коршуновъ, подалъ юбиляру Евангеліе въ серебряномъ переплетѣ.

Очень прочувственный адресъ былъ отъ харьковскихъ жителей, поднесшихъ юбиляру икону Божіей Матери и огромное Евангеліе въ золотомъ переплетѣ. Депутація благодарила о. Іоанна, какъ своего духовнаго отца, и свидѣтельствовала, что его недавнее пребываніе въ Харьковской губерніи оставило неизгладимые слѣды среди населенія.

Далѣе говорилъ теплое, задушевное привѣтствіе іеромонахъ Александро-Невской лавры Палладій, поднесшій юбиляру св. Евангеліе. Послѣднимъ говорилъ привѣтствіе отъ петербургскаго духовенства священникъ церкви Смоленской Божіей Матери, поздравившій юбиляра отъ имени прихожанъ и причта. Глубоко растроганный о. Іоаннъ сказалъ нѣсколько словъ:

— Благодарю васъ, господа. Я—недостойный грѣшникъ, и вы меня слишкомъ возносите...

Начавшееся соборное молебствіе было отслужено 14-ю священниками, при 3-хъ діаконахъ и двухъ хорахъ пѣвчихъ.

Юбилейный актъ состоялся въ церкви и залахъ кронштадтской городской думы. Парадная лѣстница, вестибюль и коридоры были уставлены тропическими растеніями и убраны флагами. Вся кронштадтская интеллигенція, власти и пріѣзжіе депутаты собрались въ церкви въ ожиданіи виновника торжества. Только во 2-мъ часу появился на амвонѣ отецъ Іоаннъ, по обыкновенію, бодрый, довольный, радостный. Блескъ привѣтливыхъ глазъ, ласковая улыбка, руки сложены на груди, голова слегка наклонена.

Актъ начался молебствіемъ, въ которомъ участвовало болѣе 10 іереевъ въ праздничномъ облаченіи. Тотчасъ послѣ многолѣтія поздравилъ юбиляра кронштадтскій губернаторъ, контръ-адмиралъ Шварцъ.

Отъ имени кронштадтскаго городского управленія прекрасный адресъ прочиталъ голова г. Шебунинъ. Юбиляръ характеризуется съ точки зрѣнія общественнаго дѣятеля, который создалъ цѣлую сѣть благотворительныхъ учрежденій.

— Кронштадтъ,—говорится въ адресѣ,—является достовѣрнымъ свидѣтелемъ высокихъ подвиговъ отца Іоанна, какъ благотворителя бѣдныхъ, цѣлителя больныхъ, утѣшителя несчастныхъ и кормильца нищихъ; проявляя горячее участіе въ судьбѣ ближнихъ, вы охотно идете на помощь нуждающемуся, а ваше авторитетное имя влечетъ вмѣстѣ съ вами и другихъ. Вы создали въ Кронштадтѣ учрежденіе, дающее пищу, пристанище, трудъ и начальное образованіе неимущимъ. Нѣтъ добраго дѣла, съ которымъ имя ваше не было бы связано. Въ нашъ вѣкъ, вѣкъ борьбы, личныхъ интересовъ, ваше 35-лѣтнее безкорыстное служеніе ближнимъ является такимъ подвигомъ, предъ которымъ невольно преклоняешься...

Отецъ Іоаннъ отвѣтилъ г. Шебунину:

— Благодарю васъ, но вы слишкомъ много на меня возлагаете. Со мной работали дружно и энергично другіе,—гг. моряки, и я имъ передаю часть получаемыхъ мною похвалъ.

Слѣдующій адресъ былъ отъ общества моряковъ. Комендантъ, контръ-адмиралъ Брылкинъ, съ одушевленіемъ прочелъ этотъ адресъ, въ которомъ между прочимъ говорится:

— Моряки вспоминаютъ сегодня, что они вамъ, отецъ Іоаннъ, обязаны наукой молиться. Да. Вы, посѣщая наши корабли передъ

отплытіемъ, показывали намъ примѣромъ, какъ надо молиться... Вся морская семья молитъ теперь Бога о продленіи дней вашихъ.

— Благодарю васъ, *земляки*,—сказалъ о. Іоаннъ.

Директоръ мужской гимназіи г. Козенъ прочиталъ адресъ: „Дорогому учителю, разсаднику чистой любви, который свыше 25 лѣтъ былъ руководителемъ будущихъ гражданъ".

— Чувство любви они воспитали подъ крыломъ вашимъ и унесли это чувство съ собою въ жизнь...

Послѣ директора довольно долго говорилъ одинъ изъ бывшихъ учениковъ, а затѣмъ послѣдовалъ опять цѣлый рядъ депутацій: отъ общества спасенія на водахъ (к. а. Рыкочевъ), петербургскаго Дома Трудолюбія (д-ръ Дворяшинъ), общества ночлежныхъ домовъ (В. И. Аристовъ задушевно произнесъ прекрасное привѣтствіе, оставившее на всѣхъ впечатлѣніе), отъ учрежденій Андреевскаго попечительства, хора пѣвчихъ и др. Многія депутаціи подносили подарки и св. иконы; здѣсь были хлѣбъ-соль, полотенце на престолъ, воздухъ, Евангеліе и т. д. Особенно хорошо вышитое шелками изображеніе Богоматери (ученицы пріюта).

* * *

Очень оригинальна была депутація отъ ночлежниковъ, или „посадскихъ нищихъ", привѣтствовавшая о. Іоанна, какъ своего благодѣтеля и кормильца. Одинъ изъ призрѣваемыхъ въ пріютѣ самъ сочинилъ и внятно продекламировалъ недурные стихи.

* * *

По окончаніи акта состоялось три юбилейныхъ обѣда: въ залѣ городской думы (по подпискѣ), въ залахъ „Дома Трудолюбія" отъ петербургскихъ почитателей и для бѣдняковъ на 750 человѣкъ въ помѣщеніи народной столовой при „Домѣ Трудолюбія".

Юбиляръ успѣлъ побывать на всѣхъ обѣдахъ и вездѣ выслушать заздравные тосты...

Привожу цѣликомъ рѣчь о. Іоанна въ этотъ день.

„Что значитъ, возлюбленные братія и сестры, это необычное въ будничный день торжественное собраніе ваше въ этомъ святомъ храмѣ, посвященномъ имени первозваннаго апостола Христова? Что собрало васъ въ этомъ святилищѣ? Не обинуясь

скажу, что васъ соединила и собрала вѣра и любовь ваша къ Богу, а послѣ Бога и ко мнѣ, какъ служителю Его. По невыразимой милости Господа Бога ко мнѣ, грѣшному, и безмѣрному Его долготерпѣнію, мнѣ суждено дожить до дня, въ который исполнилось тридцать-пять лѣтъ служенія моего въ санѣ священника при этомъ храмѣ. Вы по снисходительной любви своей ко мнѣ сочли не безплодными для церкви Божіей и для васъ этотъ не малый кругъ времени и пришли вмѣстѣ со мною возблагодарить Творца временъ за неисчетныя милости Его ко мнѣ и къ вамъ, явленныя въ теченіе столькихъ лѣтъ чрезъ мое посильное служеніе Господу и вамъ, и просить продолженія ихъ въ будущемъ.

„Итакъ сегодня у насъ скромное торжество вѣры Церкви, торжество священства, пастырства и паствы, торжество братскаго единодушія и христіанской любви. Значитъ, и на нашемъ дворѣ праздникъ, по присловію русскому. Слышимъ или читаемъ часто о праздникахъ разныхъ учрежденій и праздникахъ людей науки, искусства, разныхъ общественныхъ служеній, а нынѣ праздникъ церковный. Благодарю всѣмъ сердцемъ, всѣмъ существомъ моимъ Господа за Его милости ко мнѣ, а вамъ всѣмъ мой сердечный поклонъ за братскую во Христѣ любовь. Вы въ лицѣ моемъ воздаете честь священному сану, коимъ почтила благодать Христова подобныхъ вамъ, немощныхъ по природѣ людей, въ томъ числѣ и меня. Честь, воздаваемая вами мнѣ нынѣ, восходитъ къ Самому вѣчному Первосвященнику, Господу нашему Іисусу Христу, за насъ святившему Себя и принесшаго Самого Себя въ жертву за насъ Отцу Своему небесному; ибо священство мое и всѣхъ освященныхъ есть Христово священство: истинный, вѣчный священникъ одинъ—Христосъ, и въ лицѣ нашемъ священствуетъ Онъ Самъ, вѣчный Первосвященникъ, по чину Мельхиседекову. Христе Боже, Ты Самъ прослави прославляющихъ насъ, Твоихъ священниковъ, на землѣ; а намъ, священникамъ, даруй благодать достойно проходить высочайшее служеніе священства и самимъ всегда освящаться и другихъ освящать и спасать данной намъ благодатью.

„Вы собрались, возлюбленные братія, почтить меня недостойнаго дарами и похвалами. Благодарю сердечно за эти священные дары, разумѣю иконы и хоругвь святую, а похвалу вашу

какъ я приму? Я, по слову и наставленію Христову, есть рабъ непотребный, сдѣлавшій только то, что должно было сдѣлать, при пособіи благодати, данной мнѣ Господомъ. Да и сдѣлалъ ли я все, что долженъ былъ сдѣлать? По-совѣсти скажу: нѣтъ, много недоставало въ моемъ служеніи по внутреннему человѣку и, вообще, служеніе мое было не безъ недостатковъ. Мой долгъ сознавать это и просить снисхожденія къ моимъ недостаткамъ и милости у Господа, да и у васъ снисхожденія къ моимъ немощамъ. Но желаю всѣмъ сердцемъ святыни и совершенства, и буду всѣми силами, съ помощію Божіею, стремиться къ исправленію и совершенству, ибо намъ сказано: *будете совершенни, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть (Мѳ. 5, 48)*".

* * *

Недавно почившій архіепископъ Никаноръ сказалъ объ о. Іоаннѣ слѣдующую рѣчь:

„Поразительнѣйшее знаменіе времени—отецъ Іоаннъ кронштадтскій. Вѣдь его жаждутъ принять вездѣ, отъ подвала до раззолоченныхъ палатъ. Этого мало. Онъ не можетъ, не имѣетъ времени читать всѣ посылаемыя къ нему письма и телеграммы, которыми наполняются цѣлыя корзины. Онъ не имѣетъ времени удовлетворить насущнѣйшимъ потребностямъ—питанія и отдыха. Когда онъ приближается изъ Кронштадта къ Петербургу, здѣсь на пристани всегда уже знаютъ и ждутъ его толпы народа; знаютъ напередъ и ждутъ его во всякой части города, у всякаго дома, гдѣ предполагается его прибытіе. При выходѣ изъ закрытаго экипажа, при выходѣ изъ домовъ къ экипажу, его рвутъ на части, чтобы принять его благословеніе, рискуя и его и сами себя раздавить въ народной толкотнѣ. Его молитвенной помощи ждутъ и просятъ не только въ Россіи, но и за границей. И молитвенная помощь его, всегда съ его стороны простая, ничего чудеснаго прямо не обѣщающая, бываетъ иногда поразительно чудесною. Истинно поразительна, даже чудесна самая вѣра въ отца Іоанна кронштадтскаго всѣхъ сословій Петербурга да и всѣхъ концовъ Россіи. А такой простой, безыскусственный человѣкъ, но истинно вѣрующій въ дѣйственность силы Божіей и въ наши дни священникъ. *Чудотворна та икона*, —выразился глубокомудрый первосвятитель Россійской Церкви, 90-лѣтній старецъ,—

которая сильна возбудить вѣру въ свою чудотворность. Силу этого глубокомысленнаго изреченія можно примѣнить и къ отцу Іоанну кронштадтскому. Да, чудотворецъ онъ уже потому самому, что возбудилъ крѣпкую вѣру въ чудотворную силу Божію, содѣвающуюся въ человѣческой немощи и въ наши невѣрные дни.

„Не знаменіе ли это времени? Кто могъ подумать 20 лѣтъ назадъ, въ 60-хъ годахъ, что Петербургъ такъ согласно будетъ выражать свою вѣру во всемогущую чудотворность силы Божіей, передъ очами нашими являемую въ немощи человѣческой! И однакоже это фактъ, — фактъ, свидѣтельствующій о поворотѣ въ склонѣ народнаго духа“.

Другой авторитетный пастырь Церкви, извѣстный проповѣдникъ, настоятель каѳедральнаго Исаакіевскаго собора, П. А. Смирновъ, говоря въ собраніи, въ присутствіи нѣсколькихъ іерарховъ Церкви и высокопоставленныхъ лицъ, Петербургскаго братства во имя Пресв. Богородицы, въ рѣчи своей о пашковской ереси, которая въ послѣднее время такъ сильно распространилась въ столицѣ, высказалъ объ отцѣ Іоаннѣ кронштадтскомъ слѣдующее:

„Но если велика сила вражья, то безконечно могущественна сила Божья. Около самаго Петербурга, на пути, откуда пришелъ къ намъ начальникъ ереси (лордъ Редстокъ, отъ котораго впослѣдствіи и образовалась пашковская ересь) является пастырь съ особеннымъ даромъ молитвы и исцѣленія. Простой и добрый, искреннѣйшій человѣкъ, онъ дѣйствуетъ на прибѣгающихъ къ нему именно и только, какъ священникъ, тѣми средствами, какія указуетъ Церковь: совершеніемъ молебствій предъ св. иконою и окропленіемъ освященною водою, чтеніемъ Слова Божія и словомъ пастырскаго назиданія, постомъ и говѣніемъ, исповѣдью и преподаніемъ св. Таинъ,—и благодати священства усвояетъ все, что совершаетъ черезъ него милосердый Господь. И передъ нашими глазами точно повторяются событія евангельской и апостольской исторіи; толпы народа окружаютъ всюду вѣрнаго носителя Божественной благодати, немощныя врачующей, и не даютъ покою ему ни на одинъ часъ, какъ нѣкогда ученикамъ Іисуса. Этотъ смиреннѣйшій пастырь—живой и сильный обличитель гордаго суемудрія сектантскаго“.

* *

Послѣ 35-лѣтняго юбилея осталось нѣсколько *памятниковъ*. На первомъ планѣ—церковь въ „Домѣ Трудолюбія“ или правильнѣе сказать, пристроенный къ церкви алтарь. Сооруженіе богатое, капитальное, сдѣланное почитателями высокочтимаго отца Іоанна; благодаря наружной выпуклой (каменной) пристройкѣ, церковь стала гораздо помѣстительнѣе, а главное—удобнѣе для совершенія службъ. Утварь церковная, иконостасъ, св. иконы—не оставляютъ желать лучшаго. Второе мѣсто послѣ алтаря занимаетъ каменная часовня, на могилѣ матери отца Іоанна, Ѳеодоры Власьевны Сергіевой, скончавшейся 6-го іюля 1871 г. и похороненной на загородномъ кронштадтскомъ кладбищѣ. Часовня еще не отстроена, хотя стѣны окончены и сдѣлана крыша; осталось лишь внутренняя отдѣлка и окраска снаружи. Часовня съ куполомъ въ византійскомъ стилѣ съ высокими дверьми; внутри имѣется портретъ покойной, передъ которымъ горитъ неугасимая лампада; много свѣжихъ вѣнковъ свидѣтельствуютъ, что часовня, и недостроенная еще, привлекаетъ посѣтителей. Наконецъ, еще одинъ памятникъ. Новая спасательная станція въ Ораніенбаумѣ (на оконечности земляной дамбы), строящаяся почитателями отца Іоанна съ его благословенія. На планѣ этой станціи, постройка которой начата съ мѣсяцъ тому назадъ, о. Іоаннъ написалъ: „Этотъ планъ одобряю и благословляю всѣхъ участниковъ. По случаю приближенія распутицы приступимъ нынѣ же съ Божіей помощью къ постройкѣ проектированнаго зданія для Ораніенбаумской спасательной станціи общества спасанія на водахъ, состоящаго подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы. Прежняя станція бурей уничтожена, а потому чувствуется крайняя надобность въ постройкѣ новой усовершенствованной станціи, какъ пристанища всѣмъ терпящимъ бѣдствіе на морѣ. Сердечно благодарю добрыхъ дѣятелей за ихъ заботы и обо мнѣ грѣшномъ, а также за постройку названнаго зданія со всѣми приспособленіями. Желаю полнаго успѣха и процвѣтанія этому истинно христіанскому дѣлу“.

При станціи будетъ устроена отдѣльная комната собственно для отца Іоанна и будетъ находиться одна спасательная лодка его имени. Если припомнить, какъ часто приходится уважаемому пастырю ѣздить изъ Кронштадта въ Ораніенбаумъ во время распутицы, непрочнаго льда и бурь, то значеніе новой станціи и

горячее желаніе почитателей скорѣе ее устроить станетъ понятнымъ! Тѣмъ, которые желаютъ присоединить свое имя къ сооружаемому „памятнику", представляется отличный случай, пока станція еще не готова...

Заключеніе.

Мы заканчиваемъ нашъ очеркъ. Скажемъ въ заключеніе, что дивная и необъятная по размѣрамъ слава о. Іоанна даетъ различные отголоски въ нашемъ обширномъ отечествѣ. Есть почитатели кронштадтскаго пастыря, которые, видя въ немъ силу вѣры, испытавъ на себѣ эту силу, навсегда отрѣшились отъ грѣховной мірской жизни и съ честью теперь живутъ во славу Божію. Мы могли бы указать для примѣра одно *еврейское* семейство, которое, принявъ православіе, можетъ теперь смѣло служить образцомъ христіанскаго благочестія; одинъ купецъ, содержатель трактира, исцѣлившійся молитвой о. Іоанна, теперь всю свою жизнь посвятилъ подвигамъ любви и милосердія; одинъ домовладѣлецъ, чудесно вставшій съ смертельнаго одра послѣ молитвы о. Іоанна, сдѣлался миссіонеромъ и проповѣдникомъ вѣры православной. Многія семейства, благодаря вліянію кронштадтскаго пастыря, ведутъ нынѣ самую набожную и христіанскую жизнь, удостоиваясь регулярно черезъ воскресенье принятія св. причащенія. Такихъ семействъ можно указать нѣсколько сотъ, но общее число ихъ, вѣроятно, гораздо больше.

Затѣмъ, есть вторая категорія людей, такъ сказать, фанатическихъ поклонниковъ о. Іоанна, которые, помимо его какого-либо участія, склонны образовать нѣчто въ родѣ секты, возвели кронштадтскаго протоіерея въ „ангела" или въ „святые" и образовали свое собственное ученіе, непохожее на ученіе православной Церкви, котораго такъ строго держится о. Іоаннъ. Эти самозванные „послѣдователи" о. Іоанна объявились далеко отъ предѣловъ Кронштадта и пока немногочисленны, но духовное начальство обратило уже на нихъ вниманіе и принимаетъ свои мѣры

противъ увлеченія людей, ничего общаго съ о. Іоанномъ и его наставленіями не имѣющихъ.

Наконецъ, есть и еще отголоски славы о. Іоанна. Эти отголоски чужды религіи и преслѣдуютъ исключительно низкія матеріальныя цѣли. Отецъ Іоаннъ нерѣдко былъ вынужденъ оффиціально заявлять, что продаваемыя отъ его имени молитвы, бесѣды, крестики и т. п. не имѣютъ съ его дѣятельностью не только ничего общаго, но прямо представляютъ изъ себя безцеремонную аферу. Находились проходимцы, бравшіе на себя посредничество между о. Іоанномъ и ищущими его молитвы. Конечно, во всѣхъ этихъ случаяхъ самъ пастырь былъ не при чемъ...

Закончимъ нашъ очеркъ словами самого отца Іоанна, въ которыхъ и заключается вся сила его славы и подвижничества.

— Я поставилъ себѣ за правило сколь возможно искренне относиться къ своему дѣлу и строго слѣдить за собою, за своею внутреннею жизнью...

Въ этихъ словахъ кронштадтскаго пастыря—объясненіе характера его дѣятельности и тайны его вліянія на сердца людей.

КОНЕЦЪ.

2007081240